

ISSN 2782-6627

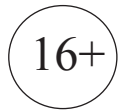

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.К. АММОСОВА

АЛТАИСТИКА ALTAISTICS

№ 3 (18)
2025

Научный журнал
Сетевое издание
Издается с 2021 года
Журнал выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

3 (18) 2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор *Г. Г. Филиппов*, д. филол. н.

Заместитель главного редактора, редактор серии: *Г. Г. Торотов*, к. филол. н.

Выпускающий редактор *Л. Е Манчурина*, к. филол. н.

Члены редакционной коллегии:

Ан Сан Чоль, PhD, директор Института имени короля Седжона в г. Якутске, Корея (по согласованию); *К. Ж. Айдарбек*, д. филол. н., ассоциированный проф. кафедры казахского и русского языков, Казахский Национальный Аграрный исследовательский университет, Казахстан (по согласованию); *И. Е. Алексеев*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Е. Н. Афанасьева*, к. филол. н., доцент Политехнического института (филиала) СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Е. Ф. Афанасьева*, к. филол. н., доцент Бурятского госуниверситета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия (по согласованию); *М. В. Бавуу-Сюрюн*, д. филол. н., проф. кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского госуниверситета, Россия (по согласованию); *Нь. С. уола Багдарыын*, к. филол. н., н. с. ИГиИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *А. Н. Варламов*, д. ф. н., н. с. ИГиИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *А. А. Васильева*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *С. П. Васильева*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Л. Л. Габышева*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Н. И. Данилова*, д. филол. н., гл. н. с. ИГиИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *П. П. Дашиинимаева*, д. филол. н., проф. Бурятского госуниверситета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия (по согласованию); *Л. С. Ефимова*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *О. С. Жубаева*, д. филол. н., проф. Казахского национального университета имени Аль-Фараби, Казахстан (по согласованию); *А. Д. Каксин*, д. филол. н., в. н. с. Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия (по согласованию); *Канг Дуку*, PhD, Институт российских исследований, Университет иностранных языков «Хангук», Корея (по согласованию); *Г. Килли Йылмаз*, PhD, проф. Анкарского университета, факультета языков, истории и географии, Турция (по согласованию); *В. Д. Монастырев*, к. филол. н., в. н. с. ИГиИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *В. Н. Мушаев*, д. филол. н., проф., зав. кафедрой калмыцкого языка, монголистики и алтаистики Калмыцкого госуниверситета им. Б.Б. Городовикова, Россия (по согласованию); *А. А. Находкина*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Б. Ч. Ооржак*, д. филол. н., в. н. с. НОЦ «Тюркология» Тувинского госуниверситета, Россия (по согласованию); *А. Б. Салкынбай*, д. филол. н., проф. Казахского национального университета им. Аль-Фараби, Казахстан (по согласованию); *М. Д. Чертыкова*, д. филол. н., в. н. с. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия (по согласованию); *Л. А. Шамина*, д. филол. н., гл. н. с. сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, Россия (по согласованию); *С. И. Шарина*, к. филол. н., в. н. с. ИГиИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию)

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677000, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 219

Тел.: +7 (4112) 49-67-50

E-mail: altaistics2020@mail.ru

Северо-Восточный федеральный университет <https://altaisticsvfu.ru> ; <https://altaistika.elpub.ru/jour>

Scholarly journal
Online periodical
Published since 2021
Published 4 times a year

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education
“M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

3 (18) 2025

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *G. G. Filippov*, Doctor of Philological Sciences
Deputy Editor-in-Chief: *G. G. Torotoev*, Candidate of Philological Sciences
Commissioning Editor: *L. E. Manchurina*, Candidate of Philological Sciences

Editorial Team of the Series:

Ahn Sang-Cheol, PhD, Director, Sejong Institute in Yakutsk, Korea (on agreement); *K. J. Aidarbek*, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Kazakh and Russian Languages, Kazakh National Agrarian Research Institute, Kazakhstan (on agreement); *I. E. Alekseev*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *E. N. Afanasieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Polytechnic Institute (branch), M. K. Ammosov NEFU, Russia; *E. F. Afanasieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia (on agreement); *M. V. Bavuu-Surun*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Tuvan Philology and General Linguistics, Tuva University, Russia (on agreement); *N. S. uola Bagdaryyn*, Candidate of Philological Sciences, researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (IHRISN SB RAS), Russia (on agreement); *A. N. Varlamov*, Doctor of Philological Sciences, researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *A. A. Vasilieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *S. P. Vasilieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *L. L. Gabysheva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *N. I. Danilova*, Doctor of Philological Sciences, chief researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *P. P. Dashinimaeva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia (on agreement); *L. S. Efimova*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *O. S. Zhubaeva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan (on agreement); *A. D. Kaksin*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia (on agreement); *Kang Duck-soo*, PhD, Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies, Korea (on agreement); *G. Killi Yilmaz*, PhD, Professor, Faculty of Languages, History and Geography, Ankara University, Turkey (on agreement); *V. D. Monastyrev*, Candidate of Philological Sciences, leading researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *V. N. Mushaev*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Kalmyk Language, Mongol Studies and Altaics, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Russia (on agreement); *A. A. Nakhodkina*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *B. Ch. Oorzhak*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, Turkic Studies Center, Tuva University, Russia (on agreement); *A. B. Salkynbai*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan (on agreement); *M. D. Chertykova*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, Institute of Humanities Research and Sayan-Altai Turkic Studies, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia (on agreement); *L. A. Shamina*, Doctor of Philological Sciences, chief researcher, Department of Languages of people of the North, Institute of Philology, SB RAS (on agreement); *S. I. Sharina*, Candidate of Philological Sciences, leading researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement)

Address of the founder and publisher: 677000, Yakutsk, ul, Belinskogo, 58

Address of the editorial office: 677000, Yakutsk, ul, Kulakovskogo, 42, office 219

Phone: +7 (4112) 49-67-50

E-mail: altaistics2020@mail.ru

North-Eastern Federal University <https://altaisticsvfu.ru> ; <https://altaistika.elpub.ru/jour>

© The North-Eastern Federal University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

- Борисова В. С.* Общетюркская аналитическая конструкция в абыйском говоре якутского языка (на материале полевых исследований)5

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

- Давыдова Л. Н., Иванова С. В.* Перевод терминологии индустрии красоты на якутский язык = Кэрэ эйгэтин тиэрминнэрин сахалы тылбааһа 13

ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ АЛТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ

- Ефимова Л. С.* Термины национальной гастрономической культуры якутов в записях Я. И. Линденау (I половина XVIII в.)26
- Ефремова Н. А., Семенова С. В.* Лексико-семантический анализ имен собственных якутского эпоса олонхо41
- Озодова О. К.* Фразеологизмы как отражение культуры и менталитета народа53
- Яковлева Л.А., Кутузова В.М.* Семантика топонимического пространства Южной Якутии как инструмент патриотического воспитания61

CONTENT

STUDY OF TURKIC LANGUAGES

<i>Borisova V. S.</i> The Turkic analytical construction in the Abyi dialect of the Yakut language (based on field research)	5
---	---

THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

<i>Davydova L. N., Ivanova S. V.</i> Translation of beauty industry terminology into the Yakut Language	13
--	----

LANGUAGES AND CULTURES OF THE PEOPLES OF THE ALTAIC LANGUAGE FAMILY

<i>Efimova L. S.</i> Terms of the national gastronomic culture of the Yakuts in the records of Jacob Lindenau (first half of the 18th century)	26
<i>Efremova N. A., Semenova S. V.</i> Lexical and semantic analysis of proper names in the Yakut epic olonkho	41
<i>Ozodova O. K.</i> Phraseological units as a reflection of the culture and mentality of the people	53
<i>Yakovleva L. A., Kutuzova V. M.</i> Semantics of the toponymic space of Southern Yakutia as a tool for patriotic education	61

– ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ –

УДК 811.512.157

<https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-3-5-12>*Оригинальная научная статья*

Общетюркская аналитическая конструкция в абыйском говоре якутского языка (на материале полевых исследований)

В. С. Борисова^{1, 2}¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

г. Москва, Российская Федерация,

²Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,

г. Якутск, Российская Федерация

✉ Valerybo1402@gmail.com

Аннотация

Сегодня в якутской диалектологии наблюдается постепенное нивелирование особенных диалектных черт, одни из которых восходят к архаичным свойствам якутского языка. Абыйский говор якутского языка находится под угрозой утраты его специфических языковых явлений, связанных с его морфологической системой. Цель настоящей статьи заключается в описании аналитической формы причастия на *-ыа* и вспомогательного глагола *кэл-* и проведение сравнительно-исторического анализа ее компонентов. Для достижения поставленной цели выполнены следующие задачи: 1) выявить частотность употребления рассматриваемой аналитической конструкции в речи абыйских якутов; 2) разбор диалектной аналитической конструкции на компоненты; 3) сравнение диалектной аналитической конструкции с общепотребительным свободным сочетанием. Полученные результаты анкетирования, согласно которым конструкция остается продуктивной для половины респондентов, подтвердили ее довольно высокую степень устойчивости в речи абыйских якутов. В составе диалектной аналитической конструкции полнозначные слова предстают в роли служебной части речи, а морфемы принимают другие показатели. В других тюркских языках аналогичная аналитическая конструкция в составе *-гу- кел-*, где компоненты так же становятся показателями других грамматических категорий. Входящее в норму литературного языка свободное сочетание причастия на *-ыах*, именного слова *санаа/баба* с притяжательным аффиксом и служебного глагола *кэл-* является продуктом более позднего времени. Когда носители центральных говоров или говоров, относительно близких к центральному, переходили на другие модели выражения модальности, на периферии закрепилось употребление архаичной формы. В дальнейшем следует выявить факторы сохранения древних языковых явлений в составе северных говоров якутского языка как способа поддержания уникального лингвистического наследия Севера и Арктики РФ.

Ключевые слова: аналитическая конструкция, аналитический формант, свободное сочетание, модальность, анкетирование, диалектизм, абыйский говор, северо-восточная группа, якутский язык, тюркские языки.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках реализации проекта РНФ «Языки и культуры народов Севера и Арктики РФ: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)» (Соглашение N25-78-30006 от 22.05.2025 г.).

Для цитирования: Борисова В.С. Общетюркская аналитическая конструкция в абыйском говоре якутского языка (на материале полевых исследований). *Алтаистика. Altaistics*. 2025, № 3 (18), С. 5-12. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-3-5-12>

The Turkic analytical construction in the Abyi dialect of the Yakut language (based on field research)

Valeriia S. Borisova^{1,2}

¹National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

²M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ Valerybo1402@gmail.com

Abstract

Today, there is a gradual reduction in the use of specific dialectal features in the Yakut dialect, some of which are rooted in the archaic characteristics of the Yakut language. The Abyi dialect, in particular, is at risk of losing certain linguistic phenomena that are unique to its morphological system. The aim of this paper was to examine the analytical form of the *-ya* participle and the *kel-* auxiliary verb, and to conduct a comparative historical analysis of their components. To achieve this objective, the following steps were taken: 1) to identify the frequency of use of the analytical construction in question in the speech of the Abyi Yakuts; 2) to analyze the dialectal analytical construction into components; 3) to compare the dialectal analytical construction with a commonly used free word combination. The survey results, which indicate that the construction remains functional for approximately half of the participants, confirm its relatively high level of vitality. As part of the grammatical analysis, full-fledged words function as the main part of speech and morphemes acquire additional markers. In other Turkic languages there is a similar analytical construction in the composition *-gu- kel-*, where the components also become indicators of other grammatical categories. The free word combination of the *-yah* participle, the nominal word *sanaa/baga* with a possessive affix and the *kel-* auxiliary, which is part of the norm of the literary language, is a formation of a later period. When speakers of central or relatively close dialects shifted to other modality expressions mode, the use of an archaic form became established in the periphery. It is therefore necessary to identify factors that contribute to the preservation of ancient linguistic phenomena in northern dialects of the Yakut language, in order to maintain the unique linguistic heritage of the North and Arctic regions of the Russian Federation in the future.

Keywords: analytical construction, analytical formant, free word combination, modality, questioning, dialecticism, Abyi dialect, Northeastern group, Yakut language, Turkic languages.

Funding: This article was written with support from RSF “Languages and Cultures of the Peoples of the North and the Arctic of the Russian Federation: Comprehensive socio-humanitarian research (on the basis of big data)” (Agreement No25-78-30006 of 22.05.2025).

For citation: Borisova V.S. The Turkic analytical construction in the Abyi dialect of the Yakut language (based on field research). *Altaistics*. 2025, No 3 (18), Pp. 5-12. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-3-5-12>

Введение

Исследование современного состояния диалектов якутского языка является одной из первостепенных задач по сохранению уникального языкового наследия народов Севера и Арктики в условиях интенсивного развития глобализации и урбанизации. На сегодняшний день материал по диалектным вариациям якутского языка собран и описан в существенном объеме, однако полученные еще в прошлом столетии данные по различным группам говоров нуждаются в обновлении. Так, последние наиболее масштабные и систематические исследования по якутским диалектам и говорам, а также работы по комплексному их описанию проводились в 90 г. XX века [1]. Нужно отметить, что северные группы диалектов якутского языка в настоящий момент переживают весьма интересный этап своего бытования: изолированная жизнь северных якутов способствовала сохранению архаичных черт якутского языка вплоть до наших дней. Вместе с тем начинает стираться граница между литературными и региональными вариантами слов, что приводит

к нивелированию особенных диалектных черт. Угрозу утраты особенностей абыйского говора лингвисты подчеркнули еще в XX веке. К примеру, якутский филолог Е. И. Коркина отметила: «С развитием грамотности, распространением печати, культурных товаров, радио и т. д. влияние литературного якутского языка все больше усиливается с каждым годом» [2, с. 93].

Поскольку морфологическая система является наиболее устойчивой к изменениям, соответственно, в языке северных якутов продолжают бытовать древние формы слов или конструкций. Так, в абыйском говоре употребляется общетюркская аналитическая конструкция в составе причастия на *-ых* и вспомогательного глагола *кэл-* с модальным значением [3]. Подобные диалектные грамматические явления представляют большой интерес для понимания грамматического строя и исторического развития якутского языка. Цель настоящей статьи заключается в описании данной аналитической конструкции глагола, а также в проведении ее сравнительно-исторического анализа.

Согласно классификации М. С. Воронкина, абыйский говор составляет северо-восточную диалектную зону. Исследователи единодушно отмечают древнейший характер данной диалектной группы, заключающийся в наличии «следов большей архаичности» в сравнении с современным литературным языком [2, с. 18]. Так, описанию особенностей северо-восточной группы говоров якутского языка, в частности, связанные с их фонетической системой, посвящено немало работ. Однако отдельные морфологические явления северных говоров требуют детального описания и исторического осмысления.

Исследователи подчеркивают особую роль аналитизма в тюркском словообразовании, а рассматриваемую модальную аналитическую форму признают одним из самых продуктивных [4]. Уникальность данного явления в тюркских языках проявляется в широком употреблении одной части речи в роли другой, при этом за каждой из ее функций закреплено «точное формальное выражение, позволяющее однозначно осмыслить эту единицу в любом случае конкретного употребления» [5, с. 55]. Данное грамматическое явление получило теоретическое осмысление в монографии А. А. Юлдашева «Аналитические формы глагола в тюркских языках». В труде дифференцируется понятие глагольной аналитической конструкции от сложного глагола, систематизируются ее виды и дается их описание; здесь также впервые подробно рассматриваются глагольные аналитические формы с модальным значением. А. А. Озонова, в свою очередь, при анализе различных аналитических форм подчеркивает особую роль аналитического форманта, который представлен аффиксом, замыкающим основной и вспомогательный глаголы [6]. Первичное подробное описание аналитических конструкций с модальным значением на материале якутского языка было составлено Е. И. Коркиной, а также диалектная аналитическая форма в составе причастия на *-ых* и вспомогательного глагола *кэл-* впервые рассмотрена в ее монографиях, посвященных северо-восточным говорам. Не менее детальное описание данной диалектной конструкции дано в статье «Модальные формы причастий на *-ых* и *-ья* в якутском языке» Г. Г. Филиппова, где приводится разбор всех аналитических форм причастия на *-ых* и формы *-ья* в якутском языке [7].

Компоненты диалектной аналитической конструкции с модальным значением

В результате полевых исследований выяснено, что для носителей абыйского говора характерно использование аналитической конструкции с модальным значением для выражения непроизвольного желания, намерения. В ходе анкетирования 50% респондентов (20 из 40) использовали конструкции: *мин утуйуом кэллэ* – ‘мне хочется спать’, *мин аһыам кэллэ* – ‘мне хочется есть’. Другая половина респондентов использовала иную, общеупотребительную аналитическую конструкцию в составе падежно-причастной формы

-*бахпын* с модальным значением [8, с. 42]: *аһыахпын баҕардым* – ‘я хочу есть’, *утуйуохпун баҕардым* – ‘я хочу спать’. Во время анкетирования также зафиксировано употребление свободных сочетаний аналитической конструкции: 3 опрошенных дополнительно дали варианты: *мин утуйуох санаам кэллэ* – ‘мне захотелось спать’ / ‘у меня возникло желание поспать’, *мин аһыах санаам кэллэ* – ‘мне захотелось есть’ / ‘у меня возникло желание поесть’. Две последние конструкции являются литературными вариантами.

Как было указано, отличительным признаком аналитических конструкций является знаковое и смысловое единство значения их компонентов и монолитность их употребления [9]. Иными словами, вне сочетания с причастием на *-ыа/-ых* глагол *-кэл* лишается своей семантики ‘захотеть’, а аффикс *-ыа/-ых* в якутском языке не используется в роли имени действия. Сейчас принято считать, сочетание причастия и вспомогательного глагола в аналитической конструкции порождает одну синтаксическую единицу – сказуемое [10]. Однако для детального разбора модели диалектной аналитической формы требуется рассмотреть каждый компонент отдельно:

Первый компонент представлен причастием будущего времени на *-ыа/-ых*, принявшим аффикс принадлежности [2]. Сама глагольная основа не представляет особого интереса в данном сочетании, так как он может быть легко заменен другим [10]. Именно аффикс *-ыа/-ых* выполняет важную функцию в качестве аналитического форманта, замыкающий основной и вспомогательный глаголы. В рамках рассматриваемой конструкции он становится показателем модальности: *аһыам кэллэ* – ‘мое кушание (мое желание кушать) подступило’.

Наиболее любопытное положение занимает вспомогательный глагол *кэл* ‘приходить’, который в сочетании с основным глаголом десемантизируется и выражает чувственное восприятие [2], принимая модальное значение ‘непроизвольно захотелось’. К нему присоединяется аффикс недавнопрошедшего времени 3 лица, согласуясь с причастием, принявшим значение имени действия.

В литературном языке якутский глагол *кэл* активно используется для образования иных аналитических форм в сочетании с причастием и деепричастием. Однако его семантика начала, возникновения действия за ним сохраняется: *туран кэллэ* – ‘он вдруг встал’ [11, с. 289]; *турарым кэллэ* – ‘мне пора встать’, ‘вот-вот встану’. Можно сделать вывод о том, что в рамках аналитических конструкций лексема *кэл*, хотя и выполняет функцию вспомогательного глагола, десемантизируется не полностью, обозначая подступ к моменту совершения какого-либо действия, таким образом, частично сохраняя первоначальное значение ‘прийти’, ‘подойти’.

Эта аналитическая форма имеет живое употребление не только в абыйском говоре, но и в момском, колымском и оймьяконском говорах в ходе диалектологических исследований ИЯЛЯ СО АН СССР в 1950-х гг. Так, рассматриваемое грамматическое явление считается особенной чертой северо-восточной диалектной зоны якутского языка.

В настоящий момент аналогичная конструкция для выражения модальности желания активно употребляется в ряде тюркских языков. Для сравнения показателей каждого из компонентов необходимо сопоставить их с общетюркским материалом.

Свойство глагола *кэл-* образовываться в служебный компонент в рамках различных аналитических моделей показывает весьма устойчивый характер в общетюркской перспективе. Во многих тюркских языках он лишается своего первоначального значения [10] и используется в качестве вспомогательного глагола для выражения чувственного восприятия: казах. *мен көргім келеді* ‘я хочу видеть’, башк. *баргым килэ* ‘хочу идти’, тат. *ашыйсым киле* ‘хочу есть’, тур. *öpesim geldi* ‘хочу поцеловать’, алт. *уйку- кел-* – ‘хотеть спать’ и т. д.

Исследователи в области якутского языкознания сопоставляли *-ыа/ыах кэл-* с общетюркским *-гу/ -гы кэл-* [7, с. 113]. Общетюркский аффикс *-гу, -гы* в составе аналитической конструкции был замечен в узбекском, уйгурском, казахском и туркменском языках [13, с. 18], а также в башкирском, где он употребляется наряду с поздней синонимичной формой на *-сы кел-* [10, с. 109]. Хотя он изначально и был показателем имени/имени действия, на современном этапе как таковой не воспринимается, выражая в основном категорию модальности [10]. Однако словообразовательный аффикс *-ку, -бу* сохранился в отдельных именных единицах: алт. *уйку- кел-* – ‘хотеть спать’ (уйку – ‘сон’), алт. *куску- кел-* – ‘хотеть вырвать’ (куску – ‘рвота’) и др.

Так, в общетюркской перспективе данная модель аналитической конструкции имеет разные степени сохранности: в ряде тюркских языков (башкирский, казахский и др.) она продолжает активно функционировать, в то время как в якутском языке она замечена лишь в отдельных ее говорах. Когда носители центральных говоров или говоров, относительно близких к центральным, переходили на другие модели выражения модальности, на периферии закрепилось употребление архаичной формы: «Вместе с тем на территории, удаленной от центра, в разной степени сохраняются архаизмы, функционирующие в активном словаре носителей языка» [14, с. 33].

На современном этапе литературный вариант выражения ненамеренного желания в якутском языке представлен сочетанием причастия на *-ыах*, имени существительного *санаа/баҕа* ‘желание’, сращенное притяжательным аффиксом и вспомогательного глагола *кэл-* [15, с. 31]. Имеющаяся в литературном якутском языке модель свободного сочетания сопоставима с диалектной аналитической конструкцией, функционирующей в рассматриваемом говоре. Только в состав последнего сочетания включено именное слово, имеющее семантику намерения, желания [7, с. 115] и выражающее модальность в данной конструкции. В результате этого семантическое составляющее не претерпело изменений, но в структурном плане получило полное оформление: *аһыах санаам кэллэ* ‘возникло желание поест’. Возможно, что данное свободное сочетание является продуктом более поздних образований по сравнению с диалектной глагольной конструкцией: «Общеизвестно, что на периферии оседают архаизмы, а в центре рождается новое в языке» [14, с. 86]. Это может указывать на то, как свободные сочетания в якутском языке «вытесняют» древние аналитические формы. Известный тюрколог Н. А. Баскаков, изучая эволюцию аналитических форм глаголов в тюркских языках, отметил «тенденции постепенной грамматизации свободных сочетаний слов» [9, с. 74].

Заключение

Таким образом, в рамках диалектной аналитической конструкции привычные нам части речи употребляются в совершенно других значениях: вспомогательный глагол *кэл-* принимает значение чувственного восприятия, не входящего в его семантическую структуру, форма причастия будущего времени на *-ыа/-ыах* становится показателем имени действия. Уникальность аналитизма в тюркских языках заключается в представленности «полнозначного слова – в роли служебной морфемы, аффикса одной грамматической категории – в качестве показателя другой, словосочетания – в качестве сложной лексемы или же формы слова, причем без какого-либо изменения внешнего облика указанных типов значащих единиц» [10, с. 55].

На материале литературного языка мы наблюдаем образование свободных сочетаний на базе аналитической конструкции в составе причастия на *-ыа/-ыах* и служебного глагола *кэл-*. Е. И. Коркина подчеркнула, что «список свободных сочетаний причастных форм с модальными частицами имеет тенденцию к дальнейшему пополнению за счет

создания новых типов и моделей сочетаний с модальным значением по мере развития языка» [15, с. 33]. При первом взгляде модель аналитической конструкции по отношению к модели ее свободного сочетания более примитивная, тогда как другая представляет грамматически и лексически целостную структуру. Однако диалектный и литературный варианты выражения модальности семантически равны и взаимозаменяемы. В то время как в свободном сочетании именное слово выражает модальность, в аналитической форме показатель модальности имеет вся конструкция целиком. Так, диалектная аналитическая конструкция представляет неразложимую единицу, не нуждающуюся в дополнениях и уточнениях.

Проведенное анкетирование позволило подтвердить жизнеспособность данной грамматической модели в живой речи носителей абыйского говора и проследить динамику изменений уникальных диалектных черт в условиях усиливающегося воздействия литературного языка и глобализационных процессов. Полученные результаты, согласно которым конструкция остается продуктивной для половины респондентов, свидетельствуют о её высокой степени устойчивости, но по сравнению с данными, полученными в ходе анкетирования в 50-х XX в., наблюдается небольшой спад в ее употреблении.

Разнообразие аналитических форм тюркологии считают «достоянием праязыка» [4, с. 7]. Иначе говоря, ярко выраженный аналитизм в глаголах говорит о сохранении древнейших языковых черт. Говорит ли сохранение общетюркской аналитической конструкции в составе северо-восточных говоров якутского языка о наибольшей архаичности данной диалектной группы по отношению к другим говорам? Выяснение факторов сохранения языковых явлений, характерных для древнетюркских языков, в качестве специфических черт северо-восточной диалектной зоны – задача последующих исследований. В дальнейшем это может пролить свет на историю передвижения предков якутов по северу республики.

Литература

1. Малышева Н.В., Борисова В.С., Турантаева Н.В. и др. Абыйский говор якутского языка (на материале полевых работ). *Oriental Studies*. 2025;2. DOI: 10.22162/2619-0990.
2. Сборник диалектологических материалов якутского языка. Якутск: Якутское книжное изд-во; 1961:130.
3. Коркина Е.И. *Северо-восточная диалектная зона якутского языка*. Новосибирск: Наука; 1992:267.
4. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. Москва: Наука; 1988:563.
5. Юлдашев А.А. К проблеме аналитизма в тюркских языках. *Вопросы языкознания*. 1965;2:55-65.
6. Озонова А.А. Модальные аналитические конструкции алтайского языка: Автореф. дисс. ... канд. филологических наук. Новосибирск; 1999:22.
7. Филиппов Г.Г. Модальные формы причастий на -ых и -ья в якутском языке. *Вестник СВФУ*. 2015;48(4):109-121.
8. Коркина Е.И. Аналитические конструкции в составе причастной формы на -ыхпын и функционально-модальных глаголов в якутском языке. *Якутский филологический сборник: (сборник научных трудов)*. Якутск; 1976:42-52.
9. Карымбаева К.М. Аналитическая форма глагола и ее отличие от внешне сходных языковых явлений. *Всероссийский журнал научных публикаций*. 2012;2(12):74-75.
10. Юлдашев А.А. *Аналитические формы глагола в тюркских языках*. Москва: Наука; 1965:275.
11. Грамматика современного якутского литературного языка: в 2 томах. Т. 1: Фонетика и морфология. Москва: Наука; 1982:495.
12. Филиппов Г.Г. *Причастие будущего времени на -ых и форма на -ья в якутском языке*. Якутск: Изд-во Якутского университета; 1996:110.

13. Агламова М.Т. Способы выражения повелительности и желательности в тюркских языках: Автореф. дисс. ... канд. филологических наук. Ташкент: 1966:30.
14. Воронкин М.С. *Диалектная система языка саха: Образование, взаимодействие с лит. яз. и характеристика*. Новосибирск: Наука. Сиб. изд.; 1999:196.
15. Харабаева В.И. Е. И. Коркина о глагольных лично-отнесенных модальных конструкциях в якутском языке. *Евдокия Иннокентьевна Коркина: биографика и интерпретация научного и творческого наследия: сборник научных статей*. Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН; 2018:31-35.

References

1. Malysheva NV, Borisova VS, Turantaeva NV, et al. The Abyi dialect of the Yakut language (based on field materials). *Oriental Studies*. 2025;2 (in Russian). DOI: 10.22162/2619-0990.
2. Collection of dialectological materials of the Yakut language. Yakutsk: Yakut book publishing house; 1961:130 (in Russian).
3. Korkina EI. *Northeastern dialect zone of the Yakut language*. Novosibirsk: Publishing house "Nauka"; 1992:267 (in Russian).
4. Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Morphology. Moscow: Nauka; 1988:563 (in Russian).
5. Yuldashev AA. On the problem of analyticity in Turkic languages. *Voprosy Jazykoznanija*. 1965;2:55–65 (in Russian).
6. Ozonova AA. Modal analytical constructions of the Altai language: Summary of Candidate's dissertation (Philology). Novosibirsk: 1999:22 (in Russian).
7. Filippov GG. Modal forms of participles in -yah and -ya in the Yakut language. *Vestnik of NEFU*. 2015;48(4):109–121 (in Russian).
8. Korkina EI. Analytical constructions in the participial form ending in -yahpyn and functional-modal verbs in the Yakut language. *Yakutskiy filologicheskij sbornik: (sbornik nauchnykh trudov)*. Yakutsk; 1976:42–52 (in Russian).
9. Karymbayeva KM. Analytical form of the verb and its difference from outwardly similar linguistic phenomena. *Vserossiyskiy zhurnal nauchnykh publikatsiy*. 2012;2(12):74–75 (in Russian).
10. Yuldashev AA. *Analytical forms of the verb in Turkic languages*. Moscow: Nauka; 1965:275 (in Russian).
11. Grammar of the modern Yakut literary language: in 2 volumes. V. 1: Phonetics and morphology. Moscow: Nauka; 1982:495 (in Russian).
12. Filippov GG. *The future participle in -yakh and the form in -ya in the Yakut language*. Yakutsk: Publishing house of Yakut State University; 1996:110 (in Russian).
13. Aglamova MT. Methods of expressing imperativeness and desirability in Turkic languages: Summary of Candidate's dissertation (Philology). Tashkent: 1966:30 (in Russian).
14. Voronkin MS. *Dialect system of the Sakha language: Education, interaction with lit. language and characteristics*. Novosibirsk: Publishing house "Nauka"; 1999:196 (in Russian).
15. Kharabaeva VI. EI. Korkina about verbal personal-related modal constructions in the Yakut language. In: Danilova NI., Popova NI., Samsonova YeM. (ed.) *Evdokia Innokentievna Korkina: biography and interpretation of scientific and creative heritage: collection of scientific articles*. Yakutsk: Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems; 2018:31–35 (in Russian).

Об авторе

БОРИСОВА Валерия Сергеевна – магистрант 1 курса, ФГАОУ ВО Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация; м. н. с. Международной научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическая экология Арктики», ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, ORCID: 0009-0008-3094-6899, ResearcherID: OHU-0619-2025, e-mail: Valerybo1402@gmail.com

About the author

Valeriia S. BORISOVA – Master's student, National Research University Higher School of Economics, junior researcher, Moscow, Russian Federation; Arctic Linguistic Ecology Laboratory, M. K. Ammosov

North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: 0009-0008-3094-6899,
ResearcherID: OHU-0619-2025, e-mail: Valerybo1402@gmail.com.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию / Submitted 13.09.2025

Принята к публикации / Accepted 26.09.2025

– ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ –

УДК 811.512.157'25

<https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-3-13-25>*Оригинальная научная статья*

Перевод терминологии индустрии красоты на якутский язык = Кэрэ эйгэтин тиэрминнэрин сахалы тылбааһа

Л. Н. Давыдова, С. В. Иванова✉Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация✉ svl.ivanova@s-vfu.ru**Аннотация**

Актуальность исследования терминологии индустрии красоты обусловлена следующими факторами: 1) относительно недавним становлением данной сферы как самостоятельной индустрии; 2) недостаточной изученностью терминосистемы бьюти-сферы; 3) важностью перевода терминологии на якутский язык; 4) распространением знаний в области индустрии красоты и появлением соответствующих научно-популярных изданий. Целью исследования являются систематизация, анализ и разработка принципов перевода терминологии индустрии красоты на якутский язык. Задачи включали: отбор и тематическую классификацию терминов индустрии красоты; анализ исторического использования данной лексики в якутской литературе и трудах по якутскому языку А. Е. Кулаковского; собственный перевод терминов индустрии красоты; выявление и описание использованных переводческих приемов; анализ использования якутского языка в вывесках, рекламных материалах и прайс-листах салонов красоты г. Якутска; разработку практических рекомендаций и вариантов перевода. Методология исследования основана на комплексном подходе. Материалом исследования послужили 115 терминов, отобранных методом сплошной выборки из специализированных источников. Кроме того, использованы описательный, статистический методы и методы анализа. Терминология систематизирована в 17 тематических групп и переведена на якутский язык; выявлены и апробированы основные способы перевода; установлено ограниченное использование якутского языка в материалах салонов красоты г. Якутска; разработаны практические рекомендации по переводу. Исследование демонстрирует необходимость системного подхода к переводу терминологии индустрии красоты на якутский язык. Разработанные решения способствуют обогащению словарного запаса якутского языка и могут применяться в практической деятельности бьюти-индустрии.

Ключевые слова: русский язык, якутский язык, перевод, терминология, терминосистема, индустрия красоты, переводческие трансформации, А. Е. Кулаковский, языковая политика.

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Давыдова Л.Н., Иванова С.В. Перевод терминологии индустрии красоты на якутский язык = Кэрэ эйгэтин тиэрминнэрин сахалы тылбааһа. *Алтаистика. Altaistics*. 2025, № 3 (18), С. 13-25. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-3-13-25>

Translation of beauty industry terminology into the Yakut Language

Liana N. Davydova, Sargylana V. Ivanova✉

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ svl.ivanova@s-vfu.ru

Abstract

The relevance of the study of beauty industry terminology is determined by the following factors: 1) the relatively recent establishment of this field as an independent industry; 2) the insufficient study of the terminological system of the beauty sphere; 3) the importance of translating terminology into the Yakut language; 4) the dissemination of knowledge in the field of the beauty industry and the emergence of relevant popular science publications. The purpose of the study was to systematize, analyze, and develop principles for translating beauty industry terminology into the Yakut language. The objectives included: selecting and thematically classifying beauty industry terms; analyzing the historical use of this lexicon in Yakut literature and in the works on the Yakut language by Alexei Kulakovsky; translating the beauty industry terms; identifying and describing the translation techniques used; analyzing the use of the Yakut language in signage, advertisements, and price lists of beauty salons in Yakutsk; developing practical recommendations and translation options. The research methodology was based on an integrated approach. The research material consisted of 115 terms selected by the method of continuous sampling from specialized sources. Furthermore, descriptive, statistical, and analysis methods were used. The terminology was systematized into 17 thematic groups and translated into Yakut; the main translation methods were identified and tested; the limited use of the Yakut language in the materials of beauty salons in Yakutsk was established; practical recommendations for translation were developed. Conclusions: the research demonstrates the necessity of a systematic approach to translating beauty industry terminology into the Yakut language. The developed solutions contribute to the enrichment of the Yakut language vocabulary and can be applied in the practical activities of the beauty industry.

Keywords: Russian language, Yakut language, translation, terminology, terminological system, beauty industry, translation transformations, A.E. Kulakovsky, language policy.

Funding. This research did not receive any financial support.

For citation: Davydova L.N., Ivanova S.V. Translation of beauty industry terminology into the Yakut Language. *Altaistics*. 2025, No 3 (18), Pp. 13-25. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-3-13-25>

Кириитэ

Арасыйаҕа кэрэ эйгэтин индустрията күнтэн күн кэнээн, улаатан иһэр. Санаттан сана кэрэ эйгэтин солуона, мэдиссиинэ киинэ, кулууп арыллан, кэрэ эйгэтин тэрилтэлэрин икки ардыларыгар күрэстэнии улаатар. Бүгүнгү күнгэ Дьокуускай куоракка кэрэ эйгэтин индустрията ас-үөл уонна олох-дьаһах салаатын курдук сайынна. Олох сайдан истэбин, таһыма үрдээн истэбин аайы бу эйгэ ураты тыла-өһө, тиэрминэ иһитиннэрэр-биллэрэр эйгэбэ, күннээҕи олохпугар туттуллара элбиир.

Билинни кэмнэ кэрэ эйгэтин индустрията балысханлык сайда турар, саха тыллаах нэһилиэнньэ бу эйгэ араас өгөтүн киэнник туһанар буолан иһэринэн ситимнээн, кэрэ эйгэтин тиэрминнэрин сахалы тылбаастыыр билинни кэмнэ тоҕоостоох. Саха тылыгар төрөөбүт тылы харыстыыр уонна сайыннарар бырагыраама чэрчитинэн сахалы тиэрмини онорор үлэ күүскэ ытыллар. 2023 сылтан Саха Өрөспүүбүлүкэтин Бырабыыталыстыбатын иһинэн тыл үөрэхтээхтэрэ, култуура, успуорт, суруналыыстыка о. д. а. эйгэ үлэхиттэрэ уонна уопастыбанньыктар састааптаах тиэрмин хамыһыһыата тэриллэн үлэлиир. Араас эйгэ, ол иһигэр кэрэ эйгэтин тиэрминин саха тылыгар тылбаастыыр төрөөбүт тылбытын харыстыыр, сайыннарар, тарҕатар биир суол буолар.

Чинчийнигэ матырыяалы кэлимсэ арааран ылыы нымата, ырытар, эридьиэстиир, аабар-суоттуур ныма туттулунна.

Кэрэ эйгэтэ диэн кыраһаабай буолууну, киһи бэйэтин көрүнүүтүн хабар киэн эйгэ. Бу эйгэ кэсимиэтикэ бородуукталарыгар эрэ сыһыаннаах буолбакка, бырамыысыланнаска, өнөбө, сыаннаска уонна түмэт көстүүтүгэр сыһыаннаах уустук эйгэ быһыытынан сыаналанар [1, 117 с.]. Кэрэ эйгэтин индустрията бу эйгэ уратытын көрдөрөр анал лизексикэлээх. Манна косметолог, визажист, истилииһ туттар идэ тылларын сэргэ, күннээҕи олоххо дьон туттар тыла-өһө эмиэ киирэр.

Тиэрмин өйдөбүлүн быһаарарга «Сахалыы тиэрмини оноруу» диэн билим ыстатыйаларын хомуурунньугар тыл, литэрэтиирэ үнүстүүтүн (билигин Гуманитарнай чинчийи үнүстүүтэ) тиэрмин онорор бөлөбө биэрбит быһаарыытын көрөбүт: «Тиэрмин диэн өйдөбүл аата буолар. Билии араас салааларыгар туттуллар өйдөбүлү бэлиэтиир. Оннук өйдөбүллэри бэлиэтииргэ анардас сана тыллар айыллан испэттэр, үксүгэр дьон кэпсэтэр тыла туттуллар. Атына диэн наука эйгэтигэр киирэн, туспатык уратылаахтык туттуллара буолар. Өйдөбүлү бэлиэтиир тыл билии араас салааларын систиэмэтигэр киирдэбинэ, тиэрмини үөскэтэр хонууланар. Ол хонууттан таһаарылыннабына, тиэрмин буолар суолтатын сүтэрэр» [2, 12 с.]. Онон анал идэ тылларын сэргэ, күннээҕи олоххо дьон туттар тыла-өһө кэрэ эйгэтин тиһигэр киирэн тиэрмин буолар.

Үлэбэ тылбаас түөрүйэтиттэн С. Влахов, С. Флорин [3], Т. И. Петрова [4], А. А. Васильева [5], тиэрмини онорууну чинчийбит Е. И. Оконешников [6] о. д. а. үлэлэригэр олобурдубут.

Кэрэ эйгэтин тылын-өһүн сахалыы тылбааһа уус-уран литэрэтиирэбэ уонна тыл үөрэбэр

Саха литэрэтиирэтин төрүттээчи суруйааччылартан биирдэстэрэ Алексей Елисеевич Кулаковскай–Өксөкүлээх Өлөксөй саха кыһын, дыахтарын айымньыларыгар хоһуйбута. Саха литэрэтиирэтин чулуу айымньыларынан сыаналанар сахаларга кэрэ кыыс ыралын «Кырасыабай кыыс» (1910 с.), саха дыахтарын тас дьһүнүн, майгытын-сигилитин «Саха дыахталларын мэтириэттэрэ» (1904 с.), бэйэтин кэминээҕи куорат аныгы кыһын «Куорат кыргытара» (1921 с.) диэн хоһоонунан айымньыларыгар уустаан-ураннаан хоһуйбута биллэр [7, 314 с.].

«Саха дыахталларын мэтириэттэрэ» диэн саха дыахтарын араас майгытын-сигилитин, дьһүнүн-бодотун хоһуйар биир чулуу айымньытыгар Өксөкүлээх Өлөксөй үтүөмсүк, маанымсык эдэр кэрэ дыахтары төрдүс мэтириэтинэн ойуулууругар кэрэ эйгэтигэр сыһыаннаах манньык тыллары туттубут: *«Мааны танаска бадалаах, Кыһыл танаска кыһалдалаах, Күөх танаска көхтөөх; Тас хармааныгар тараахтаах, Ис сизбигэр сизкилэлээх, Хос хоонньугар хомустаах»* [7, 43 с.].

Бу кэрчиккэ суруйааччы нууччаттан киирэн сахатыйбыт *тараах* уонна *сизкилэ* диэн кэрэ эйгэтигэр сыһыаннаах кизинник туттуллар тыллары туттубут. Оччотооҕу кэмнэ саха тылыгар бүттүүн ылыныллыбыт таба суруйуу быраабылата олохсуйа илик буолан, ааптар *сизкилэ* диэн тылга *р* дорҕоону туттубатах.

Өксөкүлээх Өлөксөй «Кырасыабай кыыс» саха дьонун ырада буолар кэрэ кыһы тылын ууһунан хайбаан хоһуйар хоһоонугар кыыс таһаһын-сабын, туттар тэрилин, кырааскатын, тас көрүнүн бэлиэтиир тыллары ойуулуур-дьһүннүүр тыллары кытта ситимнээн суруйбут: *«Тобус сүөм холобурдаах Норуллар нуолур солко Сүһуохтаах эбит Сүбүннуурум оҕото, Бизс чизлээр кэрингээх Бэрийэр бэрт солко Бэскилээх эбит Бизбэкэйим оҕото, Хамчаакка арыы Хара саарбатын Хардарыта туппук курдук, Хамныы тэрбэйэр Хара хаастардаах эбит Ханардыырым оҕото. Кырасыабай бадалаах Кынабаркаан кыламаннаах эбит Кынтардыыра барахсан, Аламай маһан күн Атылыыта буолбут*

Ала **тыргыл харахтардаах** эбит **Алардыыра барахсан**, **Кириэстээх атыыр манньыаты Кэккэлэтэ туппут курдук Килбиэн мабан иэдэстээх** эбит **Килбэйээнэ дьэрэлигим**, **Чэрбиэнчэ харчыны Тэнгили туппут курдук, Тэтэркэй иннэрдээх** эбит **Тэтэрдишим оҕото**, **Тэнгилээн онгорбут курдук Кэчигир таас тиистээх**, **Олуктаан онгорбут курдук, Обугур-ходьой уостаах**, **Уустуктаан онгорбут курдук Субугур мабан муруннаах** эбит **Субуннуурум оҕото** [7, 93–94 с.].

Академик П. А. Слепцов Өксөкүлээх Өлөксөйү «тылы ураты мындырдык, бэргэнник туттар тыл маастарын» быһыытынан, «тылын баайа аабааччыны сөхтөрөр» диэн үрдүктүк сыаналыыр [8, 279 с.]. Өксөкүлээх Өлөксөй билинни кэмнэ туттуллубат кэриэтэ буолбут кэрэ кыһы хонуйар үгүс элбэх ойуулуур-дьүһүннүүр тылы, тыл ситимин көрөбүт: *кынтардыыра барахсан, субуннуурум оҕото, ханардыырым оҕото, тэтэрдишим оҕото, бизбэкэйим оҕото, килбэйээнэ дьэрэлигим, тэрбэйэр хаас, норуллар нуолур солко суһоох, килбэйэр солко бэски, кынабаркаан кыламан, ала тыргыл харах, тэтэркэй ин, кэчигир таас тиис, обугур-ходьой уос, субугур мабан мурун, килбиэн мабан иэдэс* о. д. а.

Оттон «Куорат кыргыттар» диэн айымньытыгар суруйааччы олорбут кэмигэр нуучча тылыттан кирибит кыыс оностор малын, киэргэлин, таҥаһын бэлиэтиир лиексикэни киэргэнник туттар: «**Сизкилэ** тааска **Бэскиэтин** имэриннэ, **Атын киһиэхэ аһын тараатта**, **Тусна киһиэхэ суһоубун тупсаттарда**. **Саҥа сараасабай ытарҕаны** аҕалтарда, **Дьоптуонускай солко Дьууппаланан** суугунаата, **Байбаралаах ырбаахыланан** Байбарыйа хаамта. **Аһын памаада** арыынан аҕанна, **Ньуурун буудара** бурдугунан туттатынна, **Ингин эрэмээнэ** кыраасканан тэтэртэ, **Сырайын сыаналаах сытынан** ыһынна [7, 14 с.]. Манна **сизкилэ**, **дьууппа**, **ырбаахы**, **памаада**, **буудара**, **эрэмээнэ** диэн нуучча тылыттан кирири тыллары саха тылын дорҕоонугар сөп түбэһиннэри көстөр. П. А. Слепцов бэлиэтэбитинэн, «нуучча тылыттан саҥа киллэртиир тыллара (ону кини үөрэбэ да суох киһи өйдүүр ғына маастарды тыттан киллэрэр)» [8, 280 с.].

А. Е. Кулаковскай «Русские слова, перенятые и усвоенные якутами (кроме собственных имен и названий)» (1924 с.) диэн тылдытыгар [9, 278 с.] кэрэ эйгэтигэр сыһыаннаах тыллары эмиэ киллэрбит. А. Е. Кулаковскай бэйэтин кэминээби саха үөрэхтээх дьоно нуучча тылын сахалар талбыттарынан уларыттанар, алдьаталлар диэн саныыллара сыһыатын эппит. Саха киһитэ бэйэтин санарар уорганыгар сөп түбэһиннэрэн, сороҕор киһи билиэ суоҕун курдук, уларытара тыл сокуонугар олобуран тахсар диэн тоһоҕолоон бэлиэтэбит: «Бу сокуону билэр буоллахха, ханнык баҕарар омок тылын үөрэбэ суох саха этиэхтээбин курдук уларытылахха сөп. Мин, холобур, манньк ханнык баҕарар омок тылын уларытыахпын сөп диэн бигэтик этэбин» [9, 80 с.].

А. Е. Кулаковскай сахалар нууччалартан хайдах курдук элбэх тылы, ол иһигэр саҥа өйдөбүлү бэлиэтиир тыллары уонна култуура тизэрминнэрин эрэ буолбакка, хайааһыны уонна хаачыстыбаны бэлиэтиир тыллары эмиэ ылыммыттарыттан сөхпүт. Саха тылыгар нуучча тылыттан манньк элбэх тыл кирибитэ сахалар сананы ылынымыта уонна дьобурдаах омок буолалларыттан тахсар диэн түмүктүүр. Ону манньк быһаарар: бастакытынан, кэли нууччалар сахалары кытта бииргэ олорбот этилэр, уобарастаан «... затеривающихся среди массы якутов, как пушинка в перинке» [9, 83 с.], онон киэн сиринэн тарҕанан олорор сахаларга хайдах да сабыдыаллаабаттара, иккиһинэн, тыл үөрэхтээхтэрэ билиммиттэринэн, саха тыла бэйэтэ баай, күүстээх [9].

Тылдыт алпаабыт бэрээдэгинэн бэриллэр барыта 2391 тыллаах. Бэрээдэгинэн биирдии ылан көрдөхпүтүнэ, манньк:

«Б» буукубаттан саҕаланар 546 тыл кирибит [9]. Онтон кэрэ эйгэтигэр сыһыаннаах тыл манньк: *биричиэскэ (г) – прическа, былаат – плат, платок, шарф, былаачыйа – платье.*

«Д» буукубаттан сажаланар 87 тыл киирбит [9]. Онтон кэрэ эйгэтигэр сыһыаннаах тыл: дукуу (э) – духи.

«Дь» буукубаттан сажаланар 45 тыл киирбит [9], ол иһигэр: *дьуупта* – юбка.

«И» буукубаттан 30 тыл [9], ол иһигэр: *истиилкэ (э)* – *шпилька*.

«К» буукубаттан 251 тыл [9], ол иһигэр: *киистэ* – *кисть*, *киистэ* – *коса у девочки*, *көлөөскө* – *колечко*, *куудра* – *кудри*, *куопта* – *кофта*, *кырасаабысса* – *красавица*, *кырааска* – *краска*, *кэрсизт* – *корсет*.

«Л» буукубаттан 48 тыл [9], ол иһигэр: *лаах* – *лак*.

«М» буукубаттан 179 тыл [9], ол иһигэр: *маастаар* – *мастер*, *муода* – *мода*, *муодьунусса (э)* – *модница*.

«П» буукубаттан 53 тыл [9], ол иһигэр: *памаада* – *помада*.

«С» буукубаттан 320 тыл [9], ол иһигэр: *сарапаан* – *сарафан*, *сиэкилэ* – *зеркало*, *сыапүос(ч)ка* – *цепочка*.

«Т» буукубаттан 105 тыл [9], ол иһигэр: *түүпүлэ* – *туфля*.

«Х» буукубаттан 170 тыл [9], ол иһигэр: *харандаас* – *карандаш*, *хобулук* – *каблук*.

Онон А. Е. Кулаковской «Русские слова, перенятые и усвоенные якутами (кроме собственных имен и названий)» үлэтигэр уопсайа 2391 тылтан кэрэ эйгэтигэр сыһыаннаах 25 тылы киллэрбит. Бу үлэ оччотообу кэмтэн сажалаан сахалар бу эйгэ тылларын туттан барбыттарын кэрэһилиир.

А. Е. Кулаковской бу тылдыта биһиги үлэбитигэр тирэх буолла, ол курдук кэрэ эйгэтин лиэксикэтин тылбаастырга тылдытыгар киллэрбит нуучаттан кириити тыллары сахатыгар ньыматын, уус-уран айымньытыгар туттубут төрүт сахалы тылларын туһанныбыт.

Кэрэ эйгэтин тиэрминин тиэмэнэн наардааһын уонна сахалы тылбааһа

Биһиги кэммитигэр, чуолаан кэнники уон сылга кэрэ эйгэтин лиэксикэтигэр бордодууктаны уонна өгөнү бэлиэтиир элбэх сана тиэрмин үөскээтэ. Дьокуускай куорат кэрэ эйгэтин солуннарын угуйугуттан, онорор өгөлөрүн билиһиннэрэр тизкистэриттэн, Куйаар-ситимигэр баар тизкистэртэн кэрэ эйгэтигэр киэнник туттулар 115 тиэрмин тылы кэлимсэ талан ылан, тиэмэнэн 18 бөлөххө арааран, тылбааһын онордубут. А. В. Агеева «Функционал и семантика иноязычной лексики быти-сферы в современном русском языке» [10] уонна Н. С. Федотова «Анализ тематических групп в терминосистеме женской косметики» [11] диэн үлэлэригэр кэрэ эйгэтин тиэрминин тиэмэнэн наардааһыннарыгар олобуран, кэрэ эйгэтин тылын 17 бөлөххө араардыбыт. Кэрэ эйгэтин тылын-өһүн тылбааһын алпаабыт бэрээдэгинэн онорбут кылгас тылдыппытыттан холобурдар:

1. Кэсимиэтикэ тэрилэ (барыта 14 тиэрмин (мантан салгыы Т.) – сирэйи-харабы, баттабы онорорго туһаныллар тэрил: *пинцет* – *хаас үргүүр*; *керлер* – *кынабар* (кыламаны тыкарытарга анаммыт тэрил); *шпатель* – *сыбаатал* (кэсимиэтикэ сирэстибэтин сирэйгэ тэнник сыбыырга пластиктан оҥоһуллубут анал тэрил); *воскоплав* – *ууллубут буюска*; стерилизатор – *ыраастатар* (ультрафиолет, ультразвук көмөтүнэн туттар тэрили, малы ыраастыыр тэрил) о. д. а.

2. Сирэй оносторго, кизгэтэргэ аналлаах бордодуукта (14 Т.) – сирэй тас көрүнүн тупсарар, кизгэтэр кэсимиэтикэ бөлөбө: *бб-крем* – *бб киризм* (*кыһалҕалаах тириини кистиир киризм*); *бронзер* – *боруонсалыыр* (*сирэй тириитин күн уотугар хараарбыт гына кубулутар*); *консилер* – *кэнсишлэр* (*сирэйгэ баар кыра итэҕэни, бээтинэни, бааһы, кытарыыны уо.д.а. кистиир кэсимиэтикэ*); *румяна* – *үрүмээнэ (иэдэни тэтэркэй онорор бордодуукта)*; *скульптор* – *ускуултар* (*сирэйгэ күлүк түһэри*); *люминайзер* – *сирэй кылабачытар*; *лифтинг* – *мырчыстааһы таттарыы* о. д. а.

3. Кырааскаланы арааһа, тизхиньикэтэ (12 Т.): *дрейпинг* – сырдык эбэтэр харанга үрүмээнни сотуу тизхиньикэтэ; *мономакияж* – сирэйи биир эрэ кэсимиэтикэ сириэстибэтинэн кырааскаланы тизхиньикэтэ; *нонтуринг* – айылбаттан кэрэни чопчулаан биэри; *стробинг* – хайлайтер көмөтүнэн сирэйи биир эрэ сиринэн сырдатар кырааскаланы тизхиньикэтэ; *хроминг* – намаадаланы тизхиньикэтэ; *контуринг* – сирэй омоонун оноруу; *антиэйдж* – сирэй кырдьытын бохсуу о. д. а.

4. Тыгырабы оноруу (9 Т.): *баф* – тыгырабы килбэчитэр эрби; *бустер* – эмтээх бүрүөһүн; *маникюр* – илии тыгырабын оноруу; *педикюр* – атах тыгырабын оноруу; *нейл-бар* – тыгырах өгөтүн барытын оноруу; *френч-маникюр* – боронсуус мөнөкүүр; *втирка* – сотон инэри; *покрытие* – бүрүүйүү о. д. а.

5. Баттабы оноруу (7 Т.) – баттах кырыйарга, онорууга, кырааскалырга туттуллар анал тизерминнэр: *укладка* – оноруу; *стрижка* – кырыйы; *карвинг* – үлэбэр эрийи; *омбре* – баттах аннын кырааскалааһын; *сухой шампунь* – кураанах сомпуун о. д. а.

6. Кириэм арааһа (7 Т.): *сыворотка* – мөкүчүк уу; *санскрин* – күн уотуттан кириэм; *эмульсия* – чөлчөки кириэм; *софтвер* – сымнаттар кириэм о. д. а.

7. Кэрэ эйгэтигэр өнө онорор маастар, идэ аата (7 Т.): *лэшмейкер* – кыламан үүннэрээчи; *топ-мастер* – туоп-маастар; *визажист* – сирэй кырааскалааччы; *барбер* – эр дьон баттабын кырыйааччы; *колорист* – баттах кырааскалааччы; *бровист* – хаас онорооччу.

8. Өнө арааһа (6 Т.) – тас көрүнү, тири, баттах, тыгырах туругун, ону тэнэ уопсай доруобуйаны тупсарарга ананар өгөлөр: *перманент* – хааһы, уоһу өгнөөн биэри; *тейпирование* – сирэй мырчыстабаһын, моҕобу тейп көмөтүнэн суох оноруу; *окрашивание волос* – баттабы кырааскалааһын о. д. а.

9. Убаҕас бородуукта (6 Т.) – сирэйи, баттабы, тыгырабы тупсарарга анаммыт убаҕас бородуукта: *мист* – миист – дыргыл сыттаах ыстарылык; *тонер* – туоннуурук; *тоник* – туонук; *шиммер* – кылабачытар ыстарылык; *фиксатор* – хам хатыыр о. д. а.

10. Кэсимиэтикэ састааба (6 Т.): *минимайзер* – тири сааһын, хайабаһын кыччаттар бальзам; *серум* – сирэй тиришин суунарга аналлаах мөкүчүк уу биир састааба; *эксфолиант* – өлбүт килиэккэни ыраастаан сирэй сааһын, хайабаһын кыччаттар састаап; *пилинг-скатка* – хатайдаан тиришин соролоһун.

11. Кыламан оноруута (4 Т.): *изгиб* – кэдэртии; *ламинирование ресниц* – кыламаны кытаатыннары; *ремувер* – үүннэри кыламаны туурар тэрил; *эффекты* – чабылхай онгоһу кыламан.

12. Мааска арааһа (4 Т.) – сирэйи уонна эти-сиини тупсарарга, сымнатарга, эмтииргэ уонна чопчу туох эмит сыалы ситиһэргэ анаммыт кэсимиэтикэ сириэстибэтэ: *мультимаскинг* – хас да араас маасканы тэнгэнэн туттуу; *слипингпак* – утуйарга анаммыт харахха кэтэр мааска; *патчи* – харах аннынаабы мааска; *пэд* – сирэйи эмтиир анал диискэ.

13. Харабы кырааскалааһын (4 Т.): *айдефайнер* – синньигэс уһуктаах «быламаастар»; *кайал* – сымнаҕас кэсимиэтикэ харандааһа; *лайнер* – «истириэлкэ» онорор харандаас; *глиттер* – кылабачыгас кырааска.

14. Уоһу оноруу (4 Т.): *плампер* – толлотор; *стейн* – намаада өгүн өр сылдыар онорооччу; *тинт* – намаада өгүн уоска өр туттааччы; *блеск* – кылабачыгас.

15. Илбийи (4 Т.) – илбийигэ туһанар араас тэрил, тизхиньикэ, ньыма, илбийи көрүнэ: *гуаша* – гуаша таас; *массаж по Жаке* – Жаке илбийиитэ; *нефритовый роллер* – нефрит роллер; *фейс-йога* – сирэй йогата.

16. Кыраасканы сотуу (3 Т.): *файбер* – кырааска тобобун, сирэй сыатын-арыатын, кырин соттор салтыакка; *мицеллярная вода* – мицеллярдаах уу; *гидрофильное масло* – гидрофильнай арыы.

17. Кэсимиэтикэни абыйатыы эбэтэр аккаастаныы (2 Т.): *скинимализм – кэсимиэтикэни абыйатыы; скинфастинг – кэсимиэтикэттэн аккаастаныы.*

Кэрэ эйгэтин тиэрминнэрин тылбаастыыр ньымалар

Кэрэ эйгэтин лиэксикэтин сахалыы тылбааһа кэрэ эйгэтигэр үлэлиир дьонно эрэ буолбакка, бу өгөнөн туһанар дьон өйдүүрүгэр көмөлөһөрүн сэргэ, саха тылын туттуллар эйгэтин кэнэтэр биир суол буолар.

Нууччалыы-сахалыы тылбаас үөрэбин тиэрминнэрин саха тылыгар аан бастагынан проф. Т. И. Петрова сахалыы тылбаастаан туттубута [4]. Бу чинчийиңгэ ырытыллар эйгэ тиэрминнэрин тылбаастанар ньымаларын Т. И. Петрова «Тылбаас теорията» үөрэх кинигэтигэр наардааһыныгар олобуран уонна киллэрбит сахалыы тиэрминнэрин туттан араардыбыт.

Кэрэ эйгэтин тиэрминнэрин тизкистэн кэлимсэ талан баран тылбаастыырбытыгар манньк ньымалары тутуннубут: тылы көһөрүү – санарылларынан суруйуу (транскрипция), тылы буукубатынан көһөрүү (транслитерация), быһааран тылбаас (описательный перевод), маарыннатан тылбаас (подбор аналога), дьүөрэ тылбаас (подбор соответствия), тэннээх тылбаас (эквивалентный перевод).

1. Тылы көһөрүү ньымата – санарылларынан суруйуу (транскрипция) уонна буукубатынан көһөрүү (транслитерация) омук тылыттан кириин тиэрмини тылбаастыырга киэнник туттуллар ньыма буолар. Тылы санарылларынан туттуу атын омук тыла тылбаастыыр тылга олобурубутун көрдөрөр, холобур: *сиэркилэ, буудара, намаада, үрүмээнэ* у.о.д.а. саха тылыгар туттуллубута өр буолбут, быһаарыыта суох өйдөнөр тыллар.

Тылы буукубатынан көһөрүү холобура: *конняку – коньяку, саше – саше, гоммаж – гоммаж* о. д. а.

2. Быһааран солбук (описательный перевод), ол эбэтэр тыл суолтатын тойонноһун, быһаарыы: *эксфолиант – өлбүт килиэккэни ыраастаан сирэй сааһын, хайабаһын кыччаттар састаап; пилинг-скатка – хатайдаан тириини соролоһун; стейн – намаада өгүн өр сылдыар онгорооччу; тинт – намаада өгүн уоска өр туттааччы; минимайзер – тириин сааһын, хайабаһын кыччаттар бальзам; серум – сирэй тириитин суунарга аналлаах мөкүчүк уу биир састааба* о. д. а.

3. Дьүөрэ солбук (смысловой, адекватный перевод) – тылбаастыыр тылга суолтатынан сөп түбэһэр тылы булуу: *скинимализм – кэсимиэтикэни абыйатыы; скинфастинг – кэсимиэтикэттэн аккаастаныы; ламинирование ресниц – кыламаны кытаатыннарары; ремувер – үүннэриин кыламаны туурур тэрил; эффекты – чабылхай онгоһуу кыламан* о. д. а.

4. Тэннээх солбук (эквивалентный перевод) – икки тылга иккиэннэригэр суолтатынан толору сөп түбэһэр тылларынан онгоһулар тылбаас: *изгиб – кэдэритиин; сухой шампунь – кураанах сомпуун; окрашивание волос – баттабы кырааскалааһын; укладка – онгоруу; стрижка – кырыйыы* о. д. а.

Дьокуускай куорат кэрэ эйгэтин тэрилтэлэрин ис уонна тас суругун тыла-өһө

Бу үлэбэ Дьокуускай куораттаабы 41 кэрэ эйгэтин солуонун ис-тас суругун-бичигин чинчийдибит. Бу тэрилтэлэртэн 2 эрэ солуон сахалыы суолталаах тылынан ааттаммыт: «Туйа» уонна «I-KUO» (1 хаартыска).

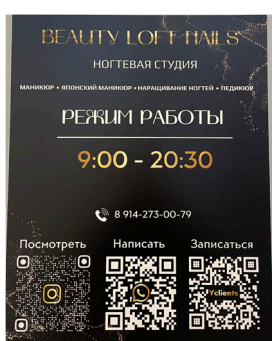
1 хаартыска. Сахалыы тыллаах суруктар

Фото 1. Вывески с якутским языком

Photo 1. Name plates using Yakut

«Туяа» диэн Туяаара диэн анал аат кылгаабыт халыыба уонна «I-KUO» диэн солун аата икки тылтан турар: аангыйалыы «I» – «мин» сирэй солбуйар аат, KUO сахалыы куо – кэрэ кыыс диэн суолталаах тыл, буукубанан көһөрүү ньыматынан, аангыйа буукубаларынан суруллубут.

5 солун аата нууччалыы суолталаах эрэри аангыйа буукубаларынан уонна нууччалыы буукубаларынан суруллубут: «KRASA», «Академия красоты», «Градиент», «Лаки Лофт», «Любимая». Ордубут 34 солун аата барыта аангыйа тылынан бэриллит (2-с хаартыска).

2-с хаартыска. Аангыйа уонна нуучча тыллаах суруктар

Фото 2. Вывески с английским и русскими

Photo 2. Name plates using English and Russian

Үлэ кэмэ, чааһа солун тас өттүнээҕи суругар икки солунна: «With Love», «Xrom Nails» нууччалы уонна сахалы барыйаана баар, атыттарга барытыгар нуучча тылынан эрэ бэриллибит. Бу икки солун тэннэх тылбаас көмөтүнэн суруллубут табылыссалаахтар: «With Love» солунна – «Режим работы» – «Үлэлиир кэмэ», «По предварительной записи» – «Эрдэттэн суруйтарыы». «Xrom Nails» солунна – «Работаем по предварительной записи» – «Эрдэ суруйтарыы бэрээдэгинэн үлэлиибит», «Понедельник – суббота» – «Бэнидиэнник – суббота» диэн икки тылынан бэриллибит.

«Si.de.Ci.Lash» солунна – «Наращивание ресниц» – «Кыламан үүннэри» диэн табылысса ыйаммыт (3-с хаартыска).

3-с хаартыска. Аангылыйа, нууччалы, сахалы тыллаах суруктар

Фото 3. Вывески с английским, русским и якутским языками

Photo 3. Name plates using English, Russian and Yakut

Кэрэ эйгэтин солуннарын тас суругар-бичигэр: солун толору аата барыларыгар табылыссаа суруллан ыйаммыт, туох өгөнү онороллорун туһунан иһитиннэри: «COCO beauty», «Beaty Loft Nails», «Eywa», «Si.nails», «Muse Beaty», «Wow lashes», «Ivva beaty», «GiGi», «Sia beaty», «Градиент», «Лаки Лофт», «LeNails», «Si.de.Ci.Lash», «Avlafena_Andreeva», «Polly», «Nail LLIDEL», «Studio Bagirovoy» баар, атыттарга суох; үлэлиир бириэмэлэрэ: «COCO beauty», «KRASA», «With Love», «Академия красоты», «Beaty Loft Nails», «Dlnails», «Chika.lash», «Viva Beaty Studio», «Muse Beaty», «Pink Room», «Elle beaty salon», «La beaty», «Niki beaty», «Shona», «GiGi», «Туйа», «Градиент», «Лаки Лофт», «Любимая», «Nail LLIDEL» ыйыллыбыт, атыттарга суох; билсэр нүөмэр: «Eywa», «Viva Beaty Studio», «Si.de.Ci.Lash», «Lash Sardana», «Avlafena_Andreeva», «Studio Bagirovoy», «I-KUO», «Beauty Studio», «IDEAL», «Aurum» уонна «Dashanty» суруллубут, онтон атыттарга суох; толору аадырыс: «Академия красоты», «Ivva beaty», «Туйа», «LeNails» ыйыллыбыт, атыттарга суруллубатах.

Бу ааттаммыт тэрилтэлэргэ иһинээҕи сурук-бичик (өнгө аата, сыаната, атын сурук) барыларыгар нууччалы тылынан суруллубут.

Көстөрүн курдук, Дьокуускай куоракка кэрэ эйгэтигэр үлэлиир тэрилтэ улахан анара барыта нуучча эбэтэр омук тылынан ааттаммыт. Саха тылын харыстыыр, сайыннарар, туттулар эйгэтин кэнэтэр туһуттан биһиги манньк сахалы ааты сүбэ быһыытынан биэрэбит: «Кынтардыыра», «Тэтэрдиирэ», «Кынтардыыра бараксан», «Тэтэрдиирим оҕото», «Бибэкэйим», «Килбэйэнэ дьэрэлик», «Тэрбэйэр хаас», «Нуолур солко суһуох», «Кынабаркаан кыламан», «Тыргыл харах», «Тэтэркэй ин», «Обугур уос», «Кырасыабай кыыс» (манна А. Е. Кулаковскай–Өксөкүлээх Өлөксөй айымньыларын лиэкстикэтин

туһанньбыт) «Нарыйаана Куо», «Кэрэчээнэ», «Кэрэ Куо», «Кэрэ буол», «Сардаана», «Кэрэли», «Намыына» «Маанылаана», «Туйаарыма» о. д. а.

Ону таһынан, хас биирдии солуон бары нууччалы тылынан оноһулар өгө аата уонна ол төһө сыаналааһын билиһиннэрэр прайс-лиистээхтэр. Ону «I-KUO» солуон холобуругар тылбаастаан көрүүбүн:

1) тыгырах оноруу өгөтүн билиһиннэрэр сахалы тижкиһэ манньк буолуон сөп:

– «Японский маникюр» – «Дьоппуон мөнөкүүр». Транскрипция ньыматынан тылбаас, кэрэ эйгэтигэр өйдөбүл олоһурбут буолаһына, тылбааһа саха тылыгар өйдөнүмтүө, дьонно-сэргэбэ ылынымтыа буолар;

– «Маникюр в один тон» – «Биир өгнөөх мөнөкүүр». Сүһэн ылыы ньымата, суолтатын эбэтэр тутулун туһунан информацияны буолбакка, тыл ситимин халыыбын тутуһан, ис хоһоонун тиэрдии;

– «Коррекция маникюра» – «Мөнөкүүрү көннөрүү». Транскрипция, тэннээх солбук ньымата;

– «Наращивание ногтей» – «Тыгырах үүннэри». Тэннээх солбук ньымата;

– «Педикюр пальчиков без покрытия» – «Атах тыгыраһын бүрүйбэккэ оноруу». Быһааран тылбаас ньымата;

– «Педикюр пальчиков с покрытием» – «Атах тыгыраһын бүрүйэн оноруу». Быһааран тылбаас ньымата;

2) Тыгырах лааһын хонуннары өгөтө:

– «Снятие нашей работы с последующим покрытием» – «Бэйэ онорбутун хонуннары уонна санардыы». Быһааран тылбаас ньымата туттулунна;

– «Снятие чужой работы» – «Атын онорууну хонуннары». Дьүөрэ солбук ньымата, суолтатын көрөн сөп түбэһиннэри;

3) тыгыраһы кизэргэти:

– «Дизайн на один ноготь» – «Биир тыгыраһы кизэргэти». Быһааран тылбаас ньымата;

– «Роспись на один ноготь» – «Биир тыгыраһы ойуулааһын». Дьүөрэ солбук ньымата, суолтатын көрөн сөп түбэһиннэри;

– «Кошачий глаз» – «Куоска хараһа». Тэннээх солбук ньымата;

– «Втирка, френч, омбре» – «Килэбэчигэһи сотон ингэри, френч, омбре». Быһааран тылбаас, транслитерация ньымалара.

4) хаас оноруу өгөтө:

– «Коррекция формы бровей» – «Хаас быһыытын көннөрүү». Быһааран тылбаас ньымата;

– «Подбор формы, удаление лишних волос пинцетом» – «Быһыылаан биэри, хааһы үргээһин». Тэннээх солбук ньымата;

– «Подбор и коррекция формы, окрашивание краской» – «Быһыылаан биэри, көннөрүү, кырааскалааһын». Тэннээх солбук ньымата.

– «Долговременная укладка без окрашивания, подбор и коррекция формы» – «Хааһы кырааската суох өр сылдьар гына оноруу, быһыытын талы уонна көннөрүү». Тэннээх солбук ньымата.

5) кыламан оноруу өгөтө:

– «Неполное (экспресс) наращивание» – «Толорута суох (экспресс) үүннэри». Тэннээх солбук ньымата;

– «Классический объем» – «Хойуу кыламан» дын сахалы ситим эрэри, кыламаны хойуу оноруу төһө хойуу онорортон хас да арааска араасар («Двойной объем», «Тройной объем»), ол иһин доржоону көһөрүү ньыматынан тылбаастааһа сөп «Кылаассыкалы

кыламан», кэрэ эйгэтигэр олобурбут тиэрмин буолан, сахалыгыта эмиэ өйдөнөр, дьон-сэргэ ылыныан сөп;

– «Голливудский объем» – «Голливудтуу кыламан». Транскрипция ньымата, тылы көтүтэн, өйдөбүлүн чуолкайдыыр туһуттан атын тылынан солбуйуу ньымата туттулунна.

Кэрэ солунун сыананы билиһиннэрэр сахалыы суругун холобурун «La riche» солун тизкиһигэр тылбаастан көрдөрөбүт (4-с хаартыска):

LA RICHE Beauty & Cosmetology	
СТРИЖКА И УХОД	
Стрижка женская	2 500 - 4 000₽
Каскад	3 500 - 5 500₽
Каре	2 500 - 4 000₽
Стрижка кончиков	от 1 000₽
Стрижка челки	1 000₽
Мытье головы+укладка на брашинг	2 000 - 3 500₽
Мытье головы+укладка на Dyson	3 500₽
Мытье головы	1 000₽
СПА ВОЛОС	
СПА для волос	4 000 - 8 000₽
Ботокс волос	от 4 500₽
Кератин	от 4 500₽
!R	

LA RICHE Beauty & Cosmetology	
БАТТАҔЫ КЫРЫЙЫ УОННА КӨРҮҮ-ХАРАЙЫ	
Дьахтар баттаҕын кырыйыы	2 500 - 4 000₽
Каскаат	3 500 - 5 500₽
Каре	2 500 - 4 000₽
Баттаҕы сарбыйыы	от 1 000₽
Көбүлү кырыйыы	1 000₽
Баттаҕы сууйуу +брашинг оноруу	2 000 - 3 500₽
Баттаҕы сууйуу+Dyson-ынан оноруу	3 500₽
Баттаҕы сууйуу	1 000₽
БАТТАХ СПА-та	
Баттах спа-та	4 000 - 8 000₽
Баттах бутакса	от 4 500₽
Кэрэтиин	от 4 500₽
!R	

4-с хаартыска. Нууччалыыттан сахалыы бэйэ тылбааһын холобура

Фото 4. Свой пример русско-якутского перевода

Photo 4. Our examples of Russian-Yakut translation

Кэрэ эйгэтин солуннарын прайс-лиинин тылбаастыырга саамай элбэхтик тэннээх солбук ньыматын (24), быһааран тылбааһы (18), доржоонунан көһөрүүнү (8), буукубанан көһөрүүнү (4), дьүөрэ тылбааһы (2) уонна биридэ сүһэн ылыы ньыматын тутуннуубут. Прайс-лиис тизкиһин лиэксикэтин суолтатын сүтэрбэттигэр уонна дьон судургутук өйдүүрүгэр тэннээх солбук ньымата ордук табыгастаах.

Түмүк

Саха тылыгар кэрэ эйгэтин тиэрминнэрин сахалыы тылбааһын онорон баран манньк түмүккэ кэллибит:

1). Саха тыла кэрэни бэлиэтиир, бэйэни көрүнүүгэ, оностууга сыһыаннаах төрүт лиэксилээх, мань таһынан, олох хаамытынан, сайдыытынан, нуучча, омук тылыттан элбэх тыл кирибит, кириэ да турар. Саха литэрэтиирэтигэр кэрэ эйгэтин лиэксикэтин – саха төрүт уонна нууччаттан кирири тыллара – А. Е. Кулаковскай–Өксөкүлээх Өлөксөй хоһоонунан айымньыларыгар киэнник туттубута. «Русские слова, перенятые и усвоенные якутами» диэн тылдытыгар көстөрүнэн, кэрэ эйгэтин бэлиэтиир лиэксикэ араас ньыманан сахатыйан кирибит, ону бэйэбит тылбаастыыгар туһанныбыт.

2) Кэрэ эйгэтин тиэрминин тылбаастыырга манньк ньыма туһанылына: сангарылларынан суруйуу (транскрипция), буукубанан көһөрүү (транслитерация), быһааран солбук (описательный перевод), дьүөрэ солбук (смысловой, адекватный перевод), тэннээх солбук (эквивалентный перевод), сорох тыл тылбааһыгар санга, сонун тыл айылына. Бу саха тылын лиэксикэтин баайын ханатар, аныгы уратылга сөп түбэхэр.

3) Дьокуускай куоракка кэрэ эйгэтин тэрилтэлэрин ис-тас суругун уонна бу тэрилтэлэр өнөлөрүн туһунан билиһиннэрэр тизкистэрин чинчийи бу эйгэбэ саха тыла туттуллубатын көрдөрдө. Ол иһин кэрэ эйгэтин тэрилтэлэрин ааттарын сахалыы барыйааннарын уонна өнөлөрүн билиһиннэрэр тизкистэрин тылбааһын онордубут.

Түмүктээн эттэххэ, кэрэ эйгэтин тизминин тыл үөрүйэҕин, быраабылатын тутуһан туран тылбаастыыр, төрүт тылы туттар саха тылын харыстыырга, сайыннарыга көмөлөөх.

Литература

1. Черкасова А.С. *Лексика в области бьюти-индустрии*. Казань; 2023:419.
2. Тизмин тылдьыттарын онорорго ыйыы-кэрдий. *Сахалыы тизмини оноруу. Научнай ыстатыйалар хомуурунньуктара*. Дьокуускай: СР НА ГЧИ; 1995:124. (На якутском языке)
3. Влахов С., Флорин С. *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения; 1980:342.
4. Петрова Т.И. *Тылбаас уонсай теорията*. Көмө кинигэ. Дьокуускай: Саха университетин изд.-та; 2007:38. (На якутском языке)
5. Васильева А.А. *Сахалыы-нууччалыы тылбаас: лексикэ, кырамаатыка: устудьуон үөрэнэр кинигэтэ*. Дьокуускай: Алаас; 2018:96. (На якутском языке)
6. Оконешников Е.И. *Язык саха: проблемы лексикографии и терминологии*. Сб. науч. ст. Якутск: ИГИИПМНС; 2015:210.
7. Кулаковской А.Е. *Ырыа-хоһоон*. Дьокуускай: Кинигэ изд.-та; 1978:314. (На якутском языке)
8. Слепцов П.А. *Өксөкүлээх Өлөксөй поэзиятын тылын уратытын туһунан. Ступени и проблемы якутского языкознания. Сборник научных статей*. Якутск: ИГИИПМНС СО РАН; 2008:544. (На якутском языке)
9. Кулаковский А.Е. *Труды по якутскому языку*. Якутск: Медиа-холдинг Якутия; 2017:280.
10. Агеева А.В. *Функционал и семантика иноязычной лексики бьюти-сферы в современном русском языке*. Казань; 2023:405.
11. Федотова Н.С. Анализ тематических групп в терминосистеме женской косметики. *Современные проблемы филологии, методики преподавания иностранных языков и межкультурная коммуникация в мультимедийном пространстве*: Материалы Международной научно-практической конференции преподавателей, студентов, магистрантов, аспирантов (Астрахань, 2021 г.). Астрахань: Астраханский государственный университет. 2021:148.

References

1. Cherkasova AS. *Lexis in the Field of Beauty Industry*. Kazan, 2023:419 (in Russian).
2. Guidelines for Compiling Terminological Dictionaries. In: *Creating Yakut Terminology. Collection of Scientific Articles*. Yakutsk: Yakutsk Scientific Centre, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 1995:124 (in Yakut).
3. Vlachov S, Florin S. *Untranslatable in Translation*. Moscow: International Relations, 1980:342 (in Russian).
4. Petrova TI. *General Theory of Translation*. Textbook. Yakutsk: Publishing House of Yakutsk State University, 2007:38 (in Yakut).
5. Vasilyeva AA. *Yakut-Russian Translation: Lexis, Grammar*. Student Textbook. Yakutsk: Alaas, 2018:96 (in Yakut).
6. Okoneshnikov EI. *The Sakha Language: Problems of Lexicography and Terminography*. Collection of Scientific Articles. Yakutsk: Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, 2015:210 (in Russian).
7. Kulakovsky AE. *Songs and Poems*. Yakutsk: Knizhnoye Izdatel'stvo, 1978:314 (in Yakut).
8. Sleptsov PA. On the Linguistic Features of the Poetry of Öksökülääh Ölöksöy. *Stages and Problems of Yakut Linguistics. Collection of Scientific Articles*. Yakutsk: Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2008:544 (in Yakut).
9. Kulakovsky AE. *Works on the Yakut Language*. Yakutsk: Media-Kholding Yakutiya, 2017:280 (in Russian).

10. Ageeva AV. *Function and Semantics of Foreign Lexis from the Beauty Sphere in Modern Russian*. Kazan, 2023:405 (in Russian).

11. Fedotova NS. Analysis of Thematic Groups in the Terminological System of Women's Cosmetics. *Modern Problems of Philology, Methods of Teaching Foreign Languages and Intercultural Communication in the Multimedia Space*. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference of Teachers, Students, Undergraduates, and Postgraduates (Astrakhan, 2021). Astrakhan: Astrakhan State University, 2021:148 (in Russian).

Об авторах

ДАВЫДОВА Лиана Николаевна – бакалавр гр. БА-ЯРЯ-21, ИЯКН СВ РФ СВФУ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, e-mail: dodwyers57t@gmail.com

ИВАНОВА Саргылана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент каф. стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-3442-359X, SPIN: 8085-8390, e-mail: svl.ivanova@s-vfu.ru

About the authors

Liana N. DAVYDOVA – Bachelor's student, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, e-mail: dodwyers57t@gmail.com

Sargylana V. IVANOVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-3442-359X, SPIN: 8085-8390, e-mail: svl.ivanova@s-vfu.ru

Вклад авторов

Давыдова Л.Н. – методология, сбор материала, проведение исследования, визуализация

Иванова С.В. – разработка концепции, верификация данных, руководство исследованием, редактирование рукописи

Author Contributions

Liana N. Davydova – methodology, investigation, data collection, visualization

Sargylana V. Ivanova – conceptualization, data verification, research supervision, manuscript editing

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no relevant conflict of interests.

Поступила в редакцию / Submitted 26.07.2025

Принята к публикации / Accepted 26.05.2025

– ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ АЛТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ –

УДК 811.512.157

<https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-3-26-40>*Оригинальная научная статья*

Термины национальной гастрономической культуры якутов в записях Я. И. Линденау (I половина XVIII в.)

*Л. С. Ефимова*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация✉ ludmilaxoco@mail.ru

Аннотация

В статье впервые проанализированы термины по гастрономической культуре, записанные в I половине XVIII века российским путешественником Я. И. Линденау. Он как участник II Камчатской экспедиции (1739–1743 гг.) вместе с бесценным этнографическим материалом записывал якутские термины, обозначающие кулинарную культуру и культуру принятия пищи народа. Но ввиду отсутствия якутского алфавита в те времена он записывал их специфическим способом по своей транскрипции. В течение долгого времени материалы Я. И. Линденау не были доступны. Его книга была напечатана только в советское время в 1983 году и представляет бесценный богатый материал для изучения не только истории и этнографии, но и культуры народа саха. В своих материалах Яков Иванович одним из первых зафиксировал термины традиционной пищи якутов, оставил описания продуктов, виды продуктов питания и способы их приготовления. Отдельного монографического исследования пока не проведено национальной гастрономической культуры якутов на современном этапе с культурологических позиций. Автор статьи, обосновывая теоретическое осмысление гастрономической культуры якутов, принимает попытку транскрибировать термины кулинарной культуры якутов с целью детального изучения культуры народа. Материалами статьи выступают не транскрибированные на современный якутский язык слова по материалам Я. И. Линденау. Большинство якутских терминов гастрономической культуры были введены им впервые. Методами исследования выступили терминологический, лексико-семантический анализы, методы определения понятий, выборки. Результатами исследования являются транскрибированные и проанализированные 44 термина национальной гастрономической культуры. Яков Иванович сначала охарактеризовал мясные продукты, куда входило мясо больших и малых зверей, разнообразных видов водоплавающей, боровой птиц, диких и домашних животных, упоминал 11 видов разных рыб, оставил записи о 12 разных видах молочных продуктов. Линденау одним из первых оставил описание культуры принятия пищи у якутов. Исследователь записал несколько видов (вареный, жареный, сушеный, заморозный, вяленый) приготовления мясных и рыбных продуктов, приводил 5 якутских названий рыбных блюд, 12 разных видов молочных продуктов, всего приводил 12 видов растений, 7 названий корней, 2 названия трав, 2 названия листьев и заболонь (*бэс үөрэ*), которых якуты употребляли в пищу.

Ключевые слова: российские путешественники, Яков Иванович Линденау, саха (якуты), традиционная культура народов Сибири, национальная гастрономическая культура якутов, кулинарная культура, культура принятия пищи.

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Ефимова Л. С. Термины национальной гастрономической культуры якутов в записях Я.И. Линденау (I половина XVIII в.). *Алтаистика*. 2025, № 3 (18), С. 26-40. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-3-26-40>

Original article

Terms of the national gastronomic culture of the Yakuts in the records of Jacob Lindenau (first half of the 18th century)

Ludmila S. Efimova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ ludmilaxoco@mail.ru

Abstract

The article analyzes the terms on gastronomic culture, recorded in the first half of the 18th century by the Russian traveler Jacob Lindenau for the first time. As a participant of the Second Kamchatka expedition (1739–1743), he recorded Yakut terms denoting the culinary culture and the culture of eating of the people along with invaluable ethnographic material. Lindenau wrote them down in a specific way according to his transcription due to the absence of the Yakut alphabet at that time.

The materials of Lindenau were not available for a long time. His book was published only in Soviet times, in 1983 and it represents invaluable and rich material for studying not only history and ethnography, but also the culture of the Sakha people. Lindenau was one of the first to record the terms of traditional Yakut food in his materials, left descriptions of products, types of food products and methods of their preparation. Still, there has not yet been conducted a separate monographic study of the national gastronomic culture of the Yakuts at the present stage in the cultural aspect. The author of the article substantiates the theoretical understanding of the gastronomic culture of the Yakuts, makes an attempt to transcribe the terms of the culinary culture of the Yakuts with the purpose of a detailed study of the culture of the people. The materials of the article are words not transcribed into the modern Yakut language, this article based on the materials of Lindenau. Most of the Yakut terms of gastronomic culture were introduced by him for the first time. The author included research methods terminological, lexical-semantic analysis, methods of defining concepts, and sampling. The results of the study are 44 terms of national gastronomic culture that have been transcribed and analyzed. Lindenau first described meat products, which included meat of large and small animals, various types of waterfowl, forest birds, wild and domestic animals, mentioned 11 types of different fish, and left notes on 12 different types of dairy products. Lindenau was one of the first to describe the culture of eating among the Yakuts. The researcher recorded several types (boiled, fried, dried, frozen, jerked) of preparation of meat and fish products, cited 5 Yakut names of fish dishes, 12 different types of dairy products, in total cited 12 types of plants as 7 names of roots, 2 names of herbs, 2 names of leaves and sapwood (*bes uere*), which the Yakuts used for food.

Keywords: Russian travelers, Jacob Lindenau, Sakha (Yakuts), traditional culture of the peoples of Siberia, national gastronomic culture of the Yakuts, culinary culture, food culture.

Funding. The study had not financial support.

For citation: Efimova L. S. Terms of the national gastronomic culture of the Yakuts in the records of Jacob Lindenau (first half of the 18th century). *Altaistics*. 2025, No 3 (18), Pp. 26-40. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-3-26-40>

Введение

Гастрономическая культура представляет собой целый пласт культуры любого этноса. Проблемы изучения гастрономической культуры актуальны всегда, так как она связана с древней историей, культурой, этнографией народов и социокультурной деятельностью людей в разные исторические времена. Вопросами изучения гастрономии, гастрономической культуры в постсоветский период занимаются российские исследователи В. А. Ермолаев, доктор технических наук, профессор (Кузбасский сельхозакадемия, г. Кемерово), М. В. Капкан, кандидат культурологии (Уральский госуниверситет, г. Екатеринбург) и др.

М. В. Капкан впервые осуществила концепцию анализа гастрономической культуры, давая определение термина «гастрономическая культура» с культурологических позиций. Данное понятие определено ею как «культурно специфическая система норм, принципов и образцов, воплощающаяся в (а) способах приготовления пищи, (б) наборе принятых в данной культуре продуктов и их сочетаниях, (в) практике потребления пищи, а также (г) рефлексии над процессами приготовления и принятия пищи» [1, с. 9]. Гастрономическая культура, по её мнению, представляет целую систему норм, принципов и образцов, в которую включены четыре основные составляющие. Первое составляющее исследователь определяет, как «способы приготовления пищи». Любой гастрономической культуре характерны свои способы приготовления пищи. Второе составляющее представляет собой «набор продуктов и их сочетания». Оно характерно в культуре любого народа. Набор продуктов продиктован, видимо, в зависимости от природных условий, соответствующего климата и ландшафта, где проживает сам этнос. Третьим составляющим гастрономической культуры, по теории М. В. Капкан, является «практика потребления пищи». Четвёртым составляющим исследователь признаёт «рефлексию над процессами приготовления и принятия пищи». Эти составляющие гастрономической культуры М.В. Капкан включает в трехчастную структуру гастрономической культуры. Она выстраивает три основных элемента – «кулинарную культуру, культуру принятия пищи и гастрономическую рефлексию». Первый элемент системы гастрономической культуры – *кулинарная культура*, которая в свою очередь состоит из нескольких составляющих гастрономической культуры как набор и сочетание продуктов. Разные способы приготовления пищи входят в кулинарную культуру народа. Второй элемент – *культура принятия пищи* представляет собой третье составляющее как «практика потребления пищи». В структуре гастрономической культуры третьим элементом представлена *гастрономическая рефлексия*. М. В. Капкан воспринимает гастрономическую культуру как «особого рода нормативно-ценностное поведение. Методологическая значимость конструкта «гастрономическая культура» заключается в том, что благодаря ему появляется возможность комплексного структурированного описания пищи как феномена культуры» [1, с. 13]. Далее исследователь обосновывает ещё два понятия – «национальная гастрономическая культура» и «национальная кухня». Под первым понятием она подразумевает «локальный вариант гастрономической культуры, взятый в диахронном аспекте». Под понятием «национальная кухня» определяется «система коллективных представлений о пищевых привычках нации, включающая в себя блюда, которые считаются репрезентативными для данной гастрономической культуры, и так называемые специалитеты, то есть продукты, специфические для конкретной местности» [1, с. 16].

Культура питания, пища народа саха обычно сочетается с культурой повседневности. Но следует их разделить и рассматривать отдельно. Относительно анализа гастрономической культуры якутов подходит понятие «национальная гастрономическая культура» в качестве локального варианта общей системы гастрономической культуры народов России. Хотя «национальная кухня воспринимается носителями культуры как единственно возможный для данной культурной общности вариант пищи, принципы которого могут и должны быть реализованы в ежедневной практике» [1, с. 17]. Итак, более широким понятием, отображающим гастрономическую культуру определенного народа, является понятие «национальная гастрономическая культура». К национальной кухне относятся представления народа о пище, блюдах и продуктах. Так, обозначим основные понятия как «гастрономическая культура», обозначающее систему норм, принципов и образцов. Оно в методологическом плане представляется общим относительно другого важного

понятия «национальная гастрономическая культура» для изучения культуры питания отдельных народов. Второе понятие является локальным по отношению к первому. Итак, «национальная гастрономическая культура» якутов состоит из трёх элементов как *кулинарная культура, культура принятия пищи и гастрономическая рефлексия*.

Далее обозначим проблемы статьи, связанные с изучением национальной гастрономической культуры якутов. Сначала следует с помощью комплексного подхода проанализировать материалы исследователей истории, этнографии и культуры народа систематизировать его знания о кулинарной культуре, в которую входят набор и сочетание продуктов, разные способы приготовления пищи. Затем необходимо разобраться с культурой принятия пищи у якутов. Учитывая актуальность изучения обозначенных проблем, необходимо более глубокое понимание важности предмета исследования. В последующем необходимо сделать маркировку границ гастрономической культуры народа с дальнейшей разработкой механизмов её функционирования.

Термины кулинарной культуры якутов

Одним из ранних исследователей истории, этнографии и культуры, кто обозначил более подробно *кулинарную культуру* якутов был Я. И. Линденау. Он, пребывая в Якутии в половине XIX века, оставил бесценные сведения о наборе продуктов и их сочетаний, о процессах приготовления пищи народа. Понятие «кулинарная культура» определяется как «технологическая сторона приготовления пищи, тот арсенал средств, который существует в данной культуре применительно к пищевым продуктам» [2, с. 37]. Её можно заменить понятием «культура приготовления пищи».

При анализе кулинарной культуры я буду придерживаться методологии исследования пищи якутов фольклориста А. А. Саввина. Он «впервые разработал на якутском материале классификационную схему системы питания, где главным критерием выступает природно-экологический фактор» [3, с. 7]. Все сведения о кулинарной культуре якутов Я. И. Линденау включил в седьмой главе своей работы под названием «Об их кушаниях и напитках, как они приготовляются и употребляются».

Из всего набора продуктов, описанных исследователем, важным в кулинарной культуре якутов можно обозначить *мясные продукты*. Он оставил описание интересного блюда, которое можно отнести к мясным, обозначив его – *karbusun*. Это по-якутски называется *харбыһын* «үүтүнэн иитэр харамайдар оҕолорун хаата, кэнэбэскилэрэ (выходящая вслед за плодом плацента вместе с оболочками плода, послед)» [4, с. 390]. В словаре Э. К. Пекарского также зафиксировано слово *харбыһын* (*хорбоһун, хорбуһун*) в значении «детское место, послед (человеческий и скотский – у коровы и кобылы)» [5, ст. 3354]. Но кроме данного термина у якутов существует другой термин, обозначающий только послед скота – *кэнэбэски* «сүөһү төрүүбэ үөскүүр хаата (послед у коровы, кобылы)» [6, с. 503]. Блюдо *харбыһын*, по материалам Линденау, готовили весной, когда кобыла ожеребится или корова отелится, варили без соли и съедали. В материалах ни ранних, ни поздних исследователей якутской пищи не встречаются упоминания об этом виде пищи. Можно предположить, что блюдо *харбыһын* было связано с ранними религиозными воззрениями якутов. В свое время И. А. Худяков упомянул близкую обрядность. Он отмечал, что в Верхоянском округе «первую упромышленную рыбу едят без соли, иначе промысел изурочится» [7, с. 239]. Видимо, такая обрядность была соблюдена и при изготовлении блюда *харбыһын*, которое люди ели без соли. Древние якуты, придерживаясь такой обрядности, старались, чтобы рождаемость скота не была изурочена (сглажена) и не уменьшилась. Линденау впервые зафиксировал слово, данный продукт и блюдо, это слово *харбыһын* современными носителями якутского языка не употребляется, его можно считать архаизмом.

Я. И. Линденау написал, что якуты в пищу употребляли мясо мелких животных. Он описывал как якуты в некоторых местах «бурундуков (*kurdschuges*) ловят петлями, шкурку сдирают, а мясо жарят» [8, с. 27]. Записанное слово *kurdschuges* я предлагаю транскрибировать как *күрдүгэс*. В некоторых диалектах якутского языка словом *күрдүгэс* называли *моготой* (бурундука) [6, с. 87]. В единственной монографии А. А. Саввина о пище якутов такой факт употребления мяса бурундуков не подтверждается.

Далее Яков Иванович писал, что якуты «выгоняют маленьких евражек (*urga*) и сусликов (*kutier*) водой из нор или ловят последних при помощи установленных западней – черканов. Когда они поймают значительное количество этих зверьков, сдирают с них шкурки и делают себе из них шубы, а мясо жарят и едят» [8, с. 27]. Якутское название евражек, зафиксированное Линденау как *urga* я предлагаю транскрибировать как *өргө* в значении «дьябарааскы (вражка, суслик)» [9, с. 447]. Так *өргө* или *өргүө* называли в верхнеколымском диалекте *дьябарааскы* (суслика)» [10, с. 195]. Э. К. Пекарский считал, что якут. *өргө* восходит к тюрк. *өргэ* в значении ‘сурок’ «евражка, мелкий полевой зверек в роде суслика (*дьябарааскы, сир кыыла*)» [11, ст. 1955]. А. А. Саввин отмечал, что «суслик, или евражка *өргүө*, шел в пищу в Верхоянском улусе, где он водится в очень большом количестве. Некоторые исследователи Якутии сообщают, что «евражку добывают ради меха в очень небольшом количестве. Несравненно большее число их истреблялось для употребления в пищу. При этом шкура не снимается, а опаливается на огне, чтобы сохранить весь жир» [3, с. 147].

Далее Линденау зафиксировал название сусликов на якутском языке *kutier* (*күтэр* – Л.Е.). По материалам исследователя, якуты употребляли их в пищу, ели мясо этих сусликов. Такой факт в кулинарной культуре якутов позднее подтверждал А. А. Саввин. Он писал, что «водяную крысу *күтэр*, или *маттаба*, в улусах, расположенных между Леной и Алданом, употребляли в пищу вплоть до 60-х гг. Шашлык из ее мяса был любимым блюдом якутов Якутского округа. Они ставили его выше конины. Имеются сведения, что они употреблялись в пищу и по Вилюю. Охота на водяную крысу, в особенности в долинах рек во время половодья, не представляла особого труда. Необходимо заметить, что в Якутской области в то время водяных крыс называли кротами, хотя они ничего общего с последними не имеют» [3, с. 147]. Далее Андрей Андреевич, ссылаясь на материалы И. А. Худякова, отмечал об интересных подарках (*кэһии*) зятя и невесты в числе других гостинцев. Зять дарил своим будущим родственникам «50-100 сусликов, в том числе и особо жирных, нерожавших самок *кычыгыл*. Водяная крыса и суслик, помимо этого, служили гостинцем, который невеста приносила с собой при первом визите к родителям, родственникам, который наносила через несколько месяцев после переезда в дом мужа» [3, с. 147]. Готовили из сусликов и водяных крыс блюда в жареном, так и в вареном виде. Также можно предположить, что такая пища была связана с древними ранними религиозными воззрениями, так как нерожавших самок *кычыгыл* отмечали «путем привязывания на шее тонких волосяных веревок, свитых из черных и белых волос (подчеркнуто мной – Л.Е.)» [там же]. То есть нерожавших самок привязывали *саламой* – священной веревкой в качестве дара культа поклонения – божествам и духам-покровителям. Такие отношения у якутов, по-видимому, были вызваны древними мифологическими представлениями об особых отношениях к самкам как продолжателям рода, в том числе и человеческого.

На счет мясных блюд якутов Линденау упоминал об употреблении мяса всех животных, сделав оговорку, что «все животные... употребляются в пищу. Если они убьют медведя, то мясо съедают, а голову и кости вешают на дерево» [8, с. 27]. Медведь у некоторых родов

считался тотемом, поэтому при добыче выполнялось множество промысловых обрядов. Один из них упоминается в материалах Я. И. Линденау: после употребления медвежатины в пищу якуты медвежьей голову и кости бережно вешали на дерево. В детстве я сама воочию видела немало таких деревьев, на которых висели головы и кости медведей.

Якуты в кулинарной культуре всегда отдавали предпочтение мясу домашнего скота – говядине и жеребятине, вообще, мясной пище. Об этом весьма подробно писал А. А. Саввин и приводил список из 22 блюд из мясных продуктов [3]. Он замечал, что «скот, мясо которого заготавливалось осенью для зимнего потребления семьи, называется *идэһэ*. Более состоятельные убивали по несколько голов нагулявшихся коров или лошадей. У крупных скотоводов количество *идэһэ*, вероятно, достигало 10–20 голов. Большинство хозяйств закалывало по одной единице крупного рогатого или конного скота. Наряду с этим встречались бедняки, которые могли выделить в качестве *идэһэ* только одну полуторагодовую телку *тыһаһас*. Богатые скотоводы Якутского округа хранили в леднике мясо крупных домашних животных в течение 2–3 лет» [3, с. 138]. Под *идэһэ* якуты понимали «бэйэ сиригэр анаан өлөрүллэр сүөһү (убойный скот для собственного потребления)» [12, с. 562].

Яков Иванович оставил материалы о некоторых видах пищи якутов из мяса водоплавающей, боровой птицы. Он замечал, что «все птицы, как бы они ни назывались, будь то различные утки, гуси, лебеди, – употребляются якутами в пищу. Только якуты намского рода не употребляют в пищу лебедей, орлов и ворон, так как они у них считаются священными». Он также упомянул о фактах употребления мяса пернатых «которые обитают в лесах, за исключением дятла, поедаются с внутренностями». Хотя упоминал о некоторых табу у якутов по отношению к пернатым: «некоторые из намского рода иногда едят мясо орла, но кости его не ломают, а целиком вешают на дерево». Еще исследователь добавлял, что «только якуты намского рода не употребляют в пищу лебедей, орлов и ворон, так как они у них считаются священными» [8, с. 27]. Здесь уместно напомнить, что лебедь до сих пор считается тотемом намских якутов. Употребление якутами в пищу мяса водоплавающей, боровой птицы было характерно особенно летом, когда запас говядины и жеребятины заметно иссякал. Как отмечал А. А. Саввин, «главными промысловыми видами являлись: кряква, шилохвость, моклок, чирок, турпан, нырок, гоголь, чернеть, луток, в приморской части – гуси, а также пастушок, турухтан и кулики. В составе мясной пищи большинства населения в летний период водоплавающая птица занимала главное место» [3, с. 149]. Такие боровые птицы, как глухарь, тетерев, рябчик и куропатка, также ценились у якутов. Они охотились и употребляли их мясо в пищу в вареном виде. В детстве мы в семье с удовольствием употребляли в пищу мясо боровых птиц, которых добывал мой отец, профессиональный, кадровый охотник, мудрый человек – Спиридон Афанасьевич Чолоев. Я. И. Линденау подчеркивал разнообразие мясной пищи якутов. Так, в кулинарной культуре якутов входили мясо больших и малых зверей, мясо разнообразных видов водоплавающей, боровой птиц, диких и домашних животных.

А. А. Саввин в систематизации пищи якутов отводил важное значение *рыбным продуктам*. Я. И. Линденау упоминал 10 видов рыбы, употребляемых в кулинарной культуре народа как «ольцы – *kustjak*, тугуны – *dschongor*, сиги – *majagas*, муксуны – *maksun*, или *niemiskén*, нельмы – *tut bal'ik*, чиры – *tschir*, таймени – *bill*, лини – *buijit*, шуки – *sordong*, стерляди – *katus*» [8, с. 27]. Из упомянутых рыб *kustjak* транскрибируется как *күстэх* и обозначает «үрүн көмүстүү килбэчигэс хатырыктаах, уон биэс-сүүрбэ сэнтимитир кэринэ усталаах кыһыллыны лапчааннаах өрүс балыга (елец)» [6, с. 106]. Следующий вид рыбы *dschongor*; видимо, написан Линденау неправильно. Тугунок

по якутски иногда называли *ньоѳор* «мундуга майгынныыр кылабачыгас дьүһүннээх кыра өрүс балыга; сыа балык (тугун, тугунок)» [9, с. 124]. *Majagas* (*майаҕас*) называли «хотугу өрүстэргэ уонна күөллэргэ үөскүүр сырдык хатырыктаах үрүн балык (сиг)» [13, с. 200–201]. Следующий вид рыбы – *муксун*, у Линденау также записан с ошибкой – *taksun*. *Муксуном* считается «хотугу өрүстэргэ үөскүүр сырдык хатырыктаах, аҕыйах унуохтаах үрүн балык (северная промысловая рыба семейства лососевых)» [13, с. 329]. Яков Иванович приводил еще другое название муксуна как *niemisken* (*ньэмискэн*). Оказывается, это название *ньэмискэн* было диалектом Сунтарского улуса. Об этом указали Э. К. Пекарский [11, ст. 1719] и составители «Диалектологического словаря якутского языка» [10, с. 182]. Линденау в свое время зафиксировал еще один вид рыбы как *нельма* и записал по-якутски *tut bal'ik*. Современные якуты *нельму* называют *туут балык* – «балык саамай бөдөнө, улахана (самая крупная нельма)» [14, с. 173–176] или *тууччах* «хотугу өрүстэргэ уонна муораҕа үөскүүр хаптаҕай быһыылаах, бөдөнүнэн, этэ үчүгэинэн биир бастын үрүн балык (крупная ценная промысловая рыба северных рек и морей; нельма)» [15, с. 231]. Одним из любимых рыб у якутов была рыба, которую отмечал Я. И. Линденау – *tschir*. Блюда из *чыыр* «майаҕастыгылар бөлөхтөрүгэр киирсэр, тууттан кыра, үрүн эттээх өрүс балыга (хоту улуустарга күөлгэ эмиэ үөскүүр) (речная рыба достаточно большого размера из семейства лососевых (в северных улусах водится также в озёрах, чир)» [16, с. 290], чир всегда был лакомством у якутов. Исследователь среди рыб еще приводил таймени – *bill*, лини – *buijit*, шуки – *sordong*, стерляди – *katus*. Из них *бил* – это «өрүскэ үөскүүр, лосуостар бөлөхтөрүгэр киирсэр, кыра хатырыктаах, күрүн дьүһүннээх дүлүн курдук улахан балык (таймень)» [14, с. 302], *сордон* – «өрүскэ, үрэххэ, күөлгэ үөскүүр эриэн дьүһүннээх, сытыы тиистээх уһун сундулуйбут сиэмэх балык (щука)» [17, с. 533–534], *хатыыс* – «өнүргэс унуохтаах, кыһыл эттээх, уһуктаах тумустаах искэбинэн уонна этинэн сыаналанар өрүс балыга (осётр, промысловая рыба семейства осетровых без костного скелета, ценная своим мясом и икрой)» [4, с. 478]. *Хатыыс* по-русски переводится как «осётр» и «стерлядь». У якутов одним из любимых лакомств были вареные мелкие рыбки – *мунду* «күөлгэ үөскүүр сырдык өрөбөлөөх хараҥа систээх кыра балык (гольян озерный)» [13, с. 334–335]. Итак, в своих материалах Я. И. Линденау ввел описания 10 видов рыб. В своё время А. А. Саввин приводил список из 29 видов рыб, употребляемых якутами в пищу.

Далее Яков Иванович оставил некоторые материалы по *культуре принятия пищи* или по практике потребления пищи якутов. Он отмечал технологии приготовления пищи из рыб, замечая, что рыбу готовили в нескольких вариантах – в вареном, жареном, копченом, вяленом, квашеном и мороженом видах. Исследователь подробно написал о том, какие блюда готовили якуты из рыб. Они «*мунду* сушат и жарят. Кроме того, якуты имеют обыкновение насыпать *мунду*, которую ловят осенью, в турсуки, и из нее делается кислая рыба, которую они называют *Liba* (*лыбыа* – Л.Е.)» [8, с. 28]. *Лыбыа* – кислую рыбу якуты готовили из *мунду* в старину таким способом: «күһүн муус тонгуута бултаан холбоҕо кутан мунньубут *мунду* (оннук сытан, буһардахха иһэ тохтон кэлэр буола луугулар, кыһын тонмутун кэннэ сиэнэр) (озерный голянь осеннего улова, которым запасаются впрок и заквашивают в специальных коробах (потребляли зимой, после замерзания)» [13, с. 157]. Далее исследователь приводил процесс приготовления еще одного блюда из сушеной *мунду*. Оно называлось у Линденау *kaktu* (*хохту* – Л.Е.) «сайын сиикэйдии хатарыллыбыт *мунду* (вяленый озёрный голянь)» [4, с. 632]. Сушеную рыбу *хохту* готовили весной. Далее исследователь описывал изготовление других рыбных блюд. Так, «в течение всего лета из щук, стерляди, муксуна, тайменя, нельмы делают юколу, или, как они называют,

Dsohjukola (дьуухала – Л.Е.)» [8, с. 28]. Из других же рыб делали порсу – *Porsa Bartscha* (порса барча – Л.Е.) – муку, сделанную из юколы, где под *барча* они понимали «бухаран баран хатарыллыбыт кыра балык үлтү мэлиллибитэ (якутская национальная еда: вареную мелкую рыбу вялят или коптят, затем растирают в порошок для хранения впрок)» [14, с. 216]. Далее Линденау описал блюдо из вяленой рыбы под названием *chach* (хах – Л.Е.). Данное рыбное блюдо было упомянуто в словаре Пекарского как «один из сортов юколы (дьуукала)» [5, ст. 3414]. В свое время Линденау уверенно указывал бытование данного блюда и написал, что «якуты, которые живут на Алдане и Вилюе, делают из муксуна и нельмы, что значит по-русски «провесная или прутовая (вяленая – Л.Е.)». Для этого употребляют только боковинку рыб» [8]. Впоследствии, уже в постсоветское время название блюда – *хах* включено этнографом Р. И. Бравиной в краткий словарь названий якутских блюд [18, с. 213]. Порсу и вот вышеуказанное блюдо *хах* якуты, видимо, переняли у народов Севера с целью долгого хранения продуктов питания. Исследователь подробно записал процесс приготовления еще одного специфического блюда под названием *argijss* (аргыс – Л.Е.). Он описал процесс заготовки данного блюда. Готовили его из голов этих же рыб, туши которых употребляли для приготовления *хах* следующим образом: «из голов вынимают большие кости и бросают их в яму, вырытую в земле и обложенную корой лиственницы, затем закрывают яму и оставляют головы лежать в ней так долго, пока они их не употребят в пищу» [8]. Но этнограф С. И. Николаев *аргыс* считал методом хранения рыбы подледного лова у жителей вилюйских улусов [19]. По описаниям Линденау, *аргыс* – тот же аналогичный метод хранения рыб как у вилюйчан. Итак, исследователь оставил описания приготовлений рыбных продуктов: вареный, жареный, сушеный, заморозный, вяленый и др. Он приводил якутские названия рыбных блюд – *лыбыа*, *хохту*, *дьуухала*, *барча*, *хах*, упоминал 10 видов разных рыб. В советское время А. А. Саввин оставил описания 14 якутских блюд из рыбы [3]. Этнограф С. И. Николаев в свое время давал характеристику 32 рыбных блюд у дореволюционных вилюйчан.

Следующим видом продуктов в кулинарной культуре якутов можно выделить *молочные продукты*. Одним из первых молочных продуктов Я. И. Линденау отмечал «первое молоко собирается три дня подряд, затем варится в горшках на огне и, когда оно готово, съедается. Это блюдо называют *osak* (*yohax* – Л.Е.)» [8, с. 27]. Современные носители якутского языка термин *yohax* понимают как молозиво – «төрөөрү сылдыар эбэтэр сана төрөөбүт үүтүнэн иитээчи тыһытын (хол., ынах) маннайгы саһархай өҥнөөх уонна олус хойуу үүтэ (желтоватое и густое молоко самок млекопитающих (напр., коровы) в первое время после родов, молозиво)» [20, с. 227–228]. Из продуктов они готовят только оладьи из молозива. Блюдо под названием *yohax* в качестве угощения упоминал Э. К. Пекарский «в старинные годы лучшим угощением для родных и друзей якуты считали *yohax*» [5, ст. 3049].

Следующим блюдом у якутов Яков Иванович указал *кумыс*, хотя ошибочно написал о времени его приготовления. Он писал, что «женщины весной, после Isöch'a (подчеркнуто мной, ысыаха – Л.Е.), готовят молоко для кумыса» [8, с. 28]. *Кумыс* по-якутски называется *кымыс* и это обозначает «биэ үүтүттэн көөнньөрүллэн оноһуллубут аһы утах (кисломолочный напиток из кобыльего молока, кумыс)» [6, с. 261–262]. Сведения о якутском кумысе в своих дневниках и материалах оставили ранние путешественники Эверт Избрант Идес (1696), Иоганн Готлиб Георги (1799), Н. С. Щукин (1844), В. Л. Серошевский (1896, 1993). В советское время фольклорист А. А. Саввин (1948, 2005), этнограф С. И. Николаев–Сомоҕотто (2010) опубликовали ценные материалы о процессе приготовления кумыса. Позднее, в постсоветское время технолог А. И. Павлова провела специальное научное исследование кобыльего молока [21], филолог Е. Р. Николаев

проанализировал названия якутских блюд [22]. Кумыс готовили задолго до проведения ысыаха, это четко отмечал А. Я. Уваровский: «буус устар ыйтан сайынны балаҕаннарыгар киирэн окко кириэхтэригэр диэри икки ый киинэр уйгул кэмнэрэ. От көбүүрүн кэминэн кыһын холлубут сылгытын күүһэ көнөрүн кытта саха кулуну тутар; баччаҕа кымыс мунньуулар (С апреля месяца до переезда в летники у них (якутов) считается изобильным временем. Как восходит новая трава и как только поправятся кобылы от зимнего состояния, якуты отделяют прошлогодних жеребят; с этого времени начинают собирать кумыс – перевод мой – Л.Е.)» [23, с. 43]. Итак, кумыс начинали готовить ранней весной с момента отделения прошлогодних жеребят. Я. И. Линденау оставил подробное описание процесса заготовки кумыса. При сравнительном анализе оно почти аналогично с описаниями изготовления кумыса у якутов В. Л. Сорошевского и А. А. Саввина.

Следующим блюдом он охарактеризовал *üruma* (үрүмэ), написал, как готовится данное блюдо. Линденау отмечал, что *үрүмэ* «делается из коровьего молока: наливают молоко на сковородку и ставят ее на раскаленные уголья, пока постепенно поверху молоко не натянется как пенка» [8, с. 28–29].

Об одном из молочных продуктов Я. И. Линденау записал *kainjack* или *chanjack*. Это слово можно транскрибировать как *ханях* (*хайах*). Но Яков Иванович написал, что *хайах* «горький и делается из *üruma* (үрүмэ). *Üruma* кладут в туюс и подвешивают, чтобы кисло. Потом помещают в особый сосуд, взбивают или сохраняют как есть» [8, с. 29]. На самом деле, *хайах* не готовится из *үрүмэ*. О разных и многообразных способах приготовления *хайах*, которого называли «якутским маслом», писали Р. К. Маак (1887, 1993), В. Л. Сорошевский (1896, 1993), А. А. Саввин (2005), С. И. Николаев (2010) и др. Еще в своих записях Линденау неправильно зафиксировал процесс заготовки *хайах*. Якуты готовят этот продукт из масла или сливок, сметаны, но не из *үрүмэ*. В большинстве случаев, *хайах* готовится так: «ынах арыытын сылаас үүккэ, сүөгэй уутугар эбэтэр тарга булкуйан ытыйан оноһуулар, тонорон баран сиэниллэр үрүн ас (сливочное масло, сбитое в тёплом молоке, пахте или простокваше, употребляемое в замороженном виде, хаяк)» [4, с. 195].

Кисломолочный продукт якутов *суорат* зафиксирован Я. И. Линденау под названием *sarat*, хотя в приложении он исправил на *суорат*. Процесс заготовки данного продукта Линденау охарактеризовал таким образом: «делают из молока, которое остается после приготовления *üruma*. Сначала молоко охлаждают, снимают сливки и дают им прокиснуть в тепле. Оставшаяся жидкость кипятится, охлаждается и смешивается с закисшими в тепле сливками» [8, с. 29]. На самом деле, *суорат* готовится из молока путём кипячения и заквашивания «оргутуллубут үүтү бүрүйэн, бөлөнүтэн баран сиир үрүн аһылык (кисломолочный продукт, получаемый путём заквашивания кипячёного молока, сорат)» [24, с. 148]. Видимо, Линденау оставил один из видов заготовки *суорат* из молока, оставшегося от приготовления *üruma*.

Другой кисломолочный продукт *тар* считался одним из основных и любимых блюд якутов, представлял собой «аһыйбыт суорат мунньулуубута, ол тонмута (перебродивший кисломолочный продукт суорат, запасаемый на зиму в мороженном виде; мерзлый суорат)» [24, с. 233]. По материалам Линденау, «это прокисшее молоко, которое сохраняется в больших сосудах, сделанных из бересты» [8, с. 29]. Он также оставил описание процесса приготовления *тар* «делали его из *sarat'a*, добавляя к нему маленькие косточки от птиц и подгорелое молоко от *үгүмэ*. От крепкой кислоты косточки становятся совершенно мягкими. На Амге якуты добавляли туда же корень кипрея. Когда сосуд наполняется, его помещают в яму, где он и сохраняется на зиму. Называется этот напиток *тар* потому, что закисшее вещество тянется» [8]. Якуты из *суорат*, *тар* делали несколько видов

напитков. Одним из активно употребляемых был *ымдаан* (варианты слова *умдаан*, *ундаан*) «суораты, тары, сүөгэй уутун оргуйбут тымныы ууга булкуйан, ытыйан оноһулар аһыы утах (напиток из перебродившего кисломолочного продукта суорат, тар, разбавленного холодной кипячёной водой)» [16, с. 429–430]. Линденау оставил заметки о приготовлении данного напитка «*umdan* (*умдаан*): делается из *sarat*’а. Берут часть *sarat*’а и подливают холодной воды, затем все сильно мешают, получается напиток, который употребляют при длительных путешествиях» [8, с. 29]. Из *суорат* якуты готовили еще одно своеобразное блюдо под названием *сүүмэх* «аһыйбыт үүт убаҕаһын сүүрдүбүт кэннэ хаалар хойуута (гуща прокисшего молока, остающаяся после процеживания)» [24, с. 323]. О процессе заготовки этого продукта Яков Иванович оставил точные заметки. Он писал, что «*sütmach* (*сүүмэх*) – вид сыра, который делается из *sarat*’а. *Sarat* помещают в специально сделанную для этого корзину, которая наверху широкая, а внизу остроконечная, и сфильтровывают воду, а что остается, то крепко отжимают, сушат и укладывают в туюс. Этот сыр также берут в длительные путешествия» [8, с. 29]. Данный продукт *сүүмэх* зафиксирован в словаре Э. К. Пекарского в значении «гуща в свернувшемся молоке; густая лучшая часть прокисшего за лето молока (тар)» [11, ст. 2392–2393]. А. А. Саввин *сүүмэх* в качестве пищевого продукта почему-то не включал. Позднее о заготовке данного продукта написали С. И. Николаев [25, 26], Е.Ф. Кузьмина [27].

Следующим ценным молочным продуктом у якутов был *сүөгэй* «үүттэн хойуутун, сүмэтин арааран (холбуян эбэтэр сэппэрээтэргэ сүүрдэн) ылыллыбыта (отделённая густая, жирная часть молока, сметана)» [24, с. 251–252]. Якуты различали сливки и сметану. А. А. Саввин отметил несколько разновидностей сливок как «*сөн сүөгэй* – густые сливки, *холбуллубутунан сүөгэй* – только что снятые свежие сливки, *чөчөгөй* или *үүт үрдэ* – нижний слой отстоявшихся сливок с примесью молока, *аһыы* или *аһыйбыт сүөгэй* – сметана, *хаппыт сүөгэй* – сильно прокисшая, густая сметана» [3, с. 103]. Я. И. Линденау называл *сүөгэй* – сливками. Но в своих заметках описал заготовку другого молочного продукта – *арыы*: «сливки, собирают в туюс и квасят подвешенными над дымом (в тепле), затем снимают и бьют из них масло» и приводил «*агү* (*арыы*) – распущенное масло» [8, с. 29]. Якуты, по материалам А. А. Саввина, производили несколько видов коровьего масла: *сиикэй арыы* (*сүөгэй арыыта*) – сливочное масло, *буспут арыы* (*ньэнкир арыы*) – топленое масло, *хайах арыыта* и *хайах* – кислосливочное масло [3, с. 92]. Видимо, Яков Иванович под «распущенным маслом» имел ввиду второй вид якутского масла – *буспут арыы* (топленое масло). Далее он отмечал еще одно блюдо из масла. Это «*kanjak-uta* (*ханьах уута / хайах уута*) – это жидкость, которая остается от растапливания *агү* (*арыы*)» [8, с. 29]. Здесь у Линденау, по-видимому, допущена ошибка. Дело в том, что при «отстаивании растопленного сливочного масла *бутуку* или *арыы уута* варили вторично с примесью воды», – отмечал А. А. Саввин [3, с. 93]. Или растапливали *хайах* и «в растопленном виде он служил угощением на свадебных пирах и сысах» [3, с. 95]. Поэтому не ясно, какой вид масла исследователь имел ввиду. Якуты называли и понимали под *арыы* (маслом) все его три вида – сливочное, топленое и кислосливочное (*хайах арыыта*). Относительно к *хайах уута* Линденау приводил еще одно блюдо под названием *bulumak*, которое я интерпретирую как *булумах*. Он записал, что «к ней (*хайах уута* – Л.Е.) прибавляют размельченную заболонь и получают кушанье – *bulumak*» [8, с. 29]. Но такого блюда под названием *bulumak* (*булумах*) нет в якутской кулинарной культуре. По технологии изготовления, описанной Яковым Ивановичем, блюдо *булумах* больше подходит к блюду под названием *бутугас* «ууга, сингэбэ, үүккэ эбэтэр сүөгэй уутугар сэлиэйдээн, киһилэ, унньуула эбэтэр үөрэ ото эбэн оноһулар утах (напиток из воды, молока или пахты,

заправленной мукой или съедобными травами» [14, с. 588–589]. О *бутугас* как о якутской разновидности похлебки-каши писали Э. К. Пекарский [27, ст. 575-576], А. А. Саввин [3, с. 193], готовили её с разным составом и добавлениями, но на основе воды, кислого или свежего молока. Вполне допустима заготовка *бутугас* на основе *хайах уута*, как писал Линденау. Еще один рецепт заготовки блюда, близкого к *бутугас* отметила Е. В. Кузьмина, в котором каша с *бэс субата* (сосновой заболонью) готовится на основе *арыы уута* [28, с. 76]. По-моему, Я. И. Линденау допустил ошибку, вместо блюда *бутугас* написал *будумах*. Итак, Линденау оставил записи о 12 разных видах молочных продуктов. И позднее А. А. Саввин, по моим подсчетам, охарактеризовал 31 вид молочной пищи якутов.

К *растительной пище* А. А. Саввин относил стебли и корни дикорастущих растений, ягоды и древесную заболонь. Другой исследователь О. В. Ионова к растительной пище отнесла «продукты собирательства и земледелия» [29, с. 26].

Из растительной пищи якутов Я. И. Линденау оставил заметки о 12 растениях, которых якуты употребляли в пищу. Первым видом растительной пищи он отметил «*бэс үөрэ*» – сосновая заболонь и заметил время и процесс её заготовки. Он написал, «в месяц *kulun tutar* (апрель) идут якуты в лес и собирают сосновую заболонь» [8, с. 27]. Якуты в зависимости проживания в разных местностях, расположенных по берегам рек Лена и Вилюй, использовали древесную заболонь как один из основных продуктов питания. А. А. Саввин различал два вида заболони, которую якуты использовали в пищу до развития земледелия: «лиственничная и сосновая заболонь» [8, с. 160]. О. В. Ионова различала *бэс аһа* (*үөрэ*) и *тиит аһа* (*үөрэ*) [29, с. 29–30]. В своих материалах Линденау правильно указал якутское название месяца – *кулун тутар* (март), когда якуты ездили на заготовки сосновой заболони. Но в русском написании месяца допустил ошибку, написав *кулун тутар* – апрель [8, с. 27]. Он указал, что якуты готовили заболонь двумя способами, как «часть ее сушат, из другой части делают лапшу. Эту лапшу и сушеную заболонь мелко дробят и смешивают с молоком» [8]. По материалам А. А. Саввина, якуты употребляли заболонь двух видов – *бэс үөрэ* – сосновую и *тиит үөрэ* – лиственничную в сушеном, квашеном и свежем видах. Из них якуты умели готовить 14 видов различных молочно-растительных супов [3, с. 193]. Заготовка и обработка древесной заболони требовала больших трудов и долгого времени приготовления. Видимо, за время пребывания Я. И. Линденау успел заметить только сушеный вид заготовки *бэс үөрэ* (сосновая заболонь).

Растения, используемые в пищу якутов, О. В. Ионова разделила на 7 видов – листья и стебли, травы, съедобные луковички, корни, навар, заменяющий чай, ягоды, заболонь [29]. Я. И. Линденау в своих материалах записал 7 растений из группы корней. Назвал растение «*zin (sin)* – корни, которые они (якуты – Л.Е.) вырывают из земли или берут из мышиных нор» [5, с. 27]. Но, к сожалению, растения под таким названием *zin (sin)* в материалах других исследователей не удалось обнаружить и слово не удалось расшифровать. Яков Иванович приводил названия нескольких корней, которых якуты употребляли в пищу как *umijach* (*ымыйах* – Л.Е.) – корень бёдренца, *koieg-ess* (*кэйигэс*) – змеин-корень, по-ламутски *tschakitsch*, или *bistroia*, *kuḡun* (*курун от*) или *koḡun* – корень синей лилии, *undschula* (*унньуула*) – корень большой сараны (красной лилии), корни растений семейства бобовых – *sardan* (*сардаан*), корень прыщинца – *tschetschunack* (*чучунаах*). Из группы трав исследователем приведены 2 растения: дикий лук и дикий чеснок – черемша. Из листьев якуты «собирают листья дягиля и таволги» [8, с. 28]. Далее Яков Иванович записал способы приготовления некоторых видов растений. По его материалам, корень большой сараны (красной лилии) – *унньуула* «употребляется толченым, вареным со сливками или молоком. Это блюдо называется *vulumak* (*будумах*)» [8]. Данное описание блюда,

которого он называл *бутумах* еще раз подтверждает мое предположение о *бутугас* «ууга, сингэбэ, үүккэ эбэтэр сүөгэй уутугар сэлийдээн, киинилэ, унньуула эбэтэр үөрэ ото эбэн оноһуллар утах (напиток из воды, молока или пахты, заправленной мукой или съедобными травами)» [14, с. 588–589]. Его якуты готовили с разным составом и добавлениями, но на основе воды, кислого или свежего молока. Еще Линденау добавил, что *унньуула* и *кэйигэс* змеин-корень якуты приготавливали, прибавляя в него еще высушенную и размельченную кору от ели. Все названные корни люди ели сырыми или вареными с молоком. Он писал, что корень прыщинца (*чучунаах*) режут и смешивают с вареной и мелко натертой рыбой *мунду*, сохраняют в туссах и оставляют скисать всю зиму. Это кушанье называется *сима* (*сыма*). Значит, Я. И. Линденау оставил описания всего 12 видов растений, из них 7 названий кореньев, 2 названия трав, 2 названия листьев и заболонь (*бэс үөрэ*). Следует отметить, что впоследствии А. А. Саввин в своей монографии охарактеризовал всего 71 вид, О. В. Ионова описала свыше 30 видов растений, употребляемых якутами в пищу.

Заключение

Таким образом, на основе анализа материалов, оставленных одним из ранних исследователей истории, этнографии и культуры якутов Я.И. Линденау в I половине XVIII в. впервые проанализированы термины национальной гастрономической культуры якутов. Само понятие «национальная гастрономическая культура» актуализировано в качестве локального варианта в системе общей гастрономической культуры народов России. В статье с помощью комплексного подхода проанализированы термины гастрономической культуры, переосмыслена кулинарная культура народа саха, в которую входят набор и сочетание продуктов, разные способы приготовления пищи. Во-первых, Я. И. Линденау впервые оставил краткие, но богатые материалы по кулинарной культуре якутов, привел термины на якутском языке. Сначала он охарактеризовал мясные продукты, куда входили мясо больших и малых зверей, разнообразных видов водоплавающей, боровой птиц, диких и домашних животных, упоминал 11 видов разных рыб, оставил записи о 12 разных видах молочных продуктов. Во-вторых, Я. И. Линденау одним из первых описал культуру принятия пищи у якутов. Исследователь записал несколько видов мясных и рыбных продуктов: вареное, жареное, сушеное, мерзлое, вяленое приготовления, приводил 5 якутских терминов рыбных блюд, 12 разных видов молочных продуктов. В-третьих, он привел 12 видов растений, 7 названий кореньев, 2 названия трав, 2 названия листьев и заболонь (*бэс үөрэ*), которых якуты употребляли в пищу. Значит, Я. И. Линденау оставил богатый материал, который доказывает, что на тот период национальная гастрономическая культура якутов была сформирована. Труд пытливого исследователя играет большую роль для дальнейших исследований гастрономической культуры якутов.

Литература

1. Капкан М.В. Феномен гастрономической культуры: специфика форм репрезентации (на примере России XIX – XX вв.). Автореф. дисс. к. культурологии. Екатеринбург: 2010:26.
2. Капкан М.В., Лихачева Л.С. Гастрономическая культура: понятие, функции, факторы формирования. *Известия Уральского гос. университета. Серия 2: Гуманитарные науки.* 2008;55(15):34-53.
3. Саввин А.А. *Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии)*. Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2005:376.
4. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т., Т. XIII: (Буква Х). Новосибирск: Наука, 2016:639 (На якутском языке).

5. Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*. Т. III. Выпуски 10–13. Москва: Академия наук СССР; 1959:3858 (На якутском языке).
6. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т., Т. V: (Буква К: күөһэллэс гын – кээчэрэ). Новосибирск: Наука, 2008:616 (На якутском языке).
7. Худяков И.А. *Краткое описание Верхоянского округа*. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение; 1969:439.
8. Линденау Я.И. *Описание народов Сибири (первая половина XVIII века)*. Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Кн-е изд-во; 1983:176.
9. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т., Т. VII: (Буквы Нь, О, Ө, П). Новосибирск: Наука; 2010:519 (На якутском языке).
10. Диалектологический словарь якутского языка = Саха тылын диалектологическай тылдьыта. Москва: Наука; 1976:392 (На якутском языке).
11. Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*. Т. II. Выпуски 5–9. Москва: Академия наук СССР; 1959:2508.
12. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта (Буквы Г, Д, Дь, И). Новосибирск: Наука; 2006:844 (На якутском языке).
13. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т., Т. VI: (Буквы Л, М, Н). Новосибирск: Наука; 2009:519 (На якутском языке).
14. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта: в 15 т., Т. II: (Буква Б). Новосибирск: Наука; 2005:912 (На якутском языке).
15. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т., Т. XI: (Буква Т – төһүүллэ). Новосибирск: Наука; 2014:528 (На якутском языке).
16. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т., Т. XIV. Новосибирск: Наука; 2017:592 (На якутском языке).
17. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т., Т. VIII: (Буква С – сөллөөбөр). Новосибирск: Наука; 2011:572 (На якутском языке).
18. Культура питания якутов. Научно-популярное иллюстрированное издание. Санкт-Петербург: Русская коллекция; 2012:230.
19. Николаев С.И. *Рыбная пища дореволюционных вилюйчан*. Сборник статей и материалов по этнографии народов Якутии. Якутск: Як кн.изд-во; 1961:42-46.
20. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т., Т. XII: (Буквы У, Ү). Новосибирск: Наука; 2015:598 (На якутском языке).
21. Павлова А.И. Молочная продуктивность кобыл якутской породы и технология производства замороженного кобыльего молока. Автореф. дис... канд. сельхоз. наук. Якутск, 2004:20.
22. Николаев Е.Р. Диалектные названия якутских блюд (продуктов) в контексте языковой картины мира. *Российский гуманитарный журнал*. 2019;8(2):141-152.
23. Уваровский А.Я. *Ахтыылар=Воспоминания*. Якутск: Кн. изд-во, 1992:56 (На якутском языке).
24. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т., Т. IX. Новосибирск: Наука; 2012:629 (На якутском языке).
25. Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*. Т. I. Выпуски 1–4. Москва: Академия наук СССР; 1958:1280.
26. Николаев С.И. *Народ саха*. Якутск: Изд-во Якутский край; 2009:299.
27. Николаев С.И. *Пища якутов (в свете соседних культур)*. Якутск: Якутский край; 2010:168.
28. Кузьмина Е.Ф. *Саха төрүт аһа-үөлэ: рецептэр, тума, сүбэ-ама=Традиционная пища якутов: рецепты, приправы, советы*. Якутск: Бичик; 2006:174 (На якутском языке).
29. Ионова О.В. *Растительная пища якутов*. Сборник статей и материалов по этнографии народов Якутии. Якутск: Як кн.изд-во; 1961:26-41.

Reference

1. Kapkan MV. The phenomenon of gastronomic culture: specificity of forms of representation (on the example of Russia in the 19th – 20th centuries). Candidate's dissertation (Cultural). Ekaterinburg: 2010:26 (in Russian).
2. Kapkan MV, Likhacheva LS. The gastronomic culture: concept, functions, factors of formation. *Bulletin of the Ural State University. Series 2: Humanities. Publisher*. 2008;55(15):34–53 (in Russian).

3. Savvin AA. *The food of the Yakuts before the development of agriculture (experience of a historical and ethnographic monograph)*. Yakutsk: IGI AN RS (Y); 2005:376 (in Russian).
4. Sleptsov PA. (ed.) *Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyldyta: in 15 volumes*. XIII:(Letter X). Novosibirsk: Science; 2016:639 (in Yakut).
5. Pekarsky EK. *The dictionary of the Yakut language*. III(10–13). Moscow: USSR Academy of Sciences, 1959: 3858 (in Yakut).
6. Sleptsov PA. (ed.) *Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyldyta: in 15 volumes*. V:(Letter K: kyöhelis gyn – keechere). Novosibirsk: Science; 2008:616 (in Yakut).
7. Khudyakov IA. *Brief description of the Verkhoyansk district*. Leningrad: Science. Leningrad branch; 1969:439 (in Russian).
8. Lindenau JI. *The description of the peoples of Siberia (first half of the 18th century). Historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the North-East*. Magadan: book publishing house; 1983:176 (in Russian).
9. Sleptsov PA. (ed.) *Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyldyta: in 15 volumes*. VII:(Letters Њ, О, Ъ, П). Novosibirsk: Science, 2010:519 (in Yakut).
10. *Dialectological dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn dialectological tyldyta*. Moscow: Nauka; 1976:392 (in Yakut).
11. Pekarsky EK. *Dictionary of the Yakut language*. II(5–9). Moscow: USSR Academy of Sciences; 1959:2508 (in Yakut).
12. Sleptsov PA. (ed.) *Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh tyldyta: in 15 volumes* (Letters G, D, Дь, I). Novosibirsk: Science; 2006:844 (in Yakut).
13. Sleptsov PA. (ed.) *Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyldyta: in 15 volumes*. VI:(Letters L, M, N). Novosibirsk: Science; 2009:519 (in Yakut).
14. Sleptsov PA. (ed.) *Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyldyta: in 15 volumes*. II:(Letter B). Novosibirsk: Science; 2005:912 (in Yakut).
15. Sleptsov PA. (ed.) *Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyldyta: in 15 volumes*. XI:(Letter T – tēhyylee). Novosibirsk: Science; 2014:528 (in Yakut).
16. Sleptsov PA. (ed.) *Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyldyta: in 15 volumes*. XIV. Novosibirsk: Science; 2017:592 (in Yakut).
17. Sleptsov PA. (ed.) *Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyldyta: in 15 volumes*. VIII:(Letter S – sölöşör) Novosibirsk: Science; 2011:572 (in Yakut).
18. *The Food Culture of the Yakuts. A Popular Science Illustrated Work*. St. Petersburg: Russian Collection Publishing House; 2012:230 (in Russian).
19. Nikolaev SI. Fish food of pre-revolutionary Vilyuysk residents. *Collection of articles and materials on the ethnography of the peoples of Yakutia*. Yakutsk: Yak. publishing house; 1961:42–46 (in Russian).
20. Sleptsov PA. (ed.) *Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyldyta: in 15 volumes*. XII:(Letters U, Y). Novosibirsk: Science; 2015:598 (in Yakut).
21. Pavlova AI. Milk productivity of mares of the Yakut breed and technology of production of frozen mare's milk. Candidate's dissertation (Agricultural). Yakutsk; 2004:20 (in Russian).
22. Nikolaev ER. Dialect names of Yakut dishes (products) in the context of the linguistic picture of the world. *Russian Humanitarian Journal*. 2019;8(2):141–152 (in Russian).
23. Uvarovsky AY. *Memories=Akhtyylar*. Yakutsk: Publishing House; 1992:56 (in Yakut).
24. Sleptsov PA. (ed.) *Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyldyta: in 15 volumes*. IX. Novosibirsk: Science; 2012:629 (in Yakut).
25. Pekarsky EK. *Dictionary of the Yakut language*. I(1–4). Moscow: USSR Academy of Sciences; 1958:1280 (in Yakut).
26. Nikolaev SI. *Sakha people*. Yakutsk: LLC Publishing House Yakutsk Territory; 2009:299 (in Russian).
27. Nikolaev SI. *Food of the Yakuts (in the light of neighboring cultures)*. Yakutsk: Yakut region; 2010:168 (in Russian).
28. Kuzmina EF. *Traditional Yakut food: recipes, seasonings, tips=Sakha toryt aha-yöle: recipe, tuma, sube-ama*. Yakutsk: Bichik; 2006:174 (in Yakut).
29. Ionova OV. Plant food of the Yakuts. *Collection of articles and materials on the ethnography of the peoples of Yakutia*. Yakutsk: Yak. publishing house; 1961:26–41 (in Russian).

Об авторе

ЕФИМОВА Людмила Степановна – доктор филологических наук, зав. каф. Культурологии ИЯКН СВ РФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, ORCID.org: 0000-0001-7360-6917, SPIN: 2970-5815, e-mail: ludmilaxoco@mail.ru

About the author

Ludmila S. EFIMOVA – Dr. Sci. (Philology), Head of Department of Cultural Studies, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORCID.org: 0000-0001-7360-6917, SPIN: 2970-5815, e-mail: ludmilaxoco@mail.ru

Конфликт интересов

Ефимова Л.С. – доктор филологических наук, является членом редакционного совета журнала «Алтаистика. Altaistics». Автору неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

Conflict of interest

Dr. Efimova is a member of editorial board of Altaistics. The author is not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Поступила в редакцию / Submitted 26.07.2025

Принята к публикации / Accepted 23.09.2025

УДК 811.512.157=347.78.034

<https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-3-41-52>*Оригинальная научная статья*

Лексико-семантический анализ имен собственных якутского эпоса олонхо

Н. А. Ефремова✉, С. В. Семенова

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация✉enadin1979@mail.ru

Аннотация

В статье представлен лексико-семантический анализ лингвистических приемов перевода имен собственных эпических персонажей на русский язык. Цель статьи – выявить какие приемы перевода наиболее часто используются в переводе имен собственных с якутского на русский язык, закрепляя их примерами из олонхо. Материалом для анализа послужили тексты олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», «Строптивый Кулун Куллустур», «Непобедимый Мюльдзю Беге», «Хан-Джаргыстай», «Могучий Джагарыма», «Кыыс Дэбилийэ», «Элэс Боотур», «Неистовый Эр Соготок», «Сын лошади Богатырь Дыырай» и др. Теоретическая база исследования опирается на труды отечественных исследователей А. Д. Швейцера, В. М. Никифорова. Основными методами исследования выступили: лексико-семантический, статистический, описательный. В ходе исследования выявлены следующие приемы перевода имен собственных эпических персонажей: адекватная замена, эквивалентная замена, аналог, калькирование, опущение, транслитерация, добавление. По частоте использования на первый план выходят такие приемы как адекватная и эквивалентная замена, затем – аналог, опущение, добавление. Калькирование, транскрипция, транслитерация встречаются мало.

Ключевые слова: олонхо, имена собственные, перевод, лексико-семантический анализ, транслитерация, транскрипция, адекватная замена, эквивалентная замена, аналог, добавление, калькирование, опущение.

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Ефремова Н.А., Семенова С.В. Лексико-семантический анализ имен собственных якутского эпоса олонхо. *Алтаистика. Altaistics*. 2025, № 3 (18), С. 41–52. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-3-41-52>

Original article

Lexical and semantic analysis of proper names in the Yakut epic olonkho

Nadezhda A. Efremova✉, Svetlana V. Semenova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉enadin1979@mail.ru

Abstract

This article presents a lexical and semantic analysis of linguistic techniques used to translate the proper names of epic characters into Russian. The article aims to identify which translation techniques are most effectively used in translating proper names from Yakut into Russian, reinforcing them with examples from the olonkho. The material for the analysis was the texts of the olonkho “Nurgun Botur the Swift”, “Obstinate Kulun Kullustur”, “Invincible Mulju Bege”, “Khan-Jargystai”, “Mighty Jagaryma”, “Kyyas Debiliye”, “Eles Botur”, “Furious Er Sogotokh”, “Son of the Horse Bogatyr Dyuray” and others. The theoretical basis of the study is based on the works of Russian researchers A. D. Schweitzer and V. M. Nikiforov. The primary research methods were lexical-semantic, statistical, and descriptive. The study identified the following translation techniques for the proper names of epic characters: adequate replacement, equivalent replacement,

analog, calque, omission, transliteration, and addition. In terms of frequency of use, adequate and equivalent replacements are most common, followed by analog, omission, and addition. Calque, transcription, and transliteration are rare.

Keywords: olonkho, proper names, translation, lexico-semantic analysis, transliteration, transcription, adequate replacement, equivalent replacement, analogue, addition, calque, omission.

Funding. The study had no financial support.

For citation: Efremova N.A., Semenova S.V. Lexical and semantic analysis of proper names in the Yakut epic olonkho. *Altaistics*. 2025, No 3 (18), Pp. 41-52. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-3-41-52>

Введение

В якутском героическом эпосе олонхо имена собственные (далее – ИС) занимают значительное место, так как через них проявляется национально-специфическая индивидуальная черта персонажа. С помощью имени читатель может сформировать представление о характерах героев и их качествах. ИС присваиваются не только людям или героям произведения, но также и различным географическим объектам, таким как горы, реки и города. Имена различаются своим строением, произношением, написанием, специфическими звуками, которые могут отсутствовать у других лингвокультур. Поэтому при переводе на другой язык имена собственные передаются через разные способы и приемы передачи. Эти аспекты и стали основанием для выбора темы исследования.

Лексико-семантический анализ

В переводе имен собственных олонхо важно акцентировать внимание на их содержательную часть, то есть на слова или словосочетания, которые раскрывают внешние и внутренние качества персонажа или характеризуют наличием у него чего-нибудь. Например: **Ыйдам киһилээх-сүөһүлээх** Ый Тойон [1, с. 192] '*господин месяца (Ый-тоён) с людьми и со скотом, как лунный свет*' [2, с. 156]; **Киһиргэс** Кэр Дьэбэл обургу [2, с. 178] '*Хвастливый человек парень Кяр-Джебяр*' [2, с. 151]; **Күүстээх киһи** Көнчүө Бөбө [1, с. 107] '*сильный человек Кёньча Бёгё (стойкий боец)*' [2, с. 129]; **Тэриэккэһит** Нэлэлдьийэ уус [3, с. 37] '*Тарелочник мастер Нэлэлдже*' [3, с. 212]; **Бүдүрүйбэт** Мүлдү Бөбө [4, с. 108] '*Непобедимый Мюльдзю бёгё*' [4, с. 74] и т. п.

Большинство имен персонажей якутского героического эпоса имеют лексический компонент, который указывает на род деятельности или социальный статус персонажа. В данном контексте следует упомянуть труды фольклориста В. М. Никифорова. Им были рассмотрены имена персонажей с показателем звания, должности. Он пришел к выводу, что «рассмотрение имен собственных героев якутского фольклора, относящихся к титулатуре, анализ их в совокупности дает возможность утверждать, что у предков якутов была такая же политическая структура, социально-экономический строй, как у народов соседних современных им государств – древних тюрков, енисейских кыргызов» [5, с. 72]. В. М. Никифоров разработал классификацию появления титулов, должностей в текстах олонхо в контексте тюркской и монгольской военной титулатуры по стадиям: 1) Туранская стадия (якутские титулы, отраженные в олонхо и характеризующие данную стадию): Бухатыыр-Боотур-Бага-тур; Бурхан; Дархан; Таркан; Дохсун; Ады Буду и др. 2) Хунно-китайский период: Каган-Каан-Хан-Хаан; Тыгын-Тэгин-Тегин; Тойон-Тойн; Хотун и др. 3) Телеуйгурская эра: Эркин; Арсан Дуолай-Арслан. 4) Древнетюркское время: Тонг; Тэрим. 5) «Век кыргызов» – «Кыргыс үйэтэ»: Дуулага; Тириг-Тирак-Тирэх. 6) Монгольский период: Нойон-Нойн, Дьяаһын; Симэхсин; Хохуун. 7) Урянхайский период: Үрүн Аар Тойон/Үрүн Айы Тойон [Там же].

В ходе нашего исследования проведена квантитативная обработка приемов перевода ИС в олонхо по частоте их использования. Классификация приемов перевода основывается

на труды основоположника советской теории перевода и переводчика А. Д. Швейцера [6], а также на научные разработки лингвистов-якутоведов Т. И. Петровой и А.А. Васильевой [19].

По нашим подсчетам из отобранного материала содержательная часть была переведена у 118 ИС олонхо. Для перевода на русский язык использованы следующие приемы: адекватная замена (59), эквивалентная замена (26), аналог (14), добавление (9), калькирование (5), опущение (3), транслитерация (1). Рассмотрим на примерах приемы перевода.

Адекватная замена

А. Д. Швейцер полагал, что адекватность связана с условиями протекания межъязыкового коммуникативного акта, т. е. определяет соответствие перевода как процесс данным коммуникативным условиям [6]. Адекватной заменой всего было переведено 56 ИС, из них мы отобрали следующие интересные варианты перевода:

– **Хатарча атах** Кытыграс Барааччы [7, с. 89] '*сухоногий скороход Кытыграс-Барааччи*' [8, с. 123]. Слово *хатарча* означает «хроническое заболевание, поражающее людей и животных, сопровождаемое истощением организма, сухотка» [7, 13 том, с. 10], но в данном случае слово используется в значении *хаппыт* «становиться сухим, засыхать, усыхать» [7, 13 том, с. 442]. Также наблюдается добавление слова *скороход*, который компенсирует и объясняет значение имени собственного данного персонажа. Так, имя *Кытыграс Барааччы* происходит от слова «кытыгырай» – проворный, скорый, быстрый, бойкий (напр. в беге), расторопный, ловкий, и означает «бойко идущий, быстро ходящий, шустрый ходок, скороход» [9, с. 1450]. Используется словосложение.

– **Бүдүрүйбэт** Мүлдү Бөбө [4, с. 108] '*Непобедимый Мюльдзю Бёгё*' [4, с. 74]. Отрицательная форма глагола *бүдүрүйбэт* происходит от инфинитива *бүдүрүй* «споткнуться; быть побежденным, отступать» [7, 2 том, с. 620-621], значит «неспотыкающийся, непобежденный, неотступающийся». И. В. Пухов отмечает, что это «постоянный эпитет героя, означающий его силу и непобедимость – не спотыкающийся от руки врага, не гибнущий, не знающий поражения» [10, с. 81].

– **Ынчыктыыр** мунг Сыналыкай тойон [4, с. 275] '*Стонуций Мунг Сыналыкай тойон*' [4, с. 189]. *Ынчыктыыр* = от слова *ынчыктаа* «тяжело дышать, издавая протяжные звуки, стонать, охать (от боли, страданий)». В олонхо «Непобедимый Мюльдзю Бёгё», переведенного Е. С. Сидоровым, в комментариях дается характеристика имени персонажа: мунг – муки, несчастье; сыналый – стенать [4, с. 317]. Значит, характер персонажа кроется в самом имени, и, мы считаем, что содержательная часть ИС, представленная, как *ынчыктыыр*, подтверждает это.

– **Өлбөт Бэргэн** [11, с. 135] '*Ёльбёт-Бэргэн (Бессмертный Витязь)*' [12, с. 111]. *Өлбөт* «бессмертный, нетленный; бессмертие» [10, с. 1928]. По Э. К. Пекарскому *бэргэн* означает «меткий, искусный, кто умеет хорошо стрелять или бросать, хороший стрелок; молодец, удалец, витязь», также отмечает, что употребляется «как приставка к именам разных былинных и сказочных героев, а также духов» [9, с. 434]. О. К. Павлова отмечает, что данное слово является показателем черты характера богатыря, а также подтверждением того, что якутский богатырь является охотником [13, с. 93]. Необходимо отметить, что наряду с переводом в скобке, ИС имеет также транскрипцию.

– **Нарын Нургустай** [11, с. 180] '*Нарын Нюргустай (Отменно-нежная)*' [12, с. 143]. Необходимо отметить, что на данном примере переведено само ИС. В примечаниях Э. К. Пекарского пишется, что слово *нургустай/нургустан* означает «отборная», и употребляется в именах сказочных шаманок [9, с. 1738]. *Нарын* «нежный, изящный,

красивый» [7, 6 том, с. 14]. Тогда, дословно перевод ИС мог бы быть, как *Нежная-отборная*. А в данном случае переводчик передал имя *Нургустай* транскрипцией, а в скобках объяснил значение слова *нарын*. На наш взгляд, словом *отменно* он усилил выразительность.

– **Туналџаннаах ньуурдаах** Туйаарыма Куо [14, с. 42] ‘*С блистающе ясным лицом Прекрасная Туйаарыма Куо*’ [15, с. 30]. Словосочетание *туналџаннаах ньуурдаах* является «постоянным эпитетом, описывающим прекрасный облик женского персонажа в олонхо, в народном творчестве» [7, 7 том, с. 11–147]. Э. К. Пекарский замечает, что *туналџаннаах* происходит от слова *туналџан*, что означает «блеск», а *туналџаннаах ньуура* в переводе на русский язык звучит, как «ясный лик, блестящий облик (девушки)» [9, с. 2814]. Наряду с адекватностью, необходимо отметить добавление слова *прекрасная* в переводе на русский язык. На наш взгляд, данное слово обобщает всю содержательную часть ИС, т. е. показывает внешний вид персонажа.

– **Икки хос бастаах** Дуон Арбалын ойуун [1, с. 191–192] ‘*шаман двухголовый (икки хос бастах) Дон-Арбаллина (растрепан)*’ [2, с. 156]. Кроме адекватной замены содержательной части данной ИС написана его транскрипция в скобках. Такое явление больше всего встречается в переводе олонхо «Хан-Джаргыстай» (И. А. Худяков), которое является ранним изданием, сборник был опубликован в XIX веке.

Эквивалентная замена

Эквивалентная замена, т. е. «перевод, осуществляемый на уровне, необходимом и достаточном для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм переводного языка» [10, с. 41–42].

– **Көмүс тороосколоох** Күн Күбэйихсэ Хатын [1, с. 134] ‘*госпожа высокопочтенное (отличное) солнце (Кюнь Кюбэйихсэ) с серебряной тросткой*’ [2, с. 137]. *Торооско, торуоска* – «палка для опоры при ходьбе, трость» [7, 10 том, с. 487]. *Көмүс* «сделанный из благородного, драгоценного металла (золота, серебра), золотой или серебряный» [7, 4 том, с. 265–266]. Как видно, слово *көмүс* может означать и серебро, и золото. Однако есть определение, которое характеризует данное слово, как «желтый, цвет золота» [Там же]. Возможно, *көмүс* больше ассоциируется с золотом. Значит, перевод содержательной части данной ИС мог бы звучать <...> *с золотой тросткой*, а не серебряной.

– ИС с показателем родственной связи (в данном случае: сын, ребенок) переведены на русский язык эквивалентно к оригиналу. Стоит отметить перевод ИС родственников персонажа: **Баай Харахаан уола күүстээх киһи** Күн Эрилик [11, с. 168] ‘*Бай-Хараханова сын, Сильный-человек-Кюн-Эрилик*’ [12, с. 135]. ИС отца персонажа транскрибирована, также присутствует аффикс притяжательного местоимения (*чей сын? Бай-Хараханова*). Такое явление наблюдается и в следующих примерах: **Күүстээх киһи Күн Эрилик оҕото** Күлүктэй-бэргэн [11, с. 173] ‘*Сильного-человека-Кюн-Эрилика ребенок Кюлюктэй-Бэргэн*’ [12, с. 139]. *Чей* ребенок? Кюн-Эрилика. **Кыкыллаан ойуун уола бэрт киһи** Бэриэт-бэргэн [11, с. 168] ‘*Кыкыллана-шамана сын, Лучший-человек-Бэрэт-Бэргэн*’ [12, с. 136]. *Чей* сын? Кыкыллана-шамана.

– **Үллэр Этинг уола** Буура-Дохсун [11, с. 177] ‘*Грозного Грома сын, Бура Дохсун*’ [12, с. 142]. На данном примере ИС отца персонажа олонхо переведен на русский язык. Слово *үллэр* происходит от *үлүн* «становиться больше, увеличиваться» [7, 12 том, с. 437–438]. По имени можно догадаться, что это говорится о суровом, могучем персонаже. На наш взгляд, переводчик передал его ИС таким образом, чтобы сохранить благозвучие: *Грозный Гром*.

– **Сэргэх кулгаах** Сэлэгэдэй удабан [16, с. 208] '*Уши Чуткие, Сэлэгэдэй-шаманка*' [17, с. 220]. *Сэргэх* «чуткий, быстро и легко воспринимающий на слух» [7, 9 том, с. 592]. Перевод эквивалентен оригиналу. Согласованное определение *чуткие* стоит в постпозиции.

– **Кыры Түөс Кыптый Буут** Кыыра Чохчой Удабан [18, с. 93] '*Острая грудь, Бедро – ножницами – Шаманка Кыыра Чохчой*' [18, с. 363]. Содержательная часть данной ИС характеризует внешний вид персонажа. Можно понять, что это удаганка-абаасы, которая имеет «нестандартную» внешность. Перевод эквивалентен оригиналу, приведем значения каждого слова: *кыры* «острая сторона предмета» [7, 5 том, с. 347-348], *түөс* «грудь, грудная кость, грудина» [7, 11 том, с. 272], *кыптый* «ножницы» [7, 5 том, с. 287], *буут* «бедро, ляжка (человека)» [7, 2 том, с. 606].

Аналог

В переводе аналогом является слово или выражение, довольно близкое к значению слова в оригинале [19, с. 13]:

– **Ойобос батыйалаах** *Ойо тулаайах* [20, с. 192] '*Ого Боотур С мечом на боку*' [21, с. 175]. *Батыйа* – «короткая пальма: старинное холодное оружие с короткой рукояткой, с клинком длиной в полтора пяди» [7, 2 том, с. 273]. А *меч* – это «холодное оружие с обоюдоострым длинным прямым клинком» [22]. «Батыйа» и меч различаются по размеру: если у «батыйа» более короткое лезвие, то у меча оно длинное. Э. К. Пекарский в Словаре якутского языка объясняет, что батыйа ввиду своего размера, висело на ремешке и служило запасным оружием, которого применяли на войне [9, с. 409]. Поэтому переводчик в данном случае заменил слово на его аналог, однако, мы считаем, что такая замена не обязательна, так как слово *меч* не раскрывает полностью культуру якутов.

– **Мүлдүрүйбэт ыйаахтаах** Мүлдүн Бөбө [14, с. 86] '*Могучий Мюльдюн Бёгё*' [15, с. 71]. *Мүлдүрүй* от *мүлдү* «сбиваться, соскальзывать» [9, с. 161]. *Ыйаах* «по представлениям якутов: рок, судьба, предопределенные божеством Дьылба Тойон Хааном, живущим в верхнем ярусе неба и распоряжающимся судьбами людей» [7, 14 том, с. 365]. **Мүлдүрүйбэт ыйаахтаах Мүлдү Бөбө** – в прямом смысле – богатырь, который предначертан не сбиваться на своем пути, т. е., возможно, он могучий, храбрый, сильный.

– **Идэмэрдээх** Илбис Хотун [23, с. 160] '*коварная Илбис Хотун*' [23, с. 161]. Имя с показателем характера персонажа, словом *идэмэрдээх* характеризуют жадного, алчного человека [7, 3 том, с. 561]. В переводе на русский язык заменен аналогом. Имя прилагательное *коварная* в более широком понимании передает значение слова в оригинале.

– **Ытык** Нуоралдьын [24, с. 130] '*славная Нуоралджын*' [24, с. 244]. *Ытык* «глубоко почитаемый, ценимый, уважаемый (о человеке)» [7, 14 том, с. 557-558]. Содержательная часть в русском языке заменена аналогом, поскольку, возможно, данного персонажа все уважают, знают о ней, т. е. она славится народу. Если на первом примере имя героини переведено как *славная*, то во втором передано следующим образом: **Ытык** Нуоралдьын удабан [24, с. 141] '*Обожжаемая Нуоралджын-шаманка*' [24, с. 254]. Примеры взяты из одного олонхо, но в переводе на русский язык ИС упоминается по-разному.

– **Хамыйахчыт** Хаадьанныыр оҕонньор [16, с. 48] '*лучший мастер ложек, Хаадьанныыр, известный людям старец*' [17, с. 53]. *Хамыйахчыт* происходит от слова *хамыйах*, которым якуты называют деревянный черпак, половник [7, 13 том, с. 280], аналог ложки. При прибавлении аффикса *-чыт* образуется слово, которое обозначает вид деятельности, т. е. *мастер ложек*. Также, на примере наблюдается добавление слова *лучший*.

– **Кытыйаһыт** Кыадьанныыр оҕонньор [16, с. 48] '*Искусный старик Кыадьанныыр, Известный мастер по чашам деревянным*' [17, с. 53]. *Кытыйа* – «деревянная долбленая

чаша средней величины» [7, 5 том, с. 402]. Поскольку *кытыйа* является якутской национальной посудой, относится к реалиям. Поэтому необходимо объяснение, описание как в данном примере: *чаша деревянная*.

Калькирование

Калькированием называют прием перевода, который заимствует слово или словосочетание путем буквального перевода [19, с. 19].

– **Баран-баран баһын ситтэрбэт** Мангхалын Тойон [11, с. 115] '*идя-идя-головы-его-не-достигнешь Мангхалын-Тойон*' [12, с. 101]. **Кэлэн-кэлэн мунурун булларбат** Куйар Хотун [11, с. 115] '*идя-идя-конца-ее-не-найдешь* Куяр Хотун' [12, с. 101]. В данных ИС содержательная часть передана синтаксическим параллелизмом, поэтому, мы считаем, что для сохранения ритма и звучности перевели калькированием.

– **Эргэнэ хара тыа иччитэ** Эригир Хара Эрбэс ойуун [11, с. 120] '*крупного темного леса дух* – *Эригир Хара Эрбэс шаман*' [12, с. 104]. Мы отнесли перевод содержательной части данного ИС к калькированию, так как передано дословно, поскольку *эргэнэ* «темный, крупный лес» [7, 15 том, с. 297]; *хара* «черного цвета, черный» [7, 13 том, с. 334]; *тыа* «лес» [7, 11 том, с. 328]; *иччи* «духи-хозяева» [7, 3 том, с. 803]. На наш взгляд, согласованное определение, как правильно в русском языке, должно стоять в постпозиции и перевод мог бы звучать, как *дух леса крупного темного*.

– **Халырыктаах тэллэх** Хаскыйдаан Куо Ытык Эйэнэлик удабан [1, с. 159] '*Постели с Вихрем свистящая красавица, почтенная Эянэлик шаманка (халырыктах тялях хаскыйдан ко ытык Эянэлик удаган)*' [2, с. 145]. *Холорук* (халырык – возможно, диалект) «порывистое круговое движение ветра, вихрь» [7, 13 том, с. 544]. Данный пример мы также относим к калькированию, поскольку перевод затрудняет восприятие ИС, возможно, за счет неправильного склонения слова по падежу. Можно изменить на *с постелью вихревой*.

– **Кыптыйый сарын кытаҕас тарбах** Кыыс Кысыйдаан Куо Ытык Чөкчөйдөөн удабан [1, с. 156] '*шаманка (удаган) по имени «Ножницы-Плечи (Кыбтыйый-сарын) Клещи-Пальцы, (Китаҕас тарбах) девка свистящая красавица (кыс кысыйдан ко), почтенная на корточках» (ытык чөкчөйдөөн)*' [2, с. 144]. Перевод содержательной части данной ИС – калькирование. Слова не связаны друг с другом. На наш взгляд, можно было бы использовать сравнение: *с плечами, как ножницы, с пальцами, как клещи* <...>.

Транслитерация

Данный прием перевода основан на передаче графического образа иностранного слова, т. е. на передаче букв [19, с. 38]:

– **Кытыйаһыт** Кыкаанай уус [3, с. 37] '*Мастер кытыйа По имени Кыкаанай*' [3, с. 212]. Так как *кытыйа* – это реалья, является якутским национальным сосудом, а именно *деревянной чашей* [7, 5 том, с. 402], в переводе на русский язык необходимо дать комментарий или описание слова, а в данном примере транслитерировано.

Опущение

Противоположно приему перевода добавление, используется для устранения тавтологии, также ему подвергаются слова, являющиеся семантически избыточными, т. е. выражающие значение, которое может быть извлечено из текста без их помощи [19, с. 25]:

– **Кыра** Бырдыал Тойон [1, с. 21] '*белобородый господин*' [2, с. 97]; **Быыра** Бырдыал Хатын [1, с. 21] '*беловолосая госпожа*' [2, с. 97]. Словом *бырдыал*, возможно, имели в виду *бырдыа*, что значит «седая окладистая борода» [7, 2 том, с. 741–742]. В обоих примерах наблюдается опущение слов *кыра* и *быыра*. *Быыра* «борода, похожая на хвост ласточки» [7, 2 том, с. 809].

– **Кунньалык Куйаар** кугас ат [17, с. 8] '*Вихревой Рыжий конь*' [17, с. 286]. Слово *кунньалык* имеет определение «колчан» [7, 4 том, с. 480]. В переводе на русский язык данное значение опущено. А слово *куйаар*, что значит «бескрайняя даль, необъятный простор», «длинный, бесконечный» [7, 4 том, с. 435-436], передано как *вихревой*. На наш взгляд, подобное опущение лексемы должно быть компенсировано в смысловом аспекте. Совокупность лексем в переводе колчан+простор образовали другое уместное в контексте слово *вихрь*, в результате которого получили определение-эпитет, выражающий динамику, быстроту богатырского коня.

Добавление

Добавление используется для пояснения слов, также необходимо, «когда, то или иное смысловое содержание в тексте подлинника передается иными средствами, к которым нельзя прибегнуть в исходном языке» [19, с. 16]. Рассмотрим следующие примеры:

– **Улуутуйар** Улуу тойон [25, с. 86] '*возвеличиваемый и грозный Улуу тойон*' [25, с. 87]. *Улуутуйар* происходит от слова *улуутуй*, что значит вести себя величаво, величественно [7, 12 том, с. 139]. На примере перевод на русский язык заменен аналогом *возвеличиваемый*. Кроме того, добавлено слово *грозный*, который, на наш взгляд, описывает характер персонажа, поскольку он является владыкой племени Нижнего мира, является врагом жителей Срединного мира [25, с. 401].

– **Күөх халлаан уола** Күөкэ Дьааһын [1, с. 167] '*сын синеего голубого неба Кёкя-Джасын*' [2, с. 148]. Мы считаем, что в данном примере переводчик для усиления художественной выразительности переводит небо двумя синонимами.

– **Сээркээн Сэһэн** оҕонньор [1, с. 20] '*Старец-ведун Сээркээн Сэсэн*' [2, с. 15]. Данный персонаж «мудрый, всезнающий старик, обладающий талантом красноречивого рассказчика (букв. красноречивый говорун)» [7, 9 том, с. 607]. Добавлено слово *ведун*, который объясняет значение ИС на русский язык.

– **Ап-Баадайдаан** эмээхсин [14, с. 347] '*колдунья Ап Баадайдаан*' [15, с. 271]. Ап-Баадайдаан – это имя жителя Нижнего мира [15, с. 428]. Добавление слова *колдунья* можно объяснить тем, что, возможно, это происходит от *ап*, что значит «колдовство, чародейство, волшебство» [7, 1 том, с. 503].

– **Көөкөлөөн Уус** [23, с. 160] '*раздущик мехов Кёёкёлёён*' [23, с. 161]. В примечаниях пишется, что во многих олонхо данного персонажа зовут Кюертээни (Күөртээни), происходящее от слова *күөрт* «мех» [23, с. 315]. А имя *Көөкөлөөн* – от слова *көөкөй*, что означает «что-нибудь равномерно и непрерывно делать». Также отмечается, что имя *Көөкөлөөн Уус* может быть «произведено самим олонхосutom по созвучию со словом *күөрт* «кузнечный мех» [Там же]. Поэтому к значению ИС добавлено «объясняющее» словосочетание *раздущик мехов*.

– **Кырбыыкаан Уус** [23, с. 160] '*молотобоец Кырбыыкаан Уус*' [23, с. 161]. *Кырбыыкаан* от *кырбаа* «бей, разруби на части» [23, с. 316]. Значит, это мастер/кузнец, который бьет что-л., следовательно, он работает молотом. Так, в переводе на русский язык слово *молотобоец* добавили, в зависимости от значения имени персонажа.

Отметим, что есть примеры, в которых значение содержательной части передано на русский язык иначе:

– **Анаарыйар** Аан Уххан Тойон оҕонньор [8, с. 76] '*Величавый Аан-Уххан, Господин дедушка*' [8, с. 21]. По Большому толковому словарю якутского языка, слово *анаарый* означает «иметь вялый, сонный вид; еще не совсем отошел от сна» [7, 1 том, с. 492-493]. Поэтому данное слово не может характеризовать героя величавым. Противоположное явление рассматривается на следующем примере: *Абыс иилтээх-сабалаах Аан иньэ дайдым*

аналлаах иччитэ, Алтан тороосколоох **Адьяарыхса** Тойон [1, с. 134] '*Дух восьмигранной вселенной с медной тросткой господин Дремлющий (Ангарыхса)*' [2, с. 137]. Слово *адьяарый* означает «широко раскрывая рот, громко раскатисто смеяться, рассказывать» [7, 1 том, с. 293], как мы упомянули, *анаарый* – «иметь вялый, сонный вид; еще не совсем отошел от сна» [7, 1 том, с. 492-493]. О. К. Павлова и С. К. Яковлева в своей научной статье пишут, что «духа-хозяина называли не *Адьяарыхса*, а *Анаарыхса Тойон*» [13, с. 228]. Они ссылаются на словарь Э. К. Пекарского, в котором пишется «Анаарыхса (тойон) [от анаарый] имя духа матери-земли (вселенной)» [9, с. 119]. Так, в данном случае имя персонажа в оригинале олонхо было искажено, поэтому переводчик исправил в своем тексте.

– **Үлүгэрдээх** Тумара Дьалкыар хатын [4, с. 318] '*Бедовая Тумара Джалкыыр хатын*' [4, с. 217] (Бүдүрүйбэт Мүлдү Бөбө / Непобедимый Мюльдзю Бёгё). Слово *үлүгэрдээх* означает «чудовищный, ужасный; вверх положенного, предусмотренного, более нормы» [7, 12 том, с. 434]. По словарю Ожегова, *бедовый* – «(разг.) шустрый, смелый» [22]. На наш взгляд, данное слово полностью не передает значение слова *үлүгэрдээх* на русский язык, также его используют в разговорном стиле, поэтому, можно сказать, что по стилю тоже не подходит.

– **Туналыяр** туус маѡан Туналы Дьоруо [14, с. 375] '*Стройный конь Туналы*' [15, с. 294]. В большом толковом словаре якутского языка *туналый* означает «быть, казаться ослепительно белым, выделяться ярко-белым цветом» [7, 11 том, с. 115]. Следовательно, эпитет данного ИС в переводе на русский язык буквально мог бы звучать, как *белый конь Туналы*. Возможно, переводчик перевел таким образом, следуя тому, что кони стройные.

– **Эрэйдээх-Буруйдаах-Эр-Соѡотох** [11, с. 178] '*Эрейдэх-Буруйдаах-Эр-Соѡотох (Мученный-Казненный-Муж-Одинокий)*' [12, с. 142]. Эр Соѡотох является распространенным персонажем в олонхо, поэтому существуют различные варианты перевода на русский язык. Один из них представлен в данном примере. Парным прилагательным *эрэйдээх-буруйдаах* определяют кого-л., у кого трудности, горе в жизни [7, 15 том, с. 345]. В скобках приведен перевод как *мученный-казненный*. На наш взгляд, в данном случае значение искажено, поскольку, несмотря на то, что он одинокий и несчастный, не может быть казненным, в содержательной части ИС об этом не упоминается.

– **Орулуур** Одун Буурай тойон [8, с. 86] '*Недосыгаемый Одун Буурай Тойон*' [8, с. 255]. *Орулуур* от слова *орулаа* означает «хрипло реветь, мычать; кричать (от боли или ужаса)» [7, 7 том, с. 342]. На наш взгляд, значение искажено, возможно, дословно перевод мог бы звучать, как «громкоголосый Одун Буурай Тойон».

– **Чымарыттар** Дьылѡа Хаан Тойон [23, с. 230] '*грозный Джылга Хаан Тойона*' [23, с. 231]. Если слово *чымарыттар* происходит от *чымарый*, что значит «испугаться, устраситься кого-чего-л. (с чувством отвращения)» [7, 14 том, с. 260], то характер персонажа противоположен к его переводу. Значит, значение содержательной части в переводе на русский язык также искажено.

– **Чынгырыр** Дьылѡа Хаан [8, с. 86] '*Неумолимый Джылга Хаан*' [8, с. 255]. *Чынгыраа* является звукоподражательным словом, означает «испускать каким-либо своим действием множество коротких звуков, греметь металлическим звоном; затвердевать» [9, с. 3720]. От происхождения слова можно отметить, что содержательная часть характеризует голос персонажа или то, как он говорит, а слово *неумолимый* не эквивалентно значению слова оригинала.

Также мы выявили, что содержательную часть ИС переводят не все. Есть транслитерированные и транскрибированные варианты перевода: **Уордаах** Дьөһөгөй [18,

с. 42] '**Уордаах** Дьёсёгэй' [18, с. 317]; **Хаардыыр** Мохсоёл [8, с. 86] '**Хаардыыр** Мохсоёл' [8, с. 256]; **Баай Барыылаах** Байанай [11, с. 120] '**Бай Барылах** Баянай' [12, с. 104]; **Алтахтыр** Даадар [11, с. 135] '**Алтахтыр** Дадар' [12, с. 113]; **Алып-Хара** Аат Моёйдоон [14, с. 50] '**Алып Хара** Аат Могойдоон' [15, с. 38]; **Дьэс Хотообо** Дьээгэ Бааба [24, с. 97] '**Дьэс Хотообо** Дьээгэ Бааба' [24, с. 166]; **Оһол Уола** Обот Мэнэгэй Уот Солуонньай [23, с. 208] '**Осол Уола** Обот Мэнэгэй Уот Солуонньай' [23, с. 209]; **Айаатыр** Ала Ньургун Тойон [18, с. 278] '**Айаатыр** Ала Ньургун Тойон' [18, с. 478].

Кроме того, есть примеры, где содержательная часть транскрибирована, и при этом в скобках дан его перевод: **Улусханнаах** Улуу Тойон [1, с. 162] '**Улусханнаах** Улу-тоён (стремительный почтенный господин)' [2, с. 11]; **Баай** Харахаан-тойон [1, с. 113] '**Бай** (Богатый) Харахаан-Тойон' [2, с. 100]. **Эрэйдээх-буруйдаах** Эр Соботох [1, с. 192] '**Эрэйдях-Бурудых** Эр-Соготох (несчастный одинокий)' [2, с. 156]. Также необходимо отметить примеры, где объяснение значения слов имен собственных персонажей дано в комментариях: Эргэнэ хара тья иччитэ **Эригир** Хара Эрбэс ойуун [11, с. 120] 'крупного темного леса дух **Эригир*** Хара Эрбэс шаман*' [12, с. 104] *с большими белками глаз, *титuluется героем как лесной дух, хотя раньше был упомянут водяной; **Чаадай** эмээхсин [24, с. 101] '**Старуха чаадай**' [24, с. 217] *чаадай – хилый, низкорослый, карлик, сморчок – презрительное, оскорбление.

Заклучение

В переводе имен собственных на лексико-семантическом уровне превалирует адекватная и эквивалентная замена. Приемы перевода используются в сочетании с другим, например, адекватная замена + транскрипция, эквивалентная замена + транскрипция, описательный перевод + транскрипция, аналог + опущение, добавление + компенсация, транслитерация + добавление. Необходимо отметить, что в якутском эпосе олонхо одно имя собственное может переводиться по-разному, то есть, иметь два варианта перевода. Это наблюдается в олонхо Д. А. Томской «Үчүгэй Үөдүгүээн, Куһаҕан Ходьугур» на примере перевода ИС шаманки **Ытык** Нуоралдьын: *славная* Нуоралджын [24, с. 244]; *обожаемая* Нуоралджын-шаманка [24, с. 254].

При переводе содержательной части ИС транскрипция чаще всего встречается в олонхо «Хан-Джаргыстай», который был опубликован в XIX веке: **Икки хос бастаах** Дуон Арбалын ойуун [1, с. 191-192] '**шаман двухголовый (икки хос бастах)** Дон-Арбаллина (растрена)' [2, с. 156]; **Халырыктаах тэллэх** Хаскыйдаан Куо Ытык Эйэнглик удаҕан [1, с. 159] '**Постели с Вихрем** свистящая красавица, почтенная Эянгялик шаманка (*халырыктах тьялхас хаскыйдан ко ытык Эянгялик удаган*)' [2, с. 145]; **Кыптыый сарын кытаҕас тарбах** Кыыс Кысыйдаан Куо Ытык Чөкчөйдөөн удаҕан [1, с. 156] '**шаманка (удаган) по имени «Ножницы-Плечи (Кыбтыый-сарын) Клеици-Пальцы, (Китагас тарбах)** девка свистящая красавица (кыс кысыйдан ко), почтенная на корточках» (*ытык чөкчөйдөн*)' [2, с. 144]. Однако, если в данном олонхо содержательная часть имеет перевод, а транскрипция приводится в скобках, то в следующих олонхо наблюдается несколько примеров, где показатели ИС только транслитерированы или транскрибированы: «Шаманки Уолумар и Айгыр» (перевод С. В. Ястремского), «Строптивый Кулун Куллуустуур» (перевод А. А. Попова, И. В. Пухова), «Сын лошади богатырь Дыырай» (перевод Е. С. Сидорова), «Ньургун Боотур Стремительный» (перевод В. В. Державина), «Богатырка Кыыс Кылаабынай» (перевод А. Е. Шапошниковой), «Кыыс Дэбилийэ» (перевод Н. В. Емельянова, П. Е. Ефремова, С. П. Ойунской).

Замена аналогом содержательной части ИС связана с тем, что в именах олонхо часто встречаются реалии, поэтому для его передачи на русский язык происходят изменения.

То же самое мы можем сказать и о таких приемах, как добавление и описательный перевод. В данном случае переводчик обычно комментирует, объясняет значение слова. Калькирование наблюдается в ранних изданиях перевода олонхо: «Бессмертный Витязь», «Хан-Джаргыстай». Опускание можно объяснить стремлением переводчиков передать ИС на русский язык не слово в слово, а придерживаясь адекватности.

Проведенный анализ демонстрирует, что при переводе имен собственных персонажей олонхо на русский язык используются различные приемы, передающие смысловое значение. Калькирование, транскрипция, транслитерация в переводе встречаются мало. Многие значения содержательной части имен собственных сохранены и переданы точно. Несомненно, это важно для восприятия ИС русскоязычным читателем уникального эпического жанра устного повествования якутов – олонхо.

Литература

1. Хаан Дьаргыстай: олонхо. Дьокуускай: Алаас; 2016:230 (На якутском языке).
2. Худяков И.А. *Верхоянский сборник*. Иркутск [Батагай]: издан на средства И. М. Сибирякова; 1890 [2008]:207.
3. Тагров Н.Г. *Омуннаах-төлөннөөх Уол Эр Соботох=Неистовый Эр Соготох: олонхо*. Дьокуускай: Издательский дом СВФУ; 2012:367.
4. Говоров Д.М. *Мулдьу Бөбө=Непобедимый Мюльджю Бёгё: олонхо: в двух книгах*. 2010:318.
5. Никифоров В.М. *Стадии эпических коллизий в олонхо: Формы фольклор. книж. трансформации*. Новосибирск: Наука; 2002:208.
6. Швейцер А.Д. *Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты*. Москва; 1988.
7. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта. Новосибирск: Наука; 2004.
8. Бурнашев И.И. *Сылгы уола Дыырай бухатыыр: олонхо=Сын лошади богатырь Дыырай: олонхо*. Якутск: Издательский дом СВФУ; 2013:371 (На якутском языке).
9. Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*. В 3 томах, 2-е изд. Ленинград: Изд-во АН СССР; 1958-1959.
10. Пухов И.В. *Якутский героический эпос олонхо: основные образы*. Москва: Изд-во АН СССР; 1962:255.
11. Образцы народной литературы якутов: в 5 выпусках. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1907. Выпуск 2. 1908:81-194.
12. Ястремский С.В. *Образцы народной литературы якутов*. Ленинград: Издательство Академии Наук СССР; 1929:226.
13. Павлова О.К., Яковлева С.К. Образы духов-хозяев – иччи в якутском героическом эпосе (на примере северо-Восточной традиции якутов). *Сохранение и популяризация нематериального этнокультурного наследия: традиции и современность*: Сборник материалов Международного научного симпозиума, в рамках IV Международного фестиваля «Встреча шедевров ЮНЕСКО на земле Олонхо», Якутск, 20–22 июня 2022 года. Якутск: Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова; 2022:225-230.
14. Ойуунускай П.А. *Дьулуруйар Ньургун Боотур: олонхо*. Дьокуускай: Саха полиграфическое издательство; 2003:544 (На якутском языке).
15. Ойунский П.А. *Ньургун Боотур Стремительный: якутский героический эпос олонхо*. Якутск: Якутское книжное издательство; 1975:429.
16. Урастыырап Күннүк. *Тойон Дьабырыма: олонхо*. Якутскай: Саха сиринээби кинигэ издательствота; 1959:328 (На якутском языке).
17. Урастыров Кюннюк. *Могучий Дьагарыма: Якутский героический эпос олонхо*. Якутск: Книжное издательство; 1983:407.
18. Тимофеев-Теплоухов И.Г. *Строптивый Кулун Кулустуур=Куруубай Хааннаах Кулун Кулустуур: якутское олонхо*. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы; 1985:605.
19. Васильева А.А., Васильева С.А. *Тылбаас үөрэҕин сахалыы тиэрминэ: устудьуонна көмө кинигэ=Термины переводоведения на якутском языке: в помощь студенту*. Якутск: Издатель Н.Э. Игнатьева; 2024:96.

20. Оготоев П.В. *Элэс Боотур*: олонхо. Якутск; 2002:225 (На якутском языке)
21. Оготоев П.В. *Элэс Боотур*: якутский героический эпос олонхо. Якутск; 2002:196.
22. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 13.09.2025).
23. Кыыс Дэбилийэ: якутский героический эпос. Новосибирск: Наука; 1993:326.
24. Томская Д.А. *Үчүгэй Үөдүгүйээн, Куһаҕан Ходьугур=Ючюгэй Юдюгюйээн, Кусаган Ходжугур*. Якутск: Издательство ИГиПИМНС СО РАН; 2011:374.
25. Оросин К.Г. *Нургун Боотур Стремительный=Дьулуруйар Ньургун Боотур*. Якутск: Государственное издательство ЯАССР; 1947:409.

References

1. Khaan Jargystai. Yakutsk: Alaas Publ.; 2016:230 (in Yakut).
2. Khudyakov IA. *Verkhoyansk collection*. Irkutsk; 1890:207 (in Russian).
3. Tagrov NG. *Furious Er Sogotokh*. Yakutsk: NEFU Publ. House; 2012:367 (in Yakut and Russian).
4. Govorov DM. *Invincible Mulju Bege*. Yakutsk: Bichik Publ; 2010:318 (in Yakut and Russian).
5. Nikiforov VM. *Stages of Epic Collisions in Olonkho: Forms of Folklore Book Transformation*, Novosibirsk: Nauka; 2002:208 (in Russian).
6. Schweitzer AD. *Translation Theory: Status, Problems, and Aspects*. Moscow; 1988 (in Russian).
7. Sleptcov PA. (ed.), *Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaah ulakhan tyldyta: in 15 volumes*. Novosibirsk: Nauka; 2004 (in Yakut and Russian).
8. Burnashev II. *Son of a Horse Dyrrai Warrior*. Yakutsk: NEFU Publ. House; 2013:371 (in Yakut and Russian).
9. Pekarsky EK. *Dictionary of the Yakut Language*. 1958-1959 (in Yakut and Russian).
10. Pukhov IV. *Yakut Heroic Epic Olonkho: Main Images*. Moscow: Publ. House of the AS USSR; 1962:255 (in Russian).
11. Samples of Yakut folk literature. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Science Publ.; 1907-1908:81–194 (in Yakut).
12. Yastremsky SV. *Samples of folk literature of the Yakuts*. Leningrad: Publ. House of the AS USSR; 1929:226 (in Russian).
13. Pavlova OK, Yakovleva SK. Images of Spirit-Hosts in the Yakut Heroic Epic (Based on the North-Eastern Tradition of the Yakuts). In Anisimov RN (ed.). *International Scientific Symposium as part of the IV International Festival "Meeting of UNESCO Masterpieces on the Land of Olonkho"*. Yakutsk, Russia; 2022:225-230 (in Russian).
14. Oyunsky PA. *Nurgun Botur the Swift*. Yakutsk: Yakut Printing Publ.; 2003:544 (in Yakut).
15. Oyunsky PA. *Nurgun Botur the Swift*. Yakutsk: Yakut Book Publ. House; 1975:429 (in Russian).
16. Urastyrov Kyunnyuk. *Mighty Jaghuryma*. Yakutsk: Publ. House; 1959:328 (in Yakut).
17. Urastyrov Kyunnyuk. *Mighty Jaghuryma*, Yakutsk: Publ. House; 1983:407 (in Russian).
18. Timofeev-Teploukhov IG. *Shrew Kulun Kullustuur*. Moscow: Main edition of Eastern Literature Publ.; 1985:605 (in Yakut and Russian).
19. Vasilieva AA, Vasilieva SA. *Translation studies terms in the Yakut language*. Yakutsk: Ignatieva NE. Publ.; 2024:96 (in Yakut and Russian).
20. Ogotoev PV. *Eles Botur*. Yakutsk; 2002:225 (in Yakut).
21. Ogotoev PV. *Eles Botur*. Yakutsk: Foundation for the Preservation, Study and Propaganda of the epic «Olonkho»; 2002:196 (in Russian).
22. Ozhegov's Explanatory Dictionary. Available at: <https://slovarozhegova.ru/> (accessed 10 September 2025).
23. Kyys Debiliie. Novosibirsk: Nauka; 1993:326 (in Yakut and Russian).
24. Tomskaya DA. *Good Yudyugyuien, Bad Khodzhugur*. Yakutsk: IHRISN SB RAS Publ.; 2011:374 (in Yakut and Russian).
25. Orosin KG. *Nurgun Botur the Swift*. Yakutsk: Publ. House of the YaASSR; 1947:409 (in Yakut and Russian).

Об авторах

ЕФРЕМОВА Надежда Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Стилистика якутского языка и русско-якутского перевода» Института языков и культуры

народов Северо-Востока РФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», ORCID: 0000-0002-0734-5808, ResearcherID Web of Science HКО-8596-2023, SPIN: 8959-2734, e-mail: enadin1979@mail.ru

СЕМЕНОВА Светлана Владимировна – магистрант кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», ORCID: 0009-0001-5663-2096, e-mail: sivetocheck06@mail.ru

About the authors

Nadezhda A. EFREMOVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation Department, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: 0000-0002-0734-5808, ResearcherID Web of Science HКО-8596-2023, SPIN: 8959-2734, e-mail: enadin1979@mail.ru

Svetlana V. SEMENOVA – Master's student, Yakut Translation Department, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: 0009-0001-5663-2096, e-mail: sivetocheck06@mail.ru

Вклад авторов

Ефремова Н.А. – руководство исследованием, разработка концепции, методология, администрирование данных, редактирование рукописи.

Семенова С.В. – разработка концепции, проведение исследования, проведение статистического анализа, создание черновика рукописи, визуализация.

Authors' contribution

Nadezhda A. Efremova – supervision, conceptualization, methodology, data curation, writing – review & editing.

Svetlana V. Semenova – conceptualization, investigation, formal analysis, writing – original draft, visualization.

Конфликт интересов

Автор(ы) заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interest

The authors declare no relevant conflict of interests.

Поступила в редакцию / Submitted 05.09.2025

Принята к публикации / Accepted 27.05.2025

УДК 811.512.133

<https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-3-53-60>*Оригинальная научная статья***Фразеологизмы как отражение культуры и менталитета народа****О. К. Озодова**

Ургенчский государственный педагогический институт, г. Ургенч, Республика Узбекистан

✉ Ozodovaoyshajon787@mail.ru**Аннотация**

Статья посвящена исследованию роли фразеологизмов в отражении культуры и менталитета народа. В ходе исследования были проанализированы лингвистические, культурологические и когнитивные аспекты фразеологических единиц. Сравнивались русские и узбекские выражения, выявлены их семантические, прагматические и культурные особенности. Результаты показывают, что фразеологизмы являются не только средством языковой выразительности, но и отражением исторического опыта, моральных ценностей и национального менталитета. На примерах продемонстрировано, как архаические значения сочетаются с современными метафорическими смыслами и как фразеологизмы связаны с культурой и менталитетом. Сравнительный метод позволил определить универсальные и национальные особенности, а также подчеркнул значимость использования фразеологизмов в лингводидактике и переводческой практике. Исследование способствует глубокому пониманию связи языка, культуры и менталитета народа.

Ключевые слова: фразеологизм, язык, культура, менталитет, сравнительный анализ, семантика, прагматика, метафора, архаическое значение, народные ценности, лингводидактика, перевод, коллективное сознание, образное мышление, национальная идентичность.

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Озодова О.К. Фразеологизмы как отражение культуры и менталитета народа.

Алтаистика. Altaistics. 2025, № 3 (18), С. 53-60. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-3-53-60>

*Original article***Phraseological units as a reflection of the culture and mentality of the people****Oyshajon K. Ozodova**

Urgench State Pedagogical Institute, Urgench, Republic of Uzbekistan

✉ Ozodovaoyshajon787@mail.ru**Abstract**

This article explores the role of phraseological units in reflecting the culture and mentality of an ethnic group. The study analyzes linguistic, cultural, and cognitive aspects of phraseological expressions. Russian and Uzbek phraseological units were compared, revealing their semantic, pragmatic, and cultural characteristics. The results show that phraseological units are not only a means of linguistic expression but also reflect historical experience, moral values, and national mentality. The examples illustrate how archaic meanings coexist with modern metaphorical interpretations and how phraseological units are intertwined with culture and collective mentality. The comparative approach helped identify universal and national features, emphasizing the importance of phraseological units in language teaching and translation practice. This research contributes to a deeper understanding of the interrelation between language, culture, and the mentality of the people.

Keywords: Phraseology, language, culture, mentality, comparative analysis, semantics, pragmatics, metaphor, archaic meaning, folk values, language teaching, translation, collective consciousness, figurative thinking, national identity.

Funding. The study had not financial support.

For citation: Ozodova O.K. Phraseological units as a reflection of the culture and mentality of the people. *Altaistics*. 2025, No 3 (18), Pp. 53-60. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-3-53-60>

Введение

Фразеологизмы представляют собой уникальный пласт языка, который на протяжении веков отражает духовный мир, культурные ценности и национальные особенности народа. В отличие от отдельных слов, фразеологические единицы несут в себе не только номинативное значение, но и богатый культурный, исторический и эмоциональный подтекст. Именно поэтому они становятся ключом к пониманию менталитета нации, ее мировоззрения и способов восприятия окружающей действительности.

Актуальность исследования фразеологизмов определяется несколькими факторами. Во-первых, в условиях глобализации, когда происходит интенсивное взаимодействие культур, возрастает потребность в глубоком понимании национально-специфических элементов языка, среди которых фразеологизмы занимают особое место. Во-вторых, фразеологические единицы играют важную роль в формировании и сохранении национальной идентичности, так как именно они фиксируют в языке результаты коллективного опыта народа, его традиции, мифологию и бытовые реалии. В-третьих, исследование фразеологизмов позволяет расширить представления о когнитивной и культурной специфике различных этносов, выявить механизмы взаимосвязи языка и культуры [1].

Современная лингвистика активно обращается к проблемам межкультурной коммуникации и национально-культурной специфики языковых единиц. В этой связи фразеологизмы становятся объектом особого внимания исследователей, так как именно они в наибольшей степени отражают культурные архетипы, ценностные ориентации и ментальные модели народа. По словам В. фон Гумбольдта, язык является «внешним проявлением духа народа» [2], и в этом контексте фразеологический фонд выступает наиболее наглядной иллюстрацией данной идеи.

Менталитет народа выражается в языке через устойчивые метафоры, символы и образы, которые закреплены во фразеологизмах. Например, в русском языке выражение «работать спустя рукава» отражает отношение к труду через образ конкретного действия, символизирующего небрежность и халатность. В английском языке аналогичную функцию выполняет идиома *to cut corners* («срезать углы»), что указывает на универсальность некоторых ментальных моделей, но вместе с тем подчеркивает культурные различия в выборе образа. Таким образом, исследование фразеологизмов не только раскрывает специфику национального сознания, но и демонстрирует сходства и различия культур на мировом уровне.

Цель данного исследования заключается в комплексном анализе фразеологизмов как отражения культуры и менталитета народа. Задачи исследования включают:

- 1) рассмотрение теоретических подходов к пониманию фразеологизмов и их роли в языке;
- 2) анализ культурно-национальной специфики фразеологических единиц;
- 3) выявление особенностей менталитета, зафиксированных во фразеологическом фонде;
- 4) сравнительный анализ русских и других национальных фразеологизмов;
- 5) определение значения фразеологизмов в формировании национальной идентичности.

Научная новизна работы заключается в том, что фразеологизмы рассматриваются не только как лингвистический феномен, но и как культурно-когнитивный инструмент, позволяющий глубже понять национальное сознание. В отличие от традиционного

структурного или семантического анализа, исследование проводится в междисциплинарном ключе, что предполагает использование данных этнолингвистики, культурологии, когнитивной лингвистики и психоллингвистики.

Методологическую основу исследования составляют работы отечественных и зарубежных ученых, в числе которых труды В. В. Виноградова [3], Н. М. Шанского [4], А. И. Молоткова, Ч. Балли, а также современные исследования в области когнитивной лингвистики (Дж. Лакофф, М. Джонсон и др. [5]). Особое внимание уделяется лингвокультурологическому подходу, позволяющему рассматривать фразеологизмы как носители культурной памяти и национальной картины мира.

Фразеологизмы – это своеобразное зеркало коллективного опыта народа. Они формируются на основе исторических событий, традиций, мифов, религиозных представлений и бытовых реалий, которые в совокупности составляют культурную память этноса. В каждом устойчивом выражении можно увидеть фрагмент национальной картины мира, специфический способ осмысления действительности, характерный именно для данной общности. Поэтому изучение фразеологизмов выходит далеко за рамки чисто лингвистического анализа и становится предметом междисциплинарного исследования.

Особое значение фразеологизмы приобретают в том случае, когда речь идет о сохранении культурного наследия. Многие из них уходят корнями в древние ритуалы, обычаи, формы хозяйственной деятельности и религиозные верования. Например, в русском языке выражения «бить баклуши» или «дело в шляпе» восходят к конкретным историческим реалиям, которые в современном сознании утратили прямую связь с повседневной жизнью, но продолжают функционировать в языке как символические знаки. Тем самым фразеологизмы обеспечивают преемственность поколений, позволяя современному человеку приобщаться к духовному опыту предков.

В то же время фразеологический фонд языка является динамичной системой. Одни выражения устаревают и выходят из употребления, другие, напротив, возникают в результате социальных изменений, развития науки и техники, появления новых форм коммуникации. Так, в последние десятилетия в русском языке фиксируются новые устойчивые сочетания, связанные с информационными технологиями и интернет-пространством, например: «уйти в офлайн», «быть не в сети», «постить новости». Эти выражения отражают уже современный менталитет, где важное место занимает цифровая культура и виртуальное взаимодействие.

Исследование фразеологизмов важно и для понимания механизмов межкультурного общения. При переводе устойчивых выражений часто возникает проблема адекватной передачи национально-культурного компонента. Прямой перевод нередко оказывается невозможным, так как образная основа выражения специфична для одного народа и не имеет аналогов в другом языке. В таких случаях переводчику приходится искать функциональный эквивалент, который будет понятен носителю другой культуры, сохраняя при этом прагматический эффект высказывания. Этот аспект делает фразеологию особенно значимой для теории и практики перевода, а также для лингводидактики и межкультурной коммуникации.

Менталитет народа находит выражение во фразеологизмах через систему ценностей, представлений о добре и зле, красоте и уродстве, счастье и несчастье. Например, многочисленные русские фразеологизмы, связанные с хлебом («хлеб всему голова», «без хлеба куса – и везде тоска»), отражают особое значение этого продукта в традиционной культуре, где хлеб символизировал жизнь, достаток и гостеприимство. В английском языке аналогичную функцию выполняет образ «butter» или «meat», а в восточных культурах

– рис. Сопоставление подобных выражений позволяет выявить сходства и различия в национальных картинах мира, проследить универсальные и уникальные элементы в восприятии действительности.

Таким образом, обращение к фразеологии открывает новые горизонты в понимании языка как феномена культуры. Фразеологизмы позволяют не только глубже познать духовный мир народа, но и увидеть в нем специфические черты национального характера, особенности мировосприятия и ценностные ориентиры. Именно поэтому их исследование остается актуальным как для современной лингвистики, так и для смежных гуманитарных дисциплин.

Одним из ключевых вопросов современного языкознания является изучение соотношения языка и культуры. Уже в трудах В. фон Гумбольдта подчеркивалось, что язык есть не только средство коммуникации, но и способ формирования и выражения национального духа [2]. В дальнейшем эта мысль получила развитие в работах представителей этнолингвистики, культурологии и когнитивной лингвистики. Исследователи отмечают, что фразеологический фонд языка представляет собой «культурный код», позволяющий реконструировать мировоззрение народа [6, 7, 8].

Фразеологизмы как особый слой лексики тесно связаны с народной мудростью и фольклором. Многие устойчивые выражения возникли на основе пословиц и поговорок, мифологических сюжетов и религиозных текстов. Например, русское выражение «семь пятниц на неделе» восходит к средневековым представлениям о переменчивости и ненадежности человека, тогда как английское *a rolling stone gathers no moss* имеет иную образную основу, но выражает близкий по смыслу взгляд на непостоянство [4]. Сравнение подобных фразеологических единиц позволяет проследить, как разные культуры с помощью различных образов фиксируют одни и те же универсальные концепты.

Современные ученые указывают, что в условиях глобализации и межкультурного диалога значение фразеологизмов возрастает. С одной стороны, они выполняют функцию сохранения национальной идентичности, так как закрепляют в языке уникальные культурные реалии. С другой стороны, они служат инструментом межкультурного общения, так как именно через них возможно глубокое понимание ментальных установок и ценностей другой культуры.

Следует подчеркнуть, что фразеологизмы обладают не только языковой, но и когнитивной функцией. Они отражают типичные способы категоризации опыта, присущие данному этносу. Так, исследования Дж. Лакоффа и М. Джонсона показали, что метафоры, лежащие в основе многих идиом, напрямую связаны с когнитивными схемами, определяющими восприятие мира человеком [5]. Это означает, что фразеологические выражения фиксируют не просто образы, но целые концептуальные структуры, характерные для национального сознания.

Фразеологизмы выполняют функцию культурных маркеров, позволяя определить принадлежность человека к определённой языковой общности. Когда носитель языка употребляет устойчивые выражения, он тем самым актуализирует культурные коды, которые понятны и близки его соотечественникам. Именно поэтому фразеологизмы играют ключевую роль в формировании национальной идентичности.

Не менее важным является и воспитательный аспект фразеологических единиц. Через них закрепляются представления о морали, социальной справедливости, труде, дружбе и любви. Например, в русском языке выражения «что посеешь, то и пожнёшь» или «без труда не вытащишь и рыбку из пруда» служат носителями коллективного опыта, где труд рассматривается как главная жизненная ценность. В восточных культурах аналогичную

функцию выполняют пословицы и устойчивые выражения, связанные с земледелием, природными циклами и гармонией с окружающим миром.

Исторический аспект фразеологии также заслуживает особого внимания. Многие выражения формировались в конкретных культурных и политических условиях, что делает их своеобразными свидетельствами эпохи. Так, выражение «стреляный воробей» уходит корнями в охотничью лексику, а «делить шкуру неубитого медведя» восходит к древним промыслам. Эти идиомы сегодня используются метафорически, но сохраняют в себе исторический след, позволяя реконструировать мировоззрение предков.

Особый интерес представляет сопоставительное изучение фразеологизмов разных народов. В одних случаях наблюдается совпадение образов, что свидетельствует о существовании универсальных человеческих ценностей. В других случаях выражения различаются по своей образной основе, что отражает специфику культурного опыта. Например, в русском языке устойчивое выражение «как в воду кануть» обозначает исчезновение без следа, тогда как в английском употребляется идиома *to vanish into thin air* – «раствориться в воздухе». Различие образов – вода и воздух – демонстрирует различие культурных кодов, связанных с природой и стихиями.

Таким образом, фразеологизмы представляют собой ценнейший материал для изучения взаимосвязи языка, культуры и менталитета. Они фиксируют в языке национальный опыт, отражают особенности восприятия мира и обеспечивают преемственность культурных традиций. В условиях современного мира, когда возрастает интерес к межкультурному взаимодействию, исследование фразеологии приобретает не только теоретическое, но и практическое значение.

Методология исследования

Методология настоящего исследования строится на основе междисциплинарного подхода, что позволяет рассматривать фразеологизмы как сложный феномен, соединяющий в себе языковую, культурную и когнитивную составляющие. Язык в данном контексте выступает не только средством коммуникации, но и хранилищем национальной памяти, культурных кодов и ценностных установок. Изучение устойчивых выражений невозможно ограничить только структурным или семантическим анализом; необходимо учитывать также культурный и ментальный фон, в котором они функционируют.

Общие методологические основы заключаются в принципах системности и комплексности. Системность позволяет рассматривать фразеологизмы как элементы единого лексико-семантического поля, связанного с национальной картиной мира. Комплексность предполагает использование разных исследовательских методов, среди которых этимологический, структурно-семантический и когнитивный. Такой подход дает возможность выявить не только значение выражений, но и их роль в формировании образов мышления.

Лингвистические методы анализа занимают особое место в исследовании. Этимологический метод применяется для раскрытия происхождения устойчивых выражений и понимания того, какие реалии прошлого закрепились в языке. Структурный анализ помогает классифицировать фразеологизмы по моделям и установить закономерности их построения. Семантический анализ направлен на выявление скрытых образов, метафорических оснований и ассоциативных связей.

Наряду с этим важен **культурологический и когнитивный подход**, позволяющий рассматривать фразеологизмы как носители коллективного опыта. Они отражают традиции, мифологию, этнические ценности и мировоззрение народа. Сравнение русских, узбекских и турецких пословиц показывает, что даже при совпадении образов они могут

иметь различную прагматику и интерпретацию. Такой анализ подтверждает идею о том, что язык формирует национальное сознание и одновременно является его отражением [9].

Основой работы стал *сравнительно-типологический метод*, применяемый для выявления сходств и различий между исследуемыми языками. Сопоставление позволяет определить универсальные культурные концепты, общие для разных этносов, а также уникальные элементы, характерные только для одной языковой среды. Благодаря этому становится возможным очертить границы универсального и национально-специфического в языке.

Не менее важен вопрос *источников и материалов исследования*. В качестве эмпирической базы были использованы сборники пословиц и поговорок, специализированные фразеологические словари, а также примеры из художественной литературы и современных медийных текстов. Такой широкий материал дает возможность учитывать, как традиционный пласт культуры, так и новые тенденции в языке.

Принципы отбора и интерпретации строились на репрезентативности и актуальности. В анализ включались только те фразеологизмы, которые сохраняют активное употребление и обладают значимым культурным потенциалом. Интерпретация выражений осуществлялась с учетом их контекста, что позволяет избежать искажений и выявить реальные функции в коммуникации.

Наконец, необходимо отметить *ограничения и перспективы применения методологии*. Несмотря на комплексность подхода, всегда существует риск субъективности при культурологической интерпретации. Тем не менее, междисциплинарное сочетание методов дает возможность минимизировать такие риски и получить максимально объективные результаты. В перспективе данная методология может быть расширена за счет привлечения цифровых корпусных технологий, анализа больших данных и автоматизированного семантического моделирования.

Таким образом, выбранная методологическая база обеспечивает надежный фундамент для исследования фразеологизмов, позволяя рассматривать их не только как языковые единицы, но и как отражение национального характера, исторической памяти и культурной идентичности.

Результаты

В ходе исследования было установлено, что фразеологизмы действительно отражают мировосприятие, культурные коды и исторический опыт народа. Анализ современного и классического языкового материала показал, что в структуре устойчивых выражений сохраняются архетипические образы, связанные с природой, бытом и национальными традициями. Например, образы животных и растений в пословицах и идиомах русской и узбекской культуры играют роль символов, закрепляющих ценности народа.

Особое внимание уделялось семантическим трансформациям: часть выражений сохраняет архаические значения, которые сегодня воспринимаются как метафорические, в то время как в историческом контексте они имели прямой смысл. Сравнение материала также показало различия в эмоциональной окраске: русские фразеологизмы чаще передают философское восприятие жизни, тогда как узбекские акцентируют внимание на социальной гармонии и коллективных ценностях [10].

При структурном анализе выявилось, что грамматическая организация фразеологизмов также несёт отпечаток менталитета. Многие выражения в обоих языках построены на принципах ритмической симметрии, что облегчает их запоминание и устную передачу. Тем самым подтверждается гипотеза о том, что фразеологизмы служат не только средством художественной выразительности, но и важным элементом культурной памяти.

Результаты исследования демонстрируют, что метод сравнительно-сопоставительного анализа позволяет глубже понять специфику национального мышления и объяснить сходства и различия в образной системе языков. Полученные данные могут использоваться в лингводидактике, межкультурной коммуникации и в практике перевода, где особенно важно учитывать культурные коннотации устойчивых выражений.

Обсуждение

Анализ полученных результатов позволяет утверждать, что фразеологизмы не являются случайными языковыми явлениями, а выступают важнейшими маркерами культурной идентичности народа. Их семантика тесно связана с образом жизни, мировоззрением и системой ценностей этноса. В этом плане они выполняют двойную функцию: отражают коллективное сознание и одновременно формируют его через язык.

Сопоставление русских и узбекских устойчивых выражений показало, что несмотря на различие в исторических и культурных условиях, существует значительное количество универсальных образов. Это, в частности, объясняется схожими базовыми жизненными ситуациями: труд, семья, природа, человеческие отношения. Однако различия ярче проявляются в оценочных коннотациях: русские выражения нередко тяготеют к философскому осмыслению личного опыта, в то время как узбекские подчеркивают социальную взаимопомощь и коллективные традиции [11].

Обсуждая практическое значение исследования, следует отметить его значимость для межкультурной коммуникации и переводческой деятельности. Невозможно качественно перевести фразеологизмы без учета культурного кода, который они несут. Более того, преподавание иностранных языков выигрывает от привлечения фразеологического материала, так как он позволяет студентам глубже погрузиться в менталитет другой культуры. Это подтверждает актуальность дальнейшего изучения устойчивых выражений в сопоставительном ключе.

Заключение

Фразеологизмы являются не только языковыми единицами, но и носителями культуры, менталитета и коллективного опыта народа. Они сохраняют в себе исторические реалии, отражают ценностные ориентации и способы восприятия мира. Например, русское выражение «дело в шляпе» отражает уверенность в успешном завершении дела, тогда как узбекская поговорка «Ташланмаган таш хам оёкка олади» демонстрирует прагматическое отношение к осторожности.

Сравнительный анализ показал, что несмотря на различия в образах и культурных контекстах, фразеологизмы разных народов выполняют сходные функции: выражают моральные установки, передают жизненную мудрость и обеспечивают преемственность культурных традиций. Исследование подтверждает, что фразеологизмы формируют национальное сознание, фиксируют уникальный опыт народа и способствуют взаимопониманию между культурами.

Литература

1. Хакиева Х.А., Шамилева Р.Д. Лингвокультурологические характеристики фразеологизмов в современном английском языке. *Вопросы природопользования*. 2024;3(10):94-104. DOI: <https://doi.org/10.25726/y1721-5824-2009-w>
2. Гумбольдт В. фон. *Избранные труды по языкознанию*. Москва: Прогресс; 1984.
3. Виноградов В.В. *О языке художественной литературы*. Москва: Высшая школа; 1971.
4. Шанский Н.М. *Фразеология современного русского языка*. Москва: Просвещение; 1985.
5. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press; 1980.
6. Маслова В.А. *Лингвокультурология*. Москва: Академия; 2001.

7. Телия В.Н. *Русская фразеология*. Москва: Наука; 1996.
8. Kunhammad A. *Comparative Phraseology: Culture and Cognition*. Oxford: Routledge; 2019.
9. Маслова В.А. *Когнитивная лингвистика*. Минск: ТетраСистемс; 2004.
10. Садыков А. *Устойчивые выражения в узбекском языке и их культурные особенности*. Ташкент: Фан; 2005.
11. Ахмедов Б. *Узбекская паремология: традиции и современность*. Ташкент: Фан; 2012.

Reference

1. Khakieva HA, Shamileva RD. Lingvocultural characteristics of phraseological units in modern English. *Issues of Nature Management*. 2024;3(10):94–104 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25726/y1721-5824-2009-w>
2. Humboldt W. von. *Selected works on linguistics*. Moscow: Progress; 1984 (in Russian).
3. Vinogradov VV. *On the language of fiction*. Moscow: Vysshaya shkola; 1971 (in Russian)
4. Shansky NM. *Phraseology of the modern Russian language*. Moscow: Prosveshchenie; 1985 (in Russian)
5. Lakoff G, Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press; 1980.
6. Maslova VA. *Lingvoculturology*. Moscow: Academy; 2001 (in Russian)
7. Telia VN. *Russian phraseology*. Moscow: Nauka; 1996 (in Russian)
8. Kunhammad A. *Comparative Phraseology: Culture and Cognition*. Oxford: Routledge; 2019.
9. Maslova VA. *Cognitive Linguistics*. Minsk: TetraSystems; 2004. (in Russian)
10. Sadykov A. *Set Expressions in the Uzbek Language and Their Cultural Features*. Tashkent: Fan; 2005.
11. Akhmedov B. *Uzbek Paremiology: Traditions and Modernity*. Tashkent: Fan; 2012.

Об авторе

ОЗОДОВА Ойшажон Кудрат кизи – студент 3 курса факультета филологии и преподавания языков, Ургенчский государственный педагогический институт, г. Ургенч, Республика Узбекистан, e-mail: Ozodovaoyshajon787@mail.ru

About the author

Oyshajon K. OZODOVA – 3d-year student, Urgench State Pedagogical Institute, Urgench, Republic of Uzbekistan, e-mail: Ozodovaoyshajon787@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию / Submitted 02.09.2025

Принята к публикации / 25.09.2025

УДК 81'373.21

<https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-3-61-71>

Оригинальная научная статья

Семантика топонимического пространства Южной Якутии как инструмент патриотического воспитания

Л. А. Яковлева✉, В. М. Кутузова

Технический институт (филиал) Северо-Восточного федерального университета
имени М.К. Аммосова в г. Нерюнгри, Российская Федерация✉yakovlyubov@rambler.ru

Аннотация

Настоящая статья посвящена исследованию потенциала использования местного топонимического материала в преподавании родного языка. Актуальность работы обусловлена возможностью применения топонимики как эффективного инструмента для расширения знаний учащихся о географической среде, формирования познавательного интереса к истории и культуре родного края, а также воспитания патриотизма. Несмотря на наличие научных работ, посвященных изучению топонимии Южной Якутии, разработка методических материалов, интегрирующих топонимический материал во внеурочную деятельность для учащихся среднего звена, представляет собой недостаточно изученную область. Целью исследования являются разработка и методическое обоснование структуры внеурочного занятия для учащихся среднего звена общеобразовательных школ Республики Саха (Якутия), ориентированного на использование топонимического материала Южной Якутии с целью формирования у школьников интереса к региональной истории и культуре, а также повышения уровня их гражданско-патриотической идентичности. В качестве теоретической основы исследования были проанализированы научные работы, посвященные топонимике Якутии и методике ее использования в образовательном процессе. На основе анализа этих источников было отобрано 83 топонима, послуживших основой для разработки сценария внеурочного занятия. Критерием отбора послужила достоверность топонимического материала, соответствие уровню развития, интересам и возрасту учащихся. Исследование базируется на принципах **системного подхода**, рассматривающего топонимический материал Южной Якутии как целостную систему, взаимосвязанную с историческими, культурными и географическими факторами региона. Также используется **культурологический подход**, акцентирующий внимание на роли топонимии как средства передачи и сохранения культурного наследия. Результатом проведенного исследования является разработанная структура внеурочного занятия, ориентированная на активизацию познавательной деятельности учащихся и формирование у них чувства причастности к истории и культуре региона. Интеграция топонимического материала во внеурочную деятельность представляется перспективным направлением в педагогической практике, способствующим развитию у школьников интереса к родному краю, сохранению памяти о его прошлом и укреплению чувства патриотизма.

Ключевые слова: топонимы, гидронимы, ойконимы, топонимический материал, внеурочная деятельность, патриотическое воспитание, Родина, учитель, учащиеся, Якутия.

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Яковлева Л.А., Кутузова В.М. Семантика топонимического пространства Южной Якутии как инструмент патриотического воспитания. *Алтаистика. Altaistics.* 2025, № 3 (18), С. 61-71. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-3-61-71>

Semantics of the toponymic space of Southern Yakutia as a tool for patriotic education

Lyubov A. Yakovleva[✉], Victoria M. Kutuzova

Technical Institute (branch) of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Neryungri, Russian Federation

[✉]yakovlyubov@rambler.ru

Abstract

This article is devoted to the study of the potential of using local toponymic material in teaching the native language. The relevance of the work is due to the possibility of using toponymy as an effective tool for expanding students' knowledge of the geographical environment, forming cognitive interest in the history and culture of their native land, and fostering patriotism. Despite the availability of scientific papers devoted to the study of the toponymy of Southern Yakutia, the development of methodological materials integrating toponymic material into extracurricular activities for middle-school students is an insufficiently studied area. The purpose of the study is to develop and methodologically substantiate the structure of an extracurricular lesson for students of grades 5–8 of comprehensive schools of the Republic of Sakha (Yakutia), focused on the use of toponymic material of Southern Yakutia in order to form students' interest in regional history and culture, as well as to increase their level of civic and patriotic identity. As a theoretical basis for the study, scientific papers devoted to the toponymy of Yakutia and the methods of its use in the educational process were analyzed. Based on the analysis of these sources, 83 toponyms were selected, which served as the basis for developing the scenario of an extracurricular activity. The selection criterion was the reliability of the toponymic material, compliance with the level of development, interests and age of students. The study is based on the principles of a systems approach, considering the toponymic material of South Yakutia as an integral system interconnected with historical, cultural and geographical factors of the region. A cultural approach is also used, focusing on the role of toponymy as a means of transmitting and preserving cultural heritage. The result of the study is the developed structure of an extracurricular activity, aimed at activating the cognitive activity of students and forming a sense of involvement in the history and culture of the region. The integration of toponymic material into extracurricular activities seems to be a promising direction in pedagogical practice, contributing to the development of interest in their native land among schoolchildren, preserving the memory of its past and strengthening the sense of patriotism.

Keywords: toponyms, hydronyms, oikonyms, toponymic material, extracurricular activities, patriotic education, Homeland, teacher, students, Yakutia.

Funding. The study had not financial support.

For citation: Yakovleva L.A., Kutuzova V.M. Semantics of the toponymic space of Southern Yakutia as a tool for patriotic education. *Altaistics*. 2025, No 3 (18), Pp. 61-71. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-3-61-71>

Введение

В условиях современной социокультурной динамики вопросы формирования гражданской идентичности и патриотического воспитания подрастающего поколения приобретают особую значимость. Так, в статье «Растим патриотов: воспитание действенного патриотизма школьников в XXI веке» С. П. Зубова приводит высказывание В. А. Сухомлинского: «Как у маленького деревца <...> садовник укрепляет корень, от мощности которого зависит жизнь растения <...>, так педагог должен заботиться о воспитании у своих детей чувства безграничной любви к Родине», которая подтверждает, что воспитание патриотических чувств и убеждений очень важно и сегодня, в современных социокультурных условиях [1, с. 28]. Автор статьи также отмечает, что через оптимальную педагогическую систему, направленную на формирование патриотических качеств школьников, учитель ставит задачи воспитания гражданственности, чувства любви

и гордости за свою страну. Одна из составляющих этой системы – краеведческая работа. В этой связи возрастает потребность в разработке и внедрении эффективных педагогических инструментов, способствующих формированию у школьников глубокого понимания истории, культуры и географических особенностей родного края.

Географические названия содержат сведения о природных условиях прошлых эпох и об историческом прошлом, служат источником познания родного края. В работе «Актуальные аспекты патриотического воспитания младших школьников: теория и практика вопроса» О. А. Безбородовой также делается акцент на краеведческую деятельность как одну из составляющих в достижении цели воспитания патриотизма у детей [2].

Топонимика тесно связана с краеведческой деятельностью, так как является одним из «инструментов» для изучения местности. Изучение топонимического материала, на наш взгляд, послужит одним из элементов формирования у детей уважительного отношения к родному краю, что позитивным образом скажется на патриотическом воспитании школьников. Таким образом, целью данной статьи являются разработка и представление структуры внеурочного занятия, направленного на формирование познавательного интереса к родному краю, укрепление чувства патриотизма.

Топонимия представляет собой ценный, но, на наш взгляд, недостаточно реализованный ресурс в решении задач патриотического воспитания. Топонимы Южной Якутии рассматриваются в следующих работах: «Большие имена моей малой Родины» (Южанина А. А.) [3], «К вопросу этимологии некоторых гидронимов Нерюнгринского района» (Меркель Е. В., Яковлева Л. А.), авторы рассматривают гидронимы Нерюнгринского района Южной Якутии и объясняют их с помощью лингвистических методов топонимических исследований [4]; «Аборигенные (эвенские и эвенкийские) ойконимы Республики Саха (Якутия)» (Никаева Т. М., Тарабукина М. В., Самсонова Л. Н.), статья посвящена исследованию современных топонимов, а также определению происхождения и описания их словообразовательных моделей [5].

Нами также были рассмотрены статьи с использованием топонимического материала на уроках в школе, некоторые из них: «Якутские топонимы: лингвистические характеристики и педагогические возможности» (Прибылых С. Р., Лотова Н. К.) [6], «Изучение топонимии как национально-культурной ценности на занятиях по лингвокраеведению в школе» (Цветкова Е. В.) [7], «Региональная топонимика как средство повышения мотивации на уроках русского языка» (Власова К. А.) [8]. Все вышеперечисленные статьи подчеркивают важность использования топонимического материала на уроках русского языка и других предметов.

Южная Якутия, обладающая богатым и уникальным топонимическим фондом, открывает широкие возможности для использования местных географических названий в образовательном процессе. Однако анализ существующих методических разработок выявляет недостаточную представленность топонимического материала в практике внеурочной деятельности общеобразовательных учреждений. Данное обстоятельство обуславливает необходимость разработки и апробации методических подходов, направленных на интеграцию топонимического контента в систему патриотического воспитания школьников. Настоящая статья посвящена исследованию потенциала использования местной топонимии в качестве средства формирования патриотических чувств и повышения интереса к родному краю у школьников 5–8 классов.

В контексте данной статьи под внеурочным занятием понимается форма организации образовательной деятельности, реализуемая в свободное от уроков время и направленная на развитие познавательного интереса, расширение кругозора, а также на формирование

патриотической идентичности обучающихся. Практическая реализация данной концепции предусматривает проведение тематического классного часа, посвященного Международному дню родного языка (21 февраля), отмечаемому ежегодно с целью защиты языкового и культурного многообразия. Занятие будет проведено в рамках производственной педагогической практики.

В соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта и действующего учебного плана, выпускники образовательной программы «Филология» должны владеть компетенцией ПК-3, определяемой как «готовность к распространению и популяризации филологических знаний и воспитательной работе с обучающимися». Следовательно, в рамках обозначенной компетенции, студент-практикант должен демонстрировать способность к разработке учебно-методических материалов для проведения внеклассных мероприятий.

Таким образом, использование топонимического материала является не только актуальным, так как топонимы считаются кладезем ценной информации, но и эффективным подходом в обучении школьников для развития кругозора и воспитания чувства патриотизма и гражданственности.

Методология исследования

Методологической базой исследования послужили следующие работы: «Топонимия города Нерюнгри» (Вершинина П. А.), целью работы стали описание, исследование и классификация топонимов Нерюнгри, а также в ходе изучения материала в статье было описано 519 языковых единиц [9], «Сберегая память о первостроителях и улицах города Нерюнгри» (Еникеева А. Ф.), исследование содержит информацию о названиях Нерюнгринского района, связанных с историей строительства города [10], «Память Нерюнгринских улиц» (Корякина В. П., Черепанова С. А.), в данном краеведческом издании рассказывается об истории возникновения улиц и площадей города [11].

Из обзора вышеописанной литературы был выявлен самый интересный топонимический материал для школьников 5–8 классов. Все написанные труды, несомненно, являются значимыми и ценными источниками информации, которые отражают историю региона.

В качестве методов исследования следует отметить анализ топонимического материала Южной Якутии: изучение карт, справочников, архивных документов, краеведческой литературы с целью выявления наиболее значимых и интересных топонимов для использования в образовательном процессе; **разработку структуры внеурочного занятия:** создание плана-конспекта занятия с определением цели, задач, содержания, методов, форм организации учебной деятельности и критериев оценки. Также был применен метод **моделирования, посредством которого** создана модель внеурочного занятия, демонстрирующая возможности использования топонимического материала для достижения целей патриотического воспитания.

В рамках занятия, организованного в форме виртуального путешествия, предполагается последовательное рассмотрение ключевых топонимов Южной Якутии, отобранных на основе критериев исторической значимости, этимологической прозрачности и репрезентативности для формирования целостного представления о регионе. В частности, будут проанализированы названия населенных пунктов, гидрографических объектов, а также микротопонимы с акцентом на их лингвистическое происхождение и связь с историческими событиями, хозяйственной деятельностью и культурными особенностями коренных народов.

Путешествие строится вокруг решения определенной проблемы, что стимулирует познавательную активность и самостоятельность учащихся.

Использование активных методов обучения обусловлено необходимостью активизации познавательной деятельности учащихся, формирования у них самостоятельности, инициативности и критического мышления. В данной статье под *активными методами обучения* понимаются педагогические подходы, стимулирующие учащихся к активному участию в процессе познания, самостоятельной выработке знаний и развитию компетенций. В исследовании были использованы такие активные методы и формы обучения, как проблемное обучение, исследовательский метод, проектная деятельность, дискуссионные формы.

Структура и содержание внеурочного занятия

Цель занятия: формирование у учащихся 5-8 классов ценностного отношения к истории, культуре и природе Южной Якутии посредством изучения семантики топонимического пространства.

Задачи:

- развить познавательный интерес к истории и культуре родного края;
- сформировать навыки исследовательской деятельности и анализа информации;
- воспитать патриотические чувства и гражданскую ответственность.

Контингент: обучающиеся 5-8 классов общеобразовательных школ Южной Якутии, возрастная категория 11-15 лет. В данном возрастном периоде происходит формирование ценностных ориентаций и мировоззрения учащихся. Важно учитывать особенности восприятия информации, уровень развития познавательных процессов и интересы учащихся при организации образовательной деятельности

Данная статья представляет собой описание педагогической модели использования семантики топонимического пространства Южной Якутии как инструмента патриотического воспитания учащихся 5-8 классов. Описание результатов реализации данной модели в рамках конкретного образовательного проекта может стать темой для отдельной публикации.

Создание проблемной ситуации «Поиск исчезнувшего поселка»

Представьте, что вы – группа юных исследователей, получивших загадочное письмо от краеведческого музея. В письме говорится о поселке, находящемся где-то в Южной Якутии, название которого практически стерлось. Осталась лишь обрывочная информация: название поселка начиналось на букву «Н», заканчивалось на «А» и было связано с какой-то рекой. Известно также, что в этом поселке была расположена улица с одноименным названием. Музей просит вас помочь разгадать тайну этого поселка: установить его местоположение (хотя бы приблизительное), выяснить его настоящее название и историю. Почему он исчез? Какая река поможет в поиске и как это отразилось в его названии?

В вашем распоряжении есть географические карты Южной Якутии, краеведческие статьи, воспоминания старожилов (в виде аудиозаписей) и доступ к интернет-ресурсам. Однако информация разрознена и противоречива.

Развитие ситуации (примерные этапы занятия):

1. **Определение цели и задач.** Учащиеся совместно с учителем формулируют цель и задачи исследования: найти информацию о поселке Южной Якутии, проанализировать его название, сопоставить с доступными данными.

2. **Работа с источниками.** Учащиеся делятся на группы (путешественники и исследователи) и работают с различными источниками информации: карты, статьи, аудиозаписи.

3. **Анализ топонимов.** Особое внимание уделяется анализу названий поселков, а также рек. Какие реки могли быть связаны с названиями населенных пунктов?

4. **Сопоставление данных.** Учащиеся сопоставляют информацию из разных источников, выявляют противоречия и пытаются их разрешить.

5. **Представление результатов.** Каждая группа представляет свои результаты исследования.

6. **Обсуждение и выводы.** Учащиеся совместно обсуждают результаты, делают выводы о наиболее вероятном кандидате на роль исчезнувшего поселка и его истории.

Путешествие предполагает использование активных методов обучения. Так, **работа в группах имеет цель** развитие навыков сотрудничества, коллективного принятия решений, обмена знаниями.

Группа «Путешественники» получает фрагмент карты Южной Якутии и задание: исследовать названия населенных пунктов, рек, гор на своем участке, начинающихся на букву «Н». Нужно выяснить значение названий, найти легенды или исторические факты, связанные с этими местами, и создать краткое описание для общего отчета.

Исследовав местность, ученики должны прийти к выводу о том, что на современных картах такой поселок отсутствует. Либо работники музея ошиблись, и следует искать не поселок, а реку, либо следует искать отгадку далее. Среди названий рек в Южной Якутии, отвечающих заданным критериям, выявляются следующее:

Река в Олёкминском улусе *Наманá*, в бассейне которой находятся множество озер, богатых минерализованными гязями, целебными сероводородными источниками. Вода в реке соленая на вкус. Гидроним, вероятно, эвенкийского происхождения. Возможно, образован от эвенкийского *намнга* – «равнина», поскольку река тихая, спокойная. Данная версия косвенно подтверждается А. В. Мельниковым, который в «Топонимическом словаре Приморья» при толковании названий рек Намкан, Намкун, Намтундя, Намуга ссылается на эвенкийский апеллятив *наму* – тонкий, узкий, равнина у подножия горы, склоны горы, ровное место на склоне.

Река Олёкминского улуса *Намингá*, которая дословно переводится с эвенкийского как «долина между горными хребтами».

Река Нерюнгринского улуса *Ниректá*, название которой образовано от эвенкийского слова *нирэ*, которое имеет значение «болотистая поляна в лесу; открытое место в прибрежных зарослях». Суффикс *-кта* имеет значение собирательности.

Река Алданского улуса *Ничá*. Гидроним образован от слова *нича* – эвенкийского названия сороги – красноглазой рыбы. Переводится как «река, в которой водится сорога».

Название реки в Нерюнгринском улусе *Номиннгá* восходит к эвенк. *наму* – ровное место.

Учащиеся в ходе исследования приходят к выводу, что название города Нерюнгри практически созвучно названию реки *Нерюнгрá*. Выясняют, что гидроним этимологизируется средствами эвенкийского языка: *неригэ*, *нирү* – «хариус», суффикс *-нгá* обозначает названия гор, рек, озёр, местностей [12, с. 28]. Однако это город, и его название имеет другую конечную гласную. Следовательно, необходимо изучить историю города.

В ходе исследования ребята узнают, что город Нерюнгри ведет свою историю от маленького поселка Нерунгра, начало строительства которого относят к 1952 г., вскоре после открытия в 1951 г. Нерюнгринского угольного месторождения. Первые постройки располагались в устье р. Нерунгры, при впадении ее в Чульман. С увеличением добычи угля рос и поселок Нерунгра. В феврале 1975 г. был образован Нерюнгринский поссовет. Поселок, получив статус рабочего, стал называться Нерюнгри. 06 ноября 1975 года рабочий поселок Нерюнгри Алданского района преобразован в город республиканского

подчинения. 12 ноября 1975 г. образован Нерюнгринский горсовет с центром в городе Нерюнгри.

Группа «Исследователи» получает задание изучить названия улиц г. Нерюнгри и должна узнать их историю, используя различные источники (словари, научные статьи, интернет).

В ходе изучения школьники узнают, что становление Нерюнгри как молодого города Южной Якутии нашло отражение в динамике наименований его улиц. Первые улицы возникли в поселке в 1956 году и получили названия, отражающие дух времени и социальную структуру: Чульманская, Профсоюзная, Спортивная, Набережная.

В 1965 году, с началом активной разработки угольных месторождений, появилась Нерюнгринская улица, обозначившая новый этап в развитии поселения.

В 1972 году была проложена улица Строительная, которая в 1986 году была переименована в Шахтерскую, что подчеркивало доминирующую роль угольной промышленности в жизни города. В этом же году появились улицы Строителей и Юбилейная, посвященные 50-летию образования Якутской АССР (27 апреля 1922 г.).

Период с 1976 года ознаменовался появлением улиц, символизирующих дружбу между регионами и профессиями, связанными с угольной промышленностью: Донецкая, Карагандинская, Кузбасская, Горняков, Транспортный проезд. Улица Молодежная, возникшая в 1976 году, в 1986 году была переименована в Фестивальную, что было связано с проведением значимого культурного события.

В 1978 году появились улицы Кемеровская и Воркутинская, также отражающие связи с другими угледобывающими регионами.

В 1979 году появились улицы Монтажников, Разрезовская и Геологов, подчеркивая важность этих профессий для развития Нерюнгри.

Наконец, в 1980 году появились улицы, отражающие различные аспекты промышленной и социальной жизни города: Василия Рыжова, Промышленная, Северная, Окружная, Шахтинская, Индустриальная, Заводская. Эта волна наименований завершила формирование основной сети улиц, отражающих историю становления и развития Нерюнгри как центра угольной промышленности Южной Якутии.

Таким образом ребята пришли к выводу, что в Нерюнгри ранее существовала одноименная Нерюнгринская улица, которая была переименована.

По аналогии с описанным выше можно провести занятие, взяв за основу наименования Золотинка и Иенгра. Поселок Золотинка возник в связи со строительством железнодорожной магистрали БАМ – Тында – Беркакит. Отнесен к категории рабочих поселков в 1977 г. Относится к функциональному типу поселений с преобладающими транспортными функциями. Население занято в основных и вспомогательных производствах железнодорожной станции Золотинка. Сейчас поселок перенесен в село Иенгра, Золотинка же служит железнодорожной станцией.

В ходе занятия ребята узнают, что коренными жителями Нерюнгринского района являются эвенки, компактно проживающие в с. Иенгра, расположенном на левом берегу одноименной реки. Река Иёнгра своим названием обязана необычному виду: от эвенкийского *ийэ* – «рог» и аффикса *-нгра*, обозначающего реки, озёра, горы [12, с. 28]. Таким образом, название переводится как «ветвистая река», т. е. имеющая много притоков, напоминающих рога оленя. Это село примечательно также тем, что в 1977 году в его окрестностях проводились съёмки художественного фильма режиссёра Б. Бунеева «Злой дух Ямбуя» по известной повести Г. Федосеева. В массовых сценах этого знаменитого фильма приняли участие многие жители Иенгры, а местный житель Николай Леонтьевич Дмитриев сыграл роль Долбачи, проводника геодзической экспедиции.

Еще одной формой проведения внеурочного занятия может быть составление **туристического буклета**. Учащимся дается задание разработать туристический буклет о Южной Якутии, в котором акцент делается на интересных географических названиях и их истории. Школьники с большим интересом погружаются в работу и ищут диковинные места, о которых народ слагает легенды.

Например, Бутылочная скала находится в 5 км от п. Большой Хатымы. О Бутылочной скале ходит множество легенд. Примечательно, что эта скала вошла в известную книгу Т. В. Шнуровозовой «Таинственные места России». Автор отмечает, что названа она так, потому что своим внешним видом напоминает зеленое бутылочное стекло: настолько гладок и прозрачен минерал, образующий скалу. Издавна эвенки чувствовали особую исцеляющую энергию этой горы. По многочисленным местным преданиям, Бутылочная скала не только исцеляет зрение, но и дарует духовное прозрение.

Гора Мевочан находится на левом берегу р. Алгама (высота 1196 м). Название эвенкийского происхождения: *мёвон* – «сердце», суффикс *-чан* имеет уменьшительное значение. Существует несколько версий происхождения. В основе первого принципа номинации лежит форма возвышенности: гора имеет форму сердца. В народе же бытует другое объяснение: существует легенда, рассказывающая о том, как отважный юноша во время охоты в этом месте вступил в схватку с огромным медведем. На следующее утро эвенки нашли юношу мертвым, на его теле были следы когтей, а рядом лежало вырванное сердце юноши.

На территории Нерюнгринского улуса находится уникальный термальный источник Нахот, расположенный в экологически чистой зоне долины реки Аччыгый-Нохот. В основе названия лежит якутское слово *аччыгый* – «малый, небольшой». Слово *нохот*, по словам местных жителей, – искаженное от эвенкийского *некэт*, что означает «постоянное нахождение зверя, сожоя (дикого северного оленя)». Из скважин Мало-Нахотского месторождения минеральных вод добывается лечебно-столовая минеральная вода «Нахот», лечебное значение которой определяется ионным составом, общей минерализацией, рекомендуется при хронических заболеваниях внутренних органов, нарушениях обмена веществ, хронических колитах, гастритах. Здесь создана уникальная коммерческая база отдыха «Нахот» с купальней под открытым небом, в которой температура воды зимой не опускается ниже 34 градусов, что позволяет функционировать базе круглый год.

Гора Эсэ-Хайатá расположена севернее п. Иенгра. В названии оронима отразилось тотемическое представление якутов о медведе как о хозяине тайги: *эһэ* (якут.) – медведь, *хайа* – гора, топоформант *-та* указывает на принадлежность к орониму. «Медведь-гора» названа так потому, что по форме напоминает громадного спящего медведя. Местные жители рассказывают легенду, что, когда северное солнце заходит за горизонт, этот громадный зверь бесшумно ложится на живот, кладет голову на передние лапы и засыпает. Он засыпает и просыпается вместе с солнцем. В прошлом якуты считали, что медведь всё слышит, и при встрече с ним обращались с просьбой-заклинанием не трогать охотника. Кроме того, по их поверьям, семье, в которой часто умирали дети, рекомендовалось заворачивать новорожденного в медвежью шкуру, тогда ребёнок оставался жив.

Река Нерюнгринского улуса Анамдяк, правый приток реки Тимптон. В бассейне реки имеется множество озёр и солончаки, где в летнее время кормятся лоси. В устье реки эвенки ставили долговременные жилища для того, чтобы охотиться на лосей. Багдарыын Сюлбэ приводит следующую версию: на эвенкийском *аннам* – лось, а суффикс *-дяк* обозначает место длительного действия. Значит, *анамдяк* – место, где убили лося и ели в течение длительного времени» [12, с. 29]. Специфическим аспектом эвенкийской

культуры является сакрализация лося, что позволяет рассматривать данное животное в качестве одного из ключевых тотемических символов. Культивируемое на протяжении тысячелетий отношение к лосю как к объекту культового почитания находит отражение в многочисленных охотничьих обрядах и религиозных верованиях эвенков.

Посёлок Чульман расположен в 41 км. к северо-востоку от г. Нерюнгри. Первое упоминание о населённом пункте (в народе – Утёсный) в официальных документах относится к 1926 г. По наиболее распространенной версии, в основе названия эвенкийский апеллятив *чулба*, *чулма*, *чулман*, *чулбан* – «кремень, кварц, нефрит, изумруд» [12, с. 28].

Орочён, сельский населённый пункт на территории подчинённой администрации п. Лебединый Алданского улуса. Основан в 1927 году. Багдарыын Сүлбэ пишет: «Главным богатством эвенков является *орон* – «олень». Олень для эвенка – это и пища, и одежда, и транспортное средство. Незаменимую роль он играет и в религиозных верованиях эвенков. *Орочен* – производное от *орон*, переводится как «оленовод». Притом оно является самоназванием забайкальско-амурских эвенков» [12, с. 29].

Заключение

В заключение следует отметить, что разработанная структура внеурочного занятия, основанная на топонимическом материале Южной Якутии, представляет собой перспективный инструмент патриотического воспитания учащихся 5–8 классов. Проведенное исследование выявило значительный потенциал местной топонимии в формировании у школьников познавательного интереса к истории и культуре родного края, уважения к традициям коренных народов и чувства гордости за свою малую родину.

Анализ теоретических источников и практический опыт разработки занятия показали, что интеграция топонимического контента во внеурочную деятельность способствует не только расширению знаний учащихся о географических названиях и их происхождении, но и формированию у них ценностного отношения к историческому и культурному наследию региона.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на апробацию разработанных материалов в реальной образовательной практике, оценку их эффективности и разработку методических рекомендаций по использованию топонимического материала в различных формах обучения. Кроме того, перспективным направлением является изучение возможности создания электронных образовательных ресурсов, посвященных топонимике Южной Якутии, которые могли бы быть использованы как учителями, так и учащимися для самостоятельного изучения родного края.

Литература

1. Зубова С.П. Растим патриотов: воспитание действенного патриотизма школьников в XXI веке. *Интерактивная наука*. 2024;1(87):28-29.
2. Безбородова О.А. Актуальные аспекты патриотического воспитания младших школьников: теория и практика вопроса. *Инновационная наука*. 2024;4-1:188-192.
3. Южанина А.А. Большие имена моей малой Родины. *Научные труды Московского гуманитарного университета*. 2024;3:44-53.
4. Меркель Е.В. К вопросу этимологии некоторых гидронимов Нерюнгринского района. *Мир науки, культуры, образования*. 2019;6(79):589-591.
5. Никаева Т.М., Тарабукина М.В., Самсонова Л.Н. Аборигенные (эвенские и эвенкийские) ойконимы Республики Саха (Якутия). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019;12:345-350.
6. Прибылых С.Р., Лотова Н.К. Якутские топонимы: лингвистические характеристики и педагогические возможности. *Концепт*. 2019;6:36-44.

7. Цветкова Е.В. Изучение топонимии как национально-культурной ценности на занятиях по лингвокраеведению в школе. *Учёные записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого*. 2020;1(26):1-5.
8. Власова К.А. Региональная топонимика как средство повышения мотивации на уроках русского языка. *Пермский педагогический журнал*. 2020;11:139-143.
9. Вершинина П.А. Топонимия города Нерюнгри. В кн. *Материалы X Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры*. 2021:10-14.
10. Еникеева А.Ф. Сберегая память о первостроителях и улицах города Нерюнгри. *Студенческий научный форум 2014*. URL: <https://scienceforum.ru/2014/article/2014007235> (дата обращения: 23.08.2025).
11. Черепанова С.А., Корякина В.П. *Память нерюнгринских улиц: дайджест*. Нерюнгри; 2011:44.
12. Багдадыев Скулбэ. *Топонимика Якутии*. Якутск: Бичик; 2004:192.

References

1. Zubova SP. Raising Patriots: Fostering Effective Patriotism in Schoolchildren in the 21st Century. *Interactive Science*. 2024;1(87):28–29 (in Russian).
2. Bezborodova OA. Actual Aspects of Patriotic Education of Primary School Students: Theory and Practice of the Issue. *Innovative Science*. 2024;4-1:188–192 (in Russian).
3. Yuzhanina AA. Great Names of My Small Homeland. *Scientific Works of the Moscow Humanitarian University*. 2024;3:44–53 (in Russian).
4. Merkel EV, Yakovleva LA. On the issue of the etymology of some hydronyms of the Neryungri region. *World of Science, Culture, Education*. 2019;6(79):589-591 (in Russian).
5. Nikaeva TM, Tarabukina MV, Samsonova LN. Aboriginal (Even and Evenki) oikonyms of the Republic of Sakha (Yakutia). *Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2019;12:345–350 (in Russian).
6. Pribylykh SR, Lotova NK. Yakut toponyms: linguistic characteristics and pedagogical possibilities. *Concept*. 2019;6:36–44 (in Russian).
7. Tsvetkova EV. Study of toponymy as a national and cultural value in local history classes at school. *Scientific notes of the Yaroslav the Wise Novgorod State University*. 2020;1(26):1–5 (in Russian).
8. Vlasova KA. Regional toponymy as a means of increasing motivation in Russian language lessons. *Perm Pedagogical journal*. 2020;11:139–143 (in Russian).
9. Vershinina PA. Toponymy of the city of Neryungri. In: *Proceedings of the X International scientific and practical conference dedicated to the Day of Slavic Literature and Culture*. 2021:10–14 (in Russian).
10. Enikeeva AF. Preserving the memory of the pioneer builders and the streets of the city of Neryungri. *Student Scientific Forum 2014*. Available at: <https://scienceforum.ru/2014/article/2014007235> (Accessed 23 August 2025) (in Russian).
11. Cherepanova SA, Koryakina VP. *Memory of Neryungri streets: digest*. Neryungri; 2011:44.
12. Bagdariyev Syulbe. *Toponymy of Yakutia*. Yakutsk: Bichik; 2004:192.

Об авторах

ЯКОВЛЕВА Любовь Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, Технический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» в г. Нерюнгри, г. Нерюнгри, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-5526-9611, SPIN: 2477-0405, e-mail: yakovlyubov@rambler.ru

КУТУЗОВА Виктория Максимовна – магистрант, Технический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» в г. Нерюнгри, г. Нерюнгри, Российская Федерация.

About the authors

Lyubov A. YAKOVLEVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Technical Institute (branch), M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Neryungri, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-5526-9611, SPIN: 2477-0405, e-mail: yakovlyubov@rambler.ru

Victoria M. KUTUZOVA – Master's student, Technical Institute (branch), M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Neryungri, Russian Federation.

Вклад авторов

Яковлева Л.А. – формулирование идеи, формулирование целей и задач, разработка методологии исследования; ответственность за управление и координацию планирования и осуществления научно-исследовательской деятельности, комментирование или пересмотр рукописи, включая этапы до или после публикации рукописи.

Кутузова В.М. – подготовка и создание черновика рукописи, в частности написание первоначального текста рукописи.

Authors' contribution

Lyubov A. Yakovleva – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims, development or design of methodology, management and coordination responsibility for the research activity planning and execution, preparation, creation and/or presentation of the published work – including pre-or postpublication stages.

Victoria M. Kutuzova – preparation, creation and/or presentation of the published work, specifically writing the initial draft.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Submitted 23.08.2025

Принята к публикации / 27.09.2025

АЛТАИСТИКА

Электронное научное периодическое издание

№ 3 (18) 2025

Технический редактор *Н. В. Дмитриева*

Компьютерная верстка *А. М. Соловьева*

Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 30.09.2025. Формат 70х108/16.

Дата выхода в свет 30.09.2025.